

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

3
2012
Том II

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 3 (38) / 2012

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Ответственный редактор: Шульга Олеся Анатольевна

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»

127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Неделяева Н.Н.**
Ценностные представления о здоровье
в массовом сознании 219

ФИЛОЛОГИЯ

- Агавова З.Ш.**
Структурные особенности и смысловые связи
между компонентами сложносочиненных
предложений усложненного типа
в кумыкском языке 223

- Ашурбекова С.И.**
Вокализм дагестанских языков 226

- Безрукавая М.В.**
Парафраза сакрального текста как феномен
массовой культуры 228

- Горбач Н.В.**
Цвет как составляющая художественной
традиции литературы Средневековья 234

- Данилова Р.О., .**
Пиктографическое любовное письмо
юкагиров 237

- Джалилова П.И.**
Употребление стилистически-семантических
синонимов в лексике кумыкского языка 238

- Ишметов А.Г.**
Примеры агрессивного вербального и
невербального общения на материале
английской литературы 240

- Кондрашина А.А.**
Педагогический дискурс: аксиологический
стереотип и лингвокреативная практика
учителя 243

- Куприянова Е.С.**
Якутская народная таксономия животного
мира 245

- Лебедева П.А.**
Неологизмы в юкагирском языке 248

- Магомедрасулова С.М.**
Об особенностях образования формы
множественного числа имен существительных
в хлютском говоре лезгинского языка 248

- Мартьянов Е.Ю.**
Ситуация стандартизации и её структура.
Стандартизация как среда развития героя
ролевой лирики 250

- Муртазалиева Л.А.**
Деривационное развитие мифонимической
лексики кумыкского языка 253

- Неснова Т.А.**
Концепт «переулук» в романе М.А.Булгакова
«Мастер и Маргарита» 256

- Печерских Т.Ф., Амангельдина Г.А.**
Особенности перевода разносистемных языков
(на примере английского
и казахского языков) 259

- Реброва П.В.**
Способы выражения согласия/несогласия
в русском языке на примере
коммуникативного акта просьбы 262

- Смирнова О.А.**
О происхождении и путях трансляции английских
имен и фамилий на русский язык 265

- Съёмщикова Е.О.**
Диалоги в «Малине» – единство текста
и музыки 267

- Храмушина Л.М.**
Абзац – предложение в зачине
художественного текста 271

Храмушина Л.М.
Текстоорганизующая роль финального абзаца-предложения в художественном произведении..... 274

Хуррамова Д.М.
Лексико-семантическое поле «очистка сточных вод» 279

Чиж О.К.
Речевые средства воздействия на общественное сознание: языковое манипулирование в СМИ 282

Шахбанова П.Г.
Система нефинитных форм глагола карбачимахинского говора даргинского языка 284

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ермакова Ю.Г.
Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики 287

Иванов К.К.
Особенности законотворческого процесса в зарубежных странах (на примере Франции) 291

Курбангалеева Л.А.
Источники правового регулирования гражданско-правовых договоров в исполнительном производстве 294

Курбангалеева Л.А.
Проблемы исполнения исполнительного документа в случае введения в отношении сторон исполнительного процедуры банкротства..... 296

Луньков Д.А.
Криминологическая характеристика преступлений, наиболее часто совершаемых посредством других лиц, и меры по их профилактике 298

Луць О.Н.
Специальные универсальные международные договоры в сфере прав человека как источники международных избирательных стандартов... 301

Пузакова А.И.
К вопросу о доверительном управлении наследуемым имуществом 308

Якименко О.Ю.
Правовое регулирование деятельности государственной жилищной инспекции в Российской Федерации..... 310

ПОЛИТОЛОГИЯ

Гревцова А.Н.
Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН 313

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Барсукова О.В.
Элементы игротерапии в работе с детьми раннего возраста и их родителями (из опыта работы в Центре игровой поддержки)..... 316

Верзунова Л.В., Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю., Болховитина Е.А.
Изучение актуального состояния грантовой активности молодых исследователей Белгородской области 319

Власов А.В.
Гребешковая кожа приоткрывает завесу своей таинственности 322

Кузнецова Л.Э.
Формирование психологической готовности юношей к прохождению обязательной военной службы в ВС РФ с точки зрения ресурсного подхода 324

Липецкий Н.Н.
Квантовая парадигма в системе нового психологического знания 328

Надеев Г.А.
Постановка проблемы гендерной асимметрии на государственной службе 333

ФИЛОСОФИЯ

Ценностные представления о здоровье в массовом сознании

Неделяева Нина Николаевна, аспирант

Пятигорский государственный гуманитарно-технологический университет

В настоящее время в ряде стран мирового сообщества намечается тенденция снижения уровня здоровья населения на фоне научно-технического прогресса медицины. Связано это не только с повсеместной коммерциализацией институтов здравоохранения и дороговизной предоставляемых ими услуг, но также и с другими факторами, определяющими повседневную жизнь людей. Одним из ведущих является широкое распространение ложных представлений о здоровье и болезни в массовом сознании. Это еще больше затягивает социальное здоровье в кризис, несмотря на то, что глубина теоретических исследований достигла субклеточного уровня. В отношении медицины современное общество находится в противоречивом положении. С одной стороны это проявляется в возрастании инструментальной ценности здоровья как условия нормального течения производства, а с другой — в том, что медицинский и фармацевтический рынки постоянно провоцируют рост числа потребителей своих услуг.

В современном обществе назрел кризис доверия к официальной медицине, что привело к падению престижа профессиональной медицинской деятельности. Как правило, представления о здоровье, болезнях, здоровом образе жизни человек получает, в основном, не от лечащего врача, а из средств массовой информации. Отсюда возникает реальная опасность манипулирования ценностным смыслом здоровья в массовом сознании, что усугубляется коммерческими интересами фармацевтических и медицинских предприятий. Последнее обстоятельство требует глубокого переосмысления аксиологического аспекта понятия «здоровье» в срезе социальной реальности, что актуализирует проблему ценностной ориентации здоровья в современном социогуманитарном знании. В социальной философии назрела необходимость выявить основные факторы формирования общественного мнения относительно здоровья как одной из жизнеполагающих ценностей и условий жизнедеятельности личности с учетом того, что трансформация самого общества вызвала существенные изменения в структуре массового сознания.

Здоровье в эпоху информационного общества становится значимым объектом манипулирования, что заставляет обращаться к соответствующим исследованиям. Одним из первых исследователей манипулирования мас-

совым сознанием был Г. Франк, который в своей работе «Манипулируемый человек» дал анализ этого феномена. Г. Шиллер разработал основные аспекты концепции влияния средств массовой информации на сознание общества и индивида. Основные положения исследований С. Кара-Мурзы, К. Фарбера, Е.А. Доценко, К.Х. Каландарова, Ф. Клозе, Д.Ф. Энджела также раскрывают механизм манипулирования в отношении различных субъектов общественного сознания. Влияние масс-медиа на формирование ценности здоровья хорошо отражается и в работе таких зарубежных авторов, как Клив Сил, Нэнси Синьорелли, Мартин Кинг, Кэтрин Ватсон, Джон Брайтон и других.

Определим роль ценностей массового сознания для построения его образов. Четкость и правильность образа будет зависеть от характера ценностных представлений. Искривленные ценности называются квази- и псевдоценности. Они обусловлены способностью массового сознания к порождению заблуждений, иллюзий, мифов, предрассудков, которые иногда сами по себе могут представлять ценности. В любом случае, в рациональном объяснении квази- и псевдоценностей всегда есть большая степень недоговоренности, дезинформации и полуправды. Подобного рода ценности имеют под собой фундаментальную идеалистическую основу. Следует отметить, что многие исследователи поддаются идеализации, называя здоровье одной из самых больших и жизненных ценностей. Они пишут, что здоровье само по себе является жизнеполагающей ценностью и может даже заменять понятие жизнь. При этом авторы не учитывают субъективный характер оценки здоровья в обыденных представлениях, по причине которых здоровье может представляться как квазиценность и даже псевдоценность. Деятельность, побуждаемая такими ценностями, как правило, ориентирована на телесность (косметическая красота, очищение организма), связана с практикой самолечения и представляет хорошее поле для манипулирования индивидуальным сознанием. Здоровье как квазиценность преподносится в том случае, когда выступает как полуправда и выражается набором современных стереотипов. Например, «здоровье», основанное на косметической красоте (фарфоровая кожа, белоснежная улыбка), считается ценным, потому что связано с эстетическими предпочтениями, ре-

ально доступными только имущим слоям общества. Применение экзотических и эзотерических практик для улучшения здоровья также считаются нами инициированными пониманием здоровья как квазиценности. Квазиценность здоровья способна переходить в псевдоценность. Псевдоценность здоровья связана с вредом, который наносится организму под влиянием заблуждений, злоупотребления стереотипами. Образ здоровья в этом случае извращен и гипертрофирован. Последствием погони за таким образом может служить злоупотребление пластической хирургией, лечебным голоданием, народными методами. При этом, квази- и псевдоценность всегда оправданы «благородной» идеей, навязанной массовому сознанию. Говоря словами Э.З. Фромма, «каким бы неразумным и безнравственным ни был поступок, человеком владеет непреодолимое стремление рационализировать его, то есть доказать самому себе и другим, что его поступки продиктованы разумом, здравым смыслом или, по крайней мере, общепринятой моралью» [3]. Таким образом, ценностные предпочтения индивида регулируются ценностной структурой существующего общества и той группы, к которой он себя причисляет.

Представления массового сознания сосредотачиваются в социально конструируемых определениях, они зависят от уровня стабильности практических и правовых устоев общества. Так, если общество не стабильно или потеряло свою стабильность, то в его сознании повышается тенденция к антагонизации понятий. Сокращаются рамки третьего состояния между болезнью и здоровьем. О зависимости представлений массового сознания от стабильности общественных структур и процессов писал С. Московичи в книге «Век толп» (1981).

В результате изменения субъекта массового сознания и его концепции здоровья, ценностная ориентация последнего основана на следующих детерминантах: социально-экономическое состояние общества, авторитет медицины, модные тенденции. Существенным индикатором в формировании образа здоровья и обосновании динамики отношения к нему представляется общественное мнение, тесно связанное со способностью массового сознания оценивать и придавать значения тем или иным явлениям. Тем не менее, при определении положения здоровья в ценностной структуре массового сознания необходимо принимать во внимание субъективный характер общественного мнения. В свою очередь, оценка здоровья зависит от личностных качеств и возможностей человека, является отражением адаптивности к социально-экономическим условиям и несет отпечаток культурных традиций поколения (С.А. Ефименко).

Ценностные ориентации в массовом сознании являются посредниками между представлениями и образами. Когда образ здоровья наделен ценностными характеристиками, он становится ценностной ориентацией. Ценность для субъекта массового сознания — это мотивационный фактор, побуждающий улучшать, ухудшать здоровье или не вмешиваться в его поддержание. Образ

здоровья отдален от субъекта и не закончен. Это означает, что здоровье является формой творчества, если мотивация положительна, направлена на улучшение и поддержание здоровья. Уровень ценностных дезориентаций в информационном обществе достиг такого масштаба, что возникла необходимость в индивидуальной ответственности за принятие решения, в осознанном отношении во всех сферах общественной деятельности, а также в фильтрации информационного потока через личностный опыт. Манипулирование здоровьем как ценностной ориентацией личности является отражением кризиса современного общества.

Авторитет медицины выражается в роли научно-медицинского дискурса, что отражает отношения массового сознания к медицинским подразделениям и представителям соответствующих профессий (провизор, врач, медсестра), а также к научной и научно-популярной информации о здоровье. Возросший в массовом сознании авторитет медицины стал причиной разработки образа концепта здоровья в рамках научно-медицинского дискурса. Так, О.А. Бендина видит роль медицинского научного дискурса в формировании научных представлений, а точнее, визуализации здоровья и болезни. Автор пишет, что человек как личность растворился в медицинских технологиях, стал просто больным с набором функционирующих органов [1, с. 126]. Французский психолог Мишель Фуко видит непосредственную взаимосвязь между представлениями массового сознания о здоровье и болезни и существующими в конкретном периоде истории доступными для обычных людей медицинскими рассуждениями. Последние отражают господствующую в обществе форму мышления [4, с. 70]. Доступность достижений медицины, их информационная огласка, выступают в данном случае транслятором реальности, сформированной, с одной стороны, идеальными понятиями «здоровье» и «болезнь», связанными соответственно с жизнью и смертью, а с другой — образами массового сознания. При этом, как мы считаем, возникает обманчивый эффект, как если поставить два кривых зеркала друг напротив друга, а между ними поместить наш идеальный объект (в данном случае здоровье). Изображение и самого объекта, и другого зеркала будет искажено. Следует учесть, что в нашем случае мы делаем акцент на отражении изучаемых понятий только в одном зеркале — в массовом сознании. Однако, правильное понимание причинно-следственных связей проявления и искажения как самого субъекта, так и отражаемого им объекта, невозможно без учета всех внешних факторов и необходимого их отражающего понятийно-категориального аппарата.

Ценностная ориентация на здоровье в массовом сознании является символом в символе. Отдавая предпочтение товару, который был наделен смыслом «забота о здоровье» или «улучшение здоровья», «возвращение здоровья», человек стремится получить или вернуть себе статус «здорового члена общества». Последнее, в свою очередь, представляет собой важную регалию для ка-

рьерного роста, межличностных отношений. Сам товар без указанных пометок имеет меньшую ценность, даже если он действительно улучшает здоровье. Пометки эти расставляют производители посредством активных рекламных кампаний, подключая каналы системы массовой информации. Оценка общественного мнения также оказывает существенное влияние на положение «символа здоровья» в системе ценностей потребительского общества. В целом, манипулирование ценностным образом здоровья в массовом сознании основано на символизации информации об объекте и воздействии на механизм формирования представлений о здоровье. Влияющие на ценностную структуру сознания символы, порождают предположения, которые при подкреплении соответствующими эмоциями и образами перерастают в уверенность, что данный объект находится в дефиците. Последнее принимается объектом манипулирования за руководство к действию.

Здоровье представляет собой один из выгодных объектов эксплуатации на эмоционально-чувственном уровне. Несущее позитивное психоэмоциональное воздействие, манипулирование ценностным отношением к здоровью применяется для внедрения в сознание решений и взглядов, оценок и действий, выгодных для конкретного лица, группы или организации [2, с. 120]. Такое манипулирование всегда основано на факте заинтересованности человека в своем здоровье, которое необходимо для нормального выполнения социальных и других функций. Представления о здоровье человека является собой универсальное средство для различного рода манипуляций массовым сознанием. Духовной основой манипулирования являются ценностные ориентации массового сознания. Манипулирование представлениями о здоровье осуществляется по ценностному, релятивному, аспектному и целевому направлениям.

Релятивное манипулирование подразделяется на эмпирическое (использует образ информированного обывателя), иллюзионное (образ идеально здорового человека) и патерналистское (образ врача). Здесь имеет место манипуляции символами здоровья, созданными в потребительском обществе и основанными преимущественно на факте телесности; создается иллюзия недостатка здоровья, основанная на контемпоральных свойствах человеческой психики.

По целевому признаку манипулирование представлениями о здоровье может быть позитивным и негативным. К первому типу относятся пропаганда здорового образа жизни и социальная реклама. Позитивное манипулирование апеллирует эмоциями страха, используя образ болезни, (призыв к ответственности за свои поступки: анти табачная и антиалкогольная компании), эмоциями довольства, используя образ идеально здорового человека (призыв к занятиям спортом, общению с природой и т.д.). Негативное манипулирование играет на эмоциях довольства, пренебрегая ценностью здоровья или демонстрируя ложную («легкие» сигареты) или научно-обосно-

ванную (реклама биологически активных добавок, средств гигиены) заботу о здоровье. Целью позитивного манипулирования является улучшение здоровья индивида и общества, негативного — коммерческие интересы компаний-производителей.

По ценностному признаку выделяется манипулирование, основанное на фактической ценности здоровья, и манипулирование, подрывающее ценностное отношение к здоровью. В первом случае здоровье преподносится как высшее благо, удовольствие или эстетические предпочтения, реально доступные только имущим слоям, и принимаемые сознанием масс за идеал. Такое манипулирование может быть как негативным, так и позитивным. Другой вид манипулирования использует здоровье как резерв, которым можно пожертвовать, ради других удовольствий, и имеет негативную целевую основу.

Манипулирование представлениями о здоровье проявляется в следующих аспектах: гендерном, семейном, гедоническом, карьерном. Они заключаются в стимуляции ассоциативного поля сознания, связанного с ценностным отношением к здоровью и развитием дифферентного подхода к нему. Болезни во всех аспектах манипулирования выступают препятствием, которое легко можно преодолеть с помощью заданных массовой культурой средств. СМИ отражают проблемные ситуации обыденной жизни, действуют на понятийно-ассоциативный аппарат массового сознания и стимулируют эмоциональную сферу интересов, затрагивает имеющиеся обыденные представления (благополучие в семье, карьерный рост, полноценная половая жизнь и т.д.); вызывает потребность и, что самое важное, надежду на ее благополучное удовлетворение.

Непосредственным объектом манипулирования представлениями о здоровье может быть как больной, так и здоровый человек. Точнее, человек, осознающий себя либо больным, либо здоровым. Манипулирование его пониманием здоровья связано со стимуляцией чувства надежды на чудесное выздоровление или достижение нормального состояния. Оно подкреплено страхом за свое благополучие, стимуляцией первичных потребностей (безопасности). Здоровье у здорового человека как объект манипулирования также стимулирует потребность в безопасности. В обоих случаях успех манипулирования будет зависеть от отношения к «проводнику здоровья», коим может служить врач или лечебное средство, а также от уровня конформности субъекта манипулирования. В свою очередь, установление авторитета в массовом сознании требует времени и определенных усилий акторов процесса манипуляции, к которым относится реклама здоровья.

Рассмотрение здоровья в динамике ценностной структуры массового сознания требует применения холистического подхода к исследованию. В этом случае в массовом сознании возможно выявление структурных элементов и их взаимосвязей. В массовом сознании образ врача занимает промежуточное положение между образом здоровья и образом болезни. Положение этого образа сме-

щается то в одну, то в другую сторону, в зависимости от характера общественного мнения. В настоящее время образ врача смещен в сторону образа болезни, что отягощает образ здоровья, делает его «беспризорным». Здоровье лишается ценного авторитета в образе медицины, без которого оно не может существовать, поскольку является инструментальной ценностью. Будучи отстраненной от авторитетного образа, ценностная ориентация здоровья становится чувствительной к различным вариантам манипулирования. Поэтому пути решения по укреплению образа здоровья в массовом сознании может быть два: либо возвращение авторитета, что требует серьезной реконструкции системы здравоохранения не только в России, но и во всем мире. Возвращение это возможно, в частности, путем снятия медицинских и фармацевтических услуг из оборота рыночных отношений, введения контроля над масс-медиа, повышения профессионального и нравственного уровня работников медицины. Данный путь в современных условиях представляет собой утопию. На этом основании предпочтительным будет другой путь, связанный с концепцией самоактуализации личности в рамках холистического понимания здоровья, которая подразумевает: самодетерминирующее поведение, применение эмпирических стратегий, релевантный подход к информации о здоровье, толерантное отношение к чужой позиции в этом вопросе. Самоактуализация определяется как высшая потребность и предназначение личности, выражающиеся в позитивной реализации свободы созидания и ассертивном взаимодействии с процессом социальной адаптации, в котором учитывается широкий спектр взаимодействий, взаимосвязей с обществом. Реализация концепции самоактуализации личности связана с устранением препятствий, к которым относятся мифы и стереотипы массового сознания, противоречивая деятельность масс-медиа, конфликт традиционной и альтернативной медицины, пренебрежение спецификой отечественной ментальности, снижение авторитета медицины в представлениях о здоровье. Холистическое понимание здоровья позволяет дать современное определение здоровью индивида, которое представляет собой условие свободной

самоактуализации личности, где главным детерминирующим фактором является ее психическая составляющая, а социальные и физические детерминанты используются как средства для реализации личностного потенциала. Здоровье общества, в свою очередь, представляет собой своеобразный индикатор духовно-нравственного состояния большинства, включающего гармоничные социальные и экологические отношения.

Манипулирование ценностным отношением к здоровью — важный атрибут «паблик рилейшнз», управления общественным мнением. Такое манипулирование весьма активно использует статусную ценность здоровья. Про статусную ценность писали еще психологи-фрейдисты, указавшие, что мысли и действия человека нередко служат заместителями желаний. Подлинной причиной стремления к обладанию предметом может быть не истинная его ценность или ее полезность, а то, что человек бессознательно воспринимает его как символ чего-то иного [5, с. 52].

Необходимость смены парадигм в области представлений о здоровье обусловлена естественным порядком перехода к эпохе постмодернизма с ее конвергенцией ценностей традиционного (преобладание коллективных интересов) и современного (преобладание индивидуальных интересов) общества. Выход нам представляется в рациональном соединении целевых и ценностных ориентации массового сознания, при котором здоровье занимало бы положение фактора, инициирующего потребность в развитии. При этом, благополучие общества будет зависеть от средства здоровья к другим ценностям (свободы, самоактуализации, познания, гармонии). Здоровье для здоровья порождает культ, поскольку ориентация на ценности исключительно индивидуального порядка приводит к культивированию эгоизма и своекорыстия. Здоровье исключительно для материальных целей ведет к его ухудшению, истощению. Здоровье для свободной самореализации способствует личностному развитию и возможно при самосохранительном поведении. Последнее благоприятствует укреплению ценности здоровья в аксиологическом пространстве общества.

Литература:

1. Бендина О.А. Жизнь обыкновенных людей: представления о болезни и здоровье в социально-историческом контексте // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. №1. С. 125—131.
2. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: ИФ РАН, 1999. 230 с.
3. Фромм Э.З. Здоровое общество. URL: <http://knigosite.ru/library/read/2182> (дата обращения: 24.02.2012).
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 575 с.
5. Bernays E.L. Propaganda. N.Y.: Kennikat Press, 1928. 274 p.

ФИЛОЛОГИЯ

Структурные особенности и смысловые связи между компонентами сложносочиненных предложений усложненного типа в кумыкском языке

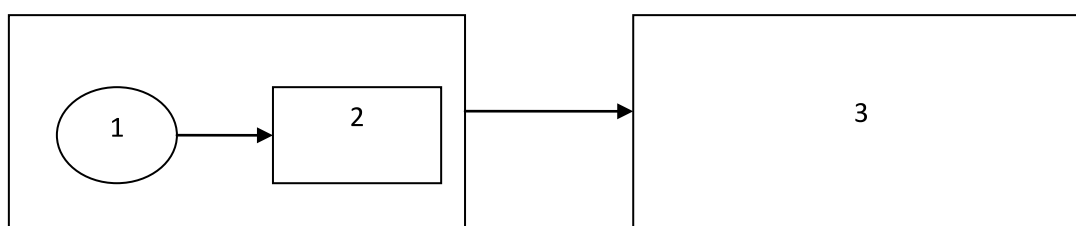
Агапова Зулейха Шарапутдиновна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Дагестанский государственный педагогический университет

До последнего времени не было предпринято сколько-нибудь серьёзных попыток рассмотрения структуры и семантической связи компонентов сложносочиненного предложения усложненного типа в кумыкском языке в их органическом единстве. Между тем исследование специфических структурных особенностей таких предложений на базе семантических связей их компонентов представляется весьма плодотворным и научно-перспективным. При этом удастся также выяснить, какие структурные типы в таких смысловых связях бывают наиболее употребительны. Сложносочиненные предложения усложненного типа с перечислительной связью, оба компонента которых состоят из сложносочиненных предложений, гораздо более употребительны, чем таковые с компонентами, состоящими из простого и сложносочиненного предложения. Учитывая всё это, можно анализировать сложносочиненные предложения усложненного типа следующим образом: **Сложносочи-**

ненные предложения усложненного типа, состоящие из простого и сложноподчиненного предложения.

Разноструктурные компоненты в предложениях рассматриваемого типа соединяются друг с другом на основе различных смысловых связей: а) Компоненты соединяются противительной связью: мысль, заключённая во втором компоненте, противопоставляется таковой в первом компоненте. Компоненты связываются друг с другом интонацией и союзами. Например: *Кёпюрден оьтген сонг, Хайрулла школаны орамына бурулду, мен буса китап тюкенге багъып онгарылдым* (Камал Абуков). «Перейдя через мост, Хайрулла направился в сторону школы, а я направился в книжный магазин». *Разият дарс айтагъанда янгылса, Рашидни къашлары тюле ва юмурукълары къысыла* (М. Хангишиев) «Рассказывая урок, когда Разият ошибалась, то брови Рашида хмурились, и сжимались кулаки».

Схема 1:

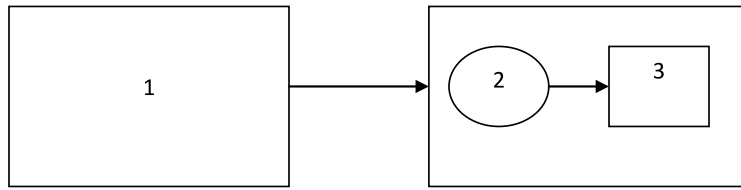
В данном типе сложносочиненного предложения простое предложение противопоставляется либо главному предложению сложноподчиненного предложения, заключенной в главной части этого предложения мысли, либо же подчиненному предложению в целом. Наблюдения показывают, что в тех случаях, когда основная мысль бывает выражена в главном предложении сложноподчиненного предложения, противопоставляемым компонентам выступает только главное предложение, а когда главная мысль выражается в придаточном предложении — таковым оказывается сложноподчиненное предложение в целом. В сложноподчиненных предложениях с придаточными причины, условия и т.п. противопоставляемым компонентом является только главное предложение, тогда как сложноподчиненные предложения с придаточными

подлежащим, сказуемым, определительным, дополнительным, цели и некоторыми другими противопоставляются целиком.

В данном типе усложненного сложносочиненного предложения компоненты употребляются двояко: если первый компонент — простое предложение, то мысль, заключенная в сложноподчиненном предложении, т.е. во втором компоненте, противопоставляется мысли, содержащейся в простом предложении.

Огъар он йыл бола болгъандыр, тек овъюн тутагъан кююне къарагъанда, ол гъар къайдада ёл алажакъ, къайратлы къатын болажагъы билинип тура эди (Тихонов) «Ей, видимо, исполнилось лет десять, но, судя по ее поведению, чувствовалось, что она станет энергичной и волевой женщиной».

Схема 2:

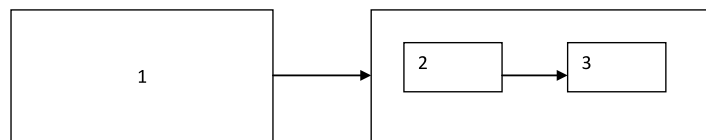

Сложносочиненные предложения усложненного типа, состоящие из простого и сложносочиненного предложения.

Находящиеся в сочинительной связи друг с другом три и более простых предложения соединяются на основе различных смысловых отношений. *Уйню ичине ол бек тергевлю къарады: орталыкъда от ягъылгъан ва алты немец къолларында автоматлар да булан исси отну*

къырыыйнда юхлап къалгъанлар (Р. Расулов) «Он внимательно смотрит внутрь комнаты: в середине горит огонь и шесть немцев с оружием в руках спят возле теплого огня». *Аманхор пердени бир буччагъын гётерип къарай: хан хоруллап юхлай ва назик майчыракъ уйге йымышакъ ярыкъ себелей* (Ибрагъимов-Къызларлы) «Аманхор смотрит через приподнятый край занавеси и видит: хан храпит, и тонкая свеча мягко освещает комнату».

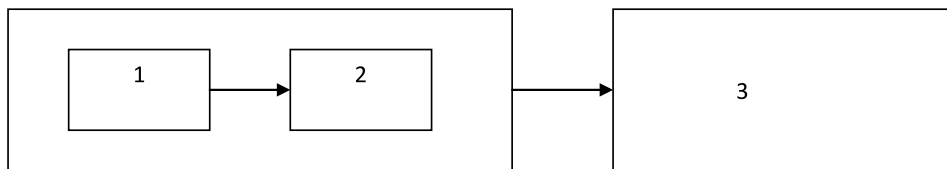
Схема 3:

Шо ёрукъда артындагъы гюн де айланды, къыйыны да бош гетмеди: гиччи оьлчевлю газетни

ярты-япырагъы табулду (И. Керимов)

Схема 4:

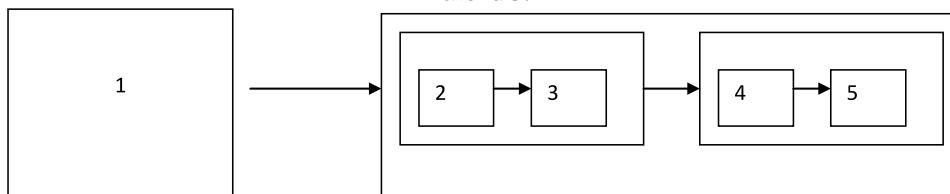

В первом примере два простых предложения во втором компоненте семантически связаны друг с другом и образуют сложносочиненное предложение. Это сложное предложение целиком вступает в пояснительную связь с первым компонентом. И во втором примере простые предложения, объединенные в различные смысловые связи, образуют сложносочиненное предложение усложненного типа.

Одной из основных особенностей сложносочиненных предложений усложненного типа, один или оба компонента которых состоят из сложносочиненных предложений является то, что компонент сложносочиненного предложения может состоять как из сочинительной связи простых предложений, так и более сложных структур разнотипных предложений. Иначе говоря, самый компонент сложносочи-

ненного предложения выступает как сложносочиненное предложение усложненного типа. Отметим некоторые из них: *Компонент сложносочиненного предложения состоит из двух сложносочиненных предложений: Темир ёл бойгъа ййберилген разведчиклер тергев бермеге тюшеген хабар алып гелди: эки гюн алда «Осколки» деген станцияны къаравулу уьч-дёрт керен гючленген, ишлейгенлер бары да янгыдан бек тындырыкълы тергелген, ва бирлеринден сорав да алынган, чакъырым бойгъа ер-ерге яшырылып пулемётлар да салынган* (И. Керимов) «Направленные в сторону железной дороги разведчики принесли очень важное известие: два дня тому назад в станции «Осколки» охрана в два-три раза усилена, рабочие перепроверены, и у некоторых был проведен опрос, за несколько верст спрятав пулемёты оставили».

Схема 5:

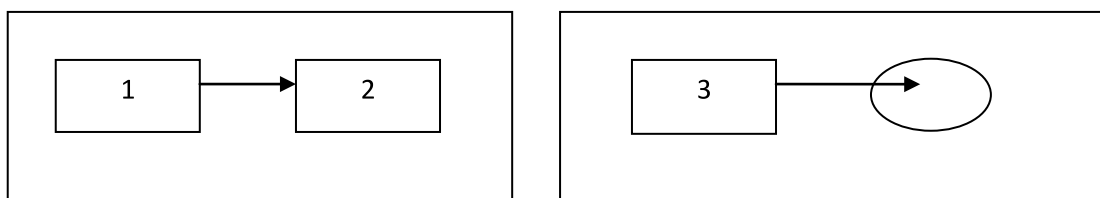

Сложносочиненные предложения усложненного типа, оба компонента которых состоят из сложносочиненных предложений.

Компоненты рассматриваемого типа сложносочиненных предложений связываются друг с другом на базе следующих семантических взаимоотношений: а) связь противопоставления; б) пояснительная связь; в)

причинно-следственная связь; г) присоединительная связь; д) перечислительная связь; е) разделительная связь: *Къыз бек уялды, эринлери лавуллап гетди ва къанат къашлары чѣрт тююлдю, гѣзлери яман къарады* (Керимов) «Девушка сильно постеснялась, губы горели, затем нахмурила брови, глаза плохо посмотрели».

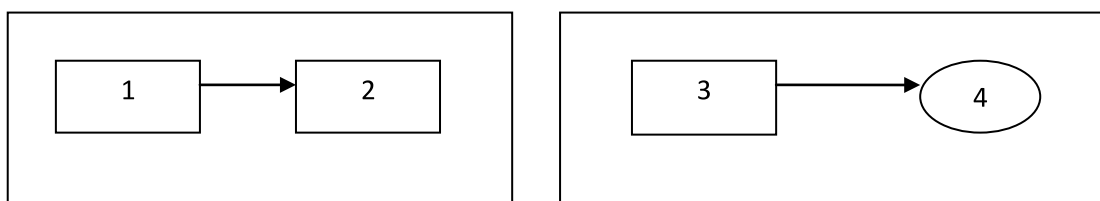
Схема 6:

Компоненты рассматриваемого типа сложносочиненных предложений связываются друг с другом на базе следующих семантических взаимоотношений: а) связь противопоставления; б) пояснительная связь; в) причинно-следственная связь; г) присоединительная связь;

д) перечислительная связь; е) разделительная связь.
4. Сложносочиненные предложения усложненного типа, компоненты которых состоят из сложносочиненного и сложноподчиненного предложения.

Схема 7:

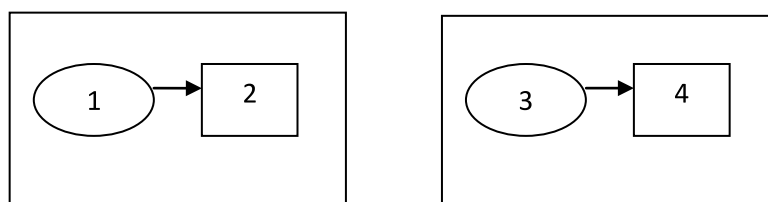
Компоненты данного типа сложносочиненных предложений усложненного типа соединяются: а) в причинно-следственной связи: *Узакъ юрюлеген бир ябушувда къыйын гьалгъа тюшюп, самолѣту телеме-тешик болду, эки моторну бири токътады, тек бириси гьаран ишлей эди* (И. Керимов) «После длинного долгого сражения самолет изрешетился, один из двух моторов остановился, а другой еле работал».

Сложносочиненные предложения усложненного типа, оба компонента которых состоят из сложноподчиненных предложений.

Также на базе следующих семантических взаимоотношений: б) в связи противопоставления; в) в пояснительной связи; г) в присоединительной связи; д) в перечислительной связи:

Компоненты сложносочиненных предложений данного типа объединяются в следующих связях: а) в связи противопоставления: *Кирымге къояр деп, яшлар кѣп заман къарап турдулар, тек ѳл йырылып, оланы иши тюзелмей къалды* (Къумукъ тил.Педагогика колледжлер учун дарслыкъ) «Надеясь, что искупаются, дети долгое время ждали, но дорога прорвалась, надежды детей не оправдались».

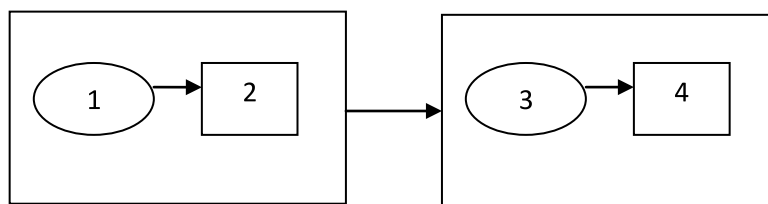
Схема 8:

б) в присоединительной связи:
Эгер де биз ханны ва ону вазирлерин сѣгюп сѣйлесек, бизге уллу къоудулар этиле, ханыбыз буса, сарайына да чакъырып, ѳрмелер булан токъалай (Иб-

рагимов – Къызларлы) «Если мы хана и его визиров будем ругать, нам нужно будет платить большой штраф, а хан наш позовет к себе в сарай и нагайкой избьет».

Схема 9:

Литература:

1. Агапова З.Ш. Сложносочиненное предложение в кумыкском языке. Автореф.дис.канд.филолог. наук. Махачкала, 2003.
2. Белашапова В.А. Сложное предложение в современном русском языке — М.,1967.
3. Баскаков А.Н. Предложение и словосочетание в тюркских языках, — Вопросы составления описательных грамматик. — М.,1961.
4. Баскаков А.Н. Словосочетание в современном турецком языке. М.,1974
5. Батырмурзаев А.Н. Къумукъ тилни грамматикасы. Магъачкъала,1949.
6. Валимова Г.Ф. Функциональные типы сложного предложения в современном русском языке — Ростов н./Д., 1967.
7. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения. — Вопросы грамматического строя. — М.,1955.
8. ГРЯ — Грамматика русского языка. М. 1970.
9. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. — Автореф.дис.д-ра филол.наук. М.,1970.
10. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.,1940.
11. Кононов А.Н. Из истории грамматической разработки турецкого языка. Труды МИВ, Сб.4 — М.,1947.
12. Керимов И.А., Абдуллаева А.З. Къумукъ тил. Синтаксис. Магъачкъала,2001.
13. Керимов И.А., Хангишиев Д.М. Къумукъ тил. Педагогика колледжлер учун дарслыкъ. Магъачкъала. Издательство НИИ педагогики, 1999.

Вокализм дагестанских языков

Ашурбекова Сефият Искандеровна, кандидат филологических наук, доцент
Дагестанский государственный педагогический университет

Назальные

Назализация заметно выражена в дагестанских языках. По этому поводу Т.Е. Гудава отмечает, что «назализация, вызванная ослаблением *n* в ряде языков андийской подгруппы, носит демонстративный характер» (Гудава 1952: 375).

Из языков цезской подгруппы назализованные гласные представлены в хваршинском, бежтинском и гунзибском языках (Бокарев 1959: 16).

Для аварского языка назализация гласных в целом не характерна, однако, как отмечает Ш.И. Микаилов, «в некоторых говорах встречаются долгие и назализованные гласные, являющиеся результатом тех или иных фонетических процессов» (Микаилов 1958: 175).

Назализация гласных также не характерна для лезгинской группы языков. Назализованные гласные отмечены У.А. Мейлановой в яркинском диалекте лезгинского

диалектов (1964, 65). Однако в яркинском диалекте лезгинского языка эти назализованные гласные имеют вторичное происхождение, обусловленное влиянием как внешних факторов, так и внутриязыковых. Есть основания полагать, что сам процесс назализации гласных звуков был первоначально вызван утратой носовых согласных. Этот процесс мог идти по схеме: основа типа *анса трость > а:са > аса и т.д.

Редкие случаи назализации гласных в хиналугском языке приводит Ю.Д. Дешериев (1959: 11). По единодушному мнению ученых-исследователей дагестанских языков, назализация гласных в этих языках, где она представлена, вторичного происхождения.

Долгие

Одной из характерных особенностей вокализма дагестанских языков является наличие долгих гласных.

В одних языках долгие гласные являются фонемами, в других — нет.

Долгие гласные представлены: в языках андийской подгруппы (долгими могут быть все гласные, включая и назализованные) — цезском, гинухском, гунзибском (все гласные), цахурском (*иш, ее, оо_y оовь, аа, аьаь*), рутульском (*аа, аьаь/, уу*), крызском (*ии, аа*), яркинском диалекте лезгинского языка (*аа, аьаь*), кубачинском, урахинском и цудахарском диалектах даргинского языка, в отдельных говорах аварского языка (СИЛДЯ).

Долгота гласных в дагестанских языках, как правило, является результатом определенных фонетических изменений, общих для многих языков (Услар:11. Долгота в отдельных языках Дагестана имеет фонематическое значение и носит морфологическую функцию. Это характерно для гунзибского, бежтинского, гинухского (цезская подгруппа), цахурского, кубачинского (диалект даргинского языка) и, возможно, других языков Дагестана.

Е. А. Бокарев замечает, что долгие гласные в гунзибском языке также являются фонемами и употребляются для выражения определенных грамматических категорий (1959: 16).

На морфологическую функцию долготы гласных в гинухском указывает Э.А. Ломтадзе (1963: 17).

Возможность употребления долгих гласных как фонем в отдельных дагестанских языках — вторичное явление (Гаприндашвили 1966: 175; 1963: 37; Магомедов 1963:16).

О долгих гласных подробно в работе Г.Х.Ибрагимов «Цахурский язык».

Фарингализованные

Характерной особенностью вокализма некоторых языков Дагестана является наличие фарингализованных гласных. Фарингализованные гласные представлены в цахурском (Ибрагимов 1968), удинском, арчинском, табасаранском, лакском (Жирков 1955:7), даргинском, цезском, хваршинском и гинухском языках (СИЛДЯ: 76).

Вопрос об исконности фарингализованных гласных в дагестанских языках по-разному решается исследователями. По мнению Н. Трубецкого, фарингализованные гласные обусловлены эмфатически — смягченными согласными, т.е. вторичны: результат модификации (Губетскоу 1931:12).

Модификация гласных в соседстве с фарингализованными согласными была отмечена в табасаранском языке П.К. Усларом. А. Магомедов указывает, что отмеченное П.К. Усларом влияние согласного на смежный гласный есть следствие того, что согласный, рассматриваемый Усларом, является фарингализованным звуком (1965:49). Е.А. Бокарев допускает возможность проследить наличие в общедагестанском праязыке и фарингализованных гласных, артикуляция которых характеризуется особым напряжением стенок зева. Однако он отмечает, что этот вопрос еще требует дополнительного изучения (1961: 83).

Е. Ф. Джейранишвили в цахурском, рутульском и удинском языках фарингализованные гласные считает исконными, т.е. не обусловленными природой согласных (1959: 357; 1966: 10).

В отличие от Е.А. Бокарева, вопрос о фарингализованных гласных в языках цезской подгруппы (цезский, хваршинский, гинухский) в рутульском языке И.В. Мегрелидзе, Д.С. Имнайшвили, Э.Л. Ломтадзе решают в другом плане, т.е. связывают с природой согласных (1936: 231; 1963:14; Ломтадзе: 44).

Монографические исследования А.А. Магомедова по табасаранскому языку и кубачинскому диалекту даргинского языка показывают обусловленность фарингализованных гласных в этих языках фарингализованными согласными (Магомедов: 39).

В кубачинском диалекте А.А. Магомедов выделяет гласные *а, у, и_y, е* и отмечает, что все они могут быть фарингализованными (Магомедов:39). К аналогичным выводам приходит А. Магомедов и в табасаранском языке, где фарингализацию сводит к свойству согласных (Магомедов 41).

Исследования по фонетике цахурского и рутульского языков также показывают вторичность фарингализованных гласных в указанных языках, обусловленность их природой согласных (Ибрагимов 1974; 1968: 28; 1990).

Умляутизированные

Умляутизированные гласные представлены в языках лезгинской группы и цезской (дидойской) подгруппы: в лезгинском — *уь* (*аь* в диалектах), табасаранском; в агульском — *аь, уь*, удинском — *аь, уь, ов*, рутульском — *аь, уь_л*, цахурском — *аь, уь, ов* (саб. диалект, гел. диалект — *аь, уь*), крызском — *аь, уь, ов* (*ов* встречается очень редко, причем в заимствованных словах), будухском — *аь, уь, ов*, хиналугском — *аь, уь, ов*, цезском (дид.) — *аь*, гинухском — *уь*, бежтинском — *аь, уь, ов*.

Умляутизированные гласные не характерны (из языков лезгинской группы) для арчинского и цахурско-сувагийского диалекта цахурского языка, лакского, даргинского, аварского, хваршинского, гунзибского и андийской подгруппы языков.

Об исконности умляутизированных гласных в дагестанских языках существуют различные мнения. Проф. Е.А. Бокарев умляутизированный *аь* (гласный переднего ряда нижнего подъема) рассматривает как исконный звук общедагестанского праязыка (Бокарев 1965:79). Далее говорится, что «в аварском, лакском и лезгинском *аь > а*, в даргинском *аь > е*, табасаранском *аь > и//е*» (Бокарев 1965:81)

В опыте реконструкции вокализма общелезгинского праязыка Е.А. Бокарев гласные *аь, уь* выделяет как исконные фонемы (1965:45).

Отдельные исследователи полагают, что умляутизированные гласные в горских языках Дагестана (прежде всего в лезгинской группе) возникли под влиянием азер-

байджанского языка (Ворошил 1963:81). Это положение впервые выдвинуто Г.Х.Ибрагимовым (СИЛДЯ).

Исследования дагестановедов показывают вторичность умляутизированных гласных в дагестанских языках, однако появление их обусловлена внутренними законами самих дагестанских языков. Наличие оттенка мягкости в фарингализованных гласных способствовало их переходу в ряде случаев в умляутизированные (СИЛДЯ: 67). В ряде современных дагестанских языков представлены ослабленные фарингализованные гласные (хваршинский — речь старшего поколения, рутульский, агульский и др.), которые по сути составляют переходное звено фарингализованных гласных в умляутизированные.

В табасаранском языке А.А. Магомедов отмечает случаи, когда *уь* получен в результате делабиализации последующего согласного (Магомедов Табасар.: 26). Ана-

логичные случаи наблюдаются в рутульском, будухском, крызском и других языках.

В рутульском, крызском, будухском, цахурском (гел., саб. диалекты) *аь* часто является рефлексом *е*: в рутульском — *хьеб* > *хьаьб* «коготь», *зер* > *заьр* «корова», *нисе* > *нисаь* «сыр»; в крызском и будухском — *каьл* «ягненок» (рутул. *гел* \ \ *гелелей*, цахур. *геле*), *кьаьл* «соль» (рутул. *кьелу*, цахур. *кьев*).

С другой стороны, нельзя отрицать влияние азербайджанского языка на возникновение умляутизированных гласных в цахурском (саб. диалект), удинском, крызском, будухском и хиналугском языках. При наличии общей тенденции перехода фарингализованных гласных в умляутизированные влияние азербайджанского языка в становлении их в ряде языков лезгинской группы оказалось благотворным.

Парафраза сакрального текста как феномен массовой культуры

Безрукавая Марина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент
Кубанский социально-экономический институт (г. Краснодар)

Фильм Пазолини «Евангелие от Матфея» был снят в 1964 году, за тридцать три года до появления мейлеровского романа. «Евангелие от Сына Божия», далекий от психологизации разных евангельских персонажей, может быть сближен с фильмом итальянского режиссера по следующему признаку: у обоих произведений — черно-белая тональность, отсутствие внешней яркости. В романе это достигается тем, что перед нами лишь одно сознание — сознание Иисуса, больше всего рассказывающего о себе самом. В фильме — отказ от цвета, некий аскетизм искусства, признающего: перед Евангелием все краски слишком бледны. Мейлер, на наш взгляд, не имеет никаких религиозных целей, не стремится стать интересным для христианина, давно стремящегося к Христу. Пазолини, посвящая фильм памяти умершего папы Иоанна XXIII, проявляет солидарность с христианами, более того — направляет фильм в католическое русло.

Начинается фильм с молчания: перед зрителями беременная Мария, которая за весь фильм не произнесет ни одного слова, Иосиф, которому тоже есть, о чем молчать. Он мог бы и кричать о своем ужасе: ведь Мария забеременела до брака, но Пазолини выбирает молчание. На наш взгляд, это ход, принципиально противоположный ходу американского писателя. С одной стороны, все, о чем рассказывается в «Евангелии от Сына Божия», происходит в сознании Иисуса. Но с другой стороны, это очень шумное произведение: те, кто молчит в Евангелии, у Мейлера получают право на длинные речи. Роман Мейлера — шумный мир, в котором все становится речью, адаптированной одним сознанием — повествователем. У Пазолини другое отношение к источнику. Герои говорят только те

слова, которые есть в Библии, в канонических Евангелиях. Если у героя нет слов, он молчит. Так достигается соответствие евангельскому реализму, столь важному для верующего человека. Режиссер сразу дает понять зрителю: его фантазия не коснется евангельской речи, речь Христа и тех, кто его окружает, останется неизменной. Конечно, у Мейлера иной путь: формальное следование за сюжетом, но при этом абсолютное своеволие в отношении слов Евангелия. Читателю здесь обещают другое: основные события сохранятся, но монологи, диалоги и комментарии к ним будут принципиально современными. У Мейлера нет никакой ответственности за сохранение стиля священной истории. У Пазолини такая ответственность есть.

Тогда возникает вопрос: если Пазолини сохраняет евангельскую прямую речь неизменной, то за счет чего возникает необходимый в искусстве эффект нового знания и переживания? За счет музыки, которой в литературе не может быть полного аналога. Фильм Пазолини молчалив и музыкален одновременно. Слышна музыка трех композиторов — Баха, Моцарта, Бетховена. В сочетании с сохраняющейся евангельской речью музыка раскрепощает, снимая напряжение слова, которое хорошо известно по первоисточнику. Так было бы, если бы Норман Мейлер сохранил в неизменном виде главные речи Христа и насытил текст потоком свободных ассоциаций, образов, которые могли жить своей самостоятельной жизнью, раз главный стержень Нового Завета — речь Христа — остается. Но Мейлер предпочитает иной путь, не допуская появления образов вне сознания главного героя. Пазолини, сконцентрировав «религиозное» внимание на словах, может позволить себе создание «объемного кадра». В него по-

падают пейзажи, какие-то бытовые сцены, самые разнообразные лица. Это очень важно: присутствие Христа ощущимо постоянно, но оно не подавляет зрителя, не лишает его созерцания мира. Есть Христос, но в «Евангелии от Матфея» есть и горы, и поля, и дороги. Это не просто контекст для более полной реализации образа Иисуса, а полноценные кадры, показывающие, что Христос не против мира, не против разнообразия мир и душ. Наоборот, это разнообразие сохраняется, становится каким-то законом для этого «евангелия».

Там, где экспрессию звуков и эмоций можно сдерживать, Пазолини сдерживает. Например, в сцене смерти Ирода, который, как известно, умер в страшных мучениях за совершенные грехи. Режиссер отказывается от эффектных кадров умирания того, кто убил виффлеемских младенцев. Нет крупного плана, на котором было бы лицо тирана. Он бессловесно и бесшумно умирает в присутствии абсолютно молчаливых фарисеев, которые совершенно равнодушно расстаются с главой страны. Кстати, о фарисеях. Практически все персонажи фильма Пазолини (включая Иоанна Крестителя) имеют достаточно короткие волосы, нет никакой избыточности в одежде. Головы фарисеев — под несуразно объемным и высоким головным убором. Так, на наш взгляд, утверждается образ избыточности, неестественности в их характерах. Но при этом, ни о каком гротескном осмеянии говорить нельзя. Их лица выражают устоявшуюся мысль о невозможности «такого Христа», но иногда на лицах фарисеев появляется какой-то намек на внутреннее страдание, ведь нельзя полностью скрыть от себя, что Иисуса избран, а они нет. В фильме Пазолини, несмотря на его черно-белый цвет, значительно больше полутонов, чем в романе Мейлера. Часто кадры сохраняют внешнюю статичность: одно лицо почти неподвижного человека, потом другое... Но каждый характер, скажем еще раз, являет разнообразие мира. И дело не только в отличие поэтики кино от поэтики литературы: Мейлер сознательно отказывается от свободы лиц и судеб.

Важный вопрос — как художник (слова или кинообраза) решает вопрос о присутствия образа Божества. Мейлер решает его конкретно: Бог становится постоянно присутствующей фигурой и, как мы подробно говорили выше, теряет один из главных признаков божественности — таинственность. Пазолини, зная как можно испортить восприятие непродуманным вторжением в область священного, оставляет только голос. Дьявол, наоборот, человечен в своей страстности, в способности искушать, поэтому в сцене трех искушений Христа мы видим его как героя. Сначала он приближается к Иисусу, под его ногами — клубящаяся пыль, заставляющая зрителя мысленно опустить глаза вниз, ведь именно туда тянет дьявол. Христос в разговоре с дьяволом не испытывает никаких сомнений, не оставляет врагу никаких шансов на успех, которые безусловно остаются в аналогичной сцене романа Мейлера.

Мейлеровский главный герой назван Сыном Божиим, но это только название. На самом деле, перед читателем

оказывается не слишком уверенный в себе человек, в котором есть богочеловеческий признак, но это признак внешний: он победил смерть и «все знает». Другой вопрос: убеждает ли это «знание» в том, что мейлеровский Христос Богочеловек. Пазолини, на наш взгляд, удалось решить две трудные задачи. Его Христос показан тем, кто любит людей, кто способен с улыбкой встречать ближнего и радоваться исцелению страдающего. Но это не мешает ему гневаться на порок и безжалостно обличать разных злодеев и проходимцев. Вторая задача еще более сложна, и она Мейлером вообще не ставилась: показать Христа развивающимся героем, который проходит очень жестокий путь познания человеческой жизни и становится почти революционером. Конечно, нельзя не говорить о разнице исторических контекстов, в которых снимался фильм и писался роман. Шестидесятые годы прошлого века — время активности, особенно молодежной активности, время неприятия социальной несправедливости. Фильм Пазолини отвечает на новые потребности: в им созданном образе Христа нет каких-то внешних слов, которые говорили бы только о традиции и подчинении ей. Это фильм не о подчинении, а о свободном выборе. Именно по этой причине лица людей (их очень много, это не только ученики) в «Евангелии от Матфея» всматриваются не только в Христа, но и в зрителя, передавая ему свою сложную мысль о выборе пути.

Мейлер старается не делать акцент на образе проповедующего Иисуса. В фильме Пазолини очень интересна сцена Нагорной проповеди. Затягивать сцену нельзя, но режиссер, посвятивший фильм памяти Папы Римского, не может пройти мимо центральных глав Евангелия. Пазолини останавливает внимание не на тех, кто слушает, не увлекает зрителя разнообразием лиц в этих эпизодах, а показывает лицо Иисуса крупным планом. Но чувство однообразия не появляется: меняется выражение лица проповедующего Богочеловека, меняется фон (то светлый, то темный, то день, то ночь). Так автору картины удалось передать атмосферу всемирно значимой проповеди, а также важность самих слов Иисуса, а не только их восприятия.

Мейлер отказывается от изображения возрастной психологии, в романе нет внимания к образам детей. Пазолини (причем, к концу фильма чаще) показывает детей. Именно дети кричат «Осанна», когда Иисус входит в Иерусалим незадолго до ареста и казни. Детские лица и улыбки, и задумчивы, но они и смягчают «пересказ» Евангелия, делают фильм теплее. На мой взгляд, есть в «Евангелии от Матфея» скрытое сопоставление фарисеев и детей, чтобы зритель видел, ради кого Иисус борется с теми, кто хочет сохранить мир в бессердечном законе. Дети — любовь. Христос побеждает с ними и ради них.

У Мейлера ученики не отличаются силой и уверенностью в себе. В принципе, в этом американский автор близок к первоисточнику: в Евангелии ученики показаны нерешительными и ошибающимися. Но у Пазолини другой выбор: не отступая от Евангелия, он все же создает образ единства Учителя и учеников, которые нахо-

дятся в тесном кругу, они вместе, они — община, которая изменит лицо мира, даст ему новую религию. У Мейлера Иисус очень одинок, даже в своей странной вечности у него полноценного общения с Отцом. Есть лишь он сам и его речь, наполняющая роман. У Пазолини есть Иисус, есть дети, есть ученики. Единство показано не через смешение или отрицание, а через многообразие. Иуда Искариот, созданный Пазолини, не несет в себе специальной идеи, как неоднократно случалось в культуре XX века. Мы видим, что иуду одолевает дисгармония, нежелание подчиниться борьбе с эгоизмом. В конце концов, это его и добывает. Он грешник, он никак не идеолог. Напомним, что у мейлеровского Иуды есть забота о бедных. У Пазолини Иуда особенно ужасен, когда высказывает недовольство расточительством женщины, «истратившей» на Христа дороге благовония.

После сравнения двух парафраз напрашивается следующий вывод: фильм Пазолини больше, чем фильм, роман Мейлера меньше, чем роман.

Каждая историческая эпоха накладывает отпечаток на художественное произведение. Вряд ли творец романа или фильма может быть полностью свободен от времени, в котором живет. Вместе с тем, говоря об историческом времени как о цельной эпохе, надо быть осторожным: можно поддаться той или иной схеме. В 90-х годах прошлого века все чаще и чаще стали говорить о «постистории», о том, что постмодернизм рассматривает все великие культуры как состоявшиеся. Больше никаких самостоятельных творческих всплесков ждать не стоит. Может, потому роман Норманна Мейлера представляет собой сплошную рефлексию? Говоря о фильме Пазолини, можно вспомнить особенности 60-х годов XX века: мир бурлил, в России была «оттепель», в Западном мире казалось, что у молодого поколения есть шанс победить рациональный характер капитализма. По-моему, «Евангелие от Матфея» итальянского режиссера отражает чувство протеста и направляет его в область христианского самосовершенствования, а не социальной революции. Когда мы говорим о фильме Дзеффирелли «Иисус из Назарета», снятом в 1977 году, надо учитывать подчеркнуто спокойный, «застойный» (на фоне других десятилетий) характер семидесятых годов. Вот и картина Дзеффирелли дышит каким-то особым согласием с жизнью, нежеланием погружать ее в одно не слишком счастливое сознание (Мейлер) или снимать в черно-белых тонах с явным напряжением и вопрошательностью (Пазолини).

Смотря «Иисуса из Назарета», который длится 375 минут, сразу определяешь жанр этой парафразы евангельской истории: перед нами исторический фильм. Так основательно, подробно, с любовью к каждому сюжетному ходу можно снимать лишь в одном случае: когда дорожишь великим прошлым и считаешь, что оно всегда имеет смысл для настоящего. При таком заинтересованном подходе можно снять фильм о Клеопатре или Александре Македонском или Иисусе Христе. В любом случае (и это очень значительное отличие от концепции парафразы у

Мейлера) надо будет много времени потратить на погружение в историческую эпоху, чтобы силою искусства воссоздать ее без искажений. Никакие условности, личные фантазии, касающиеся быта, этнографии, политики, не допускаются. Никакой субъективности. Если Мейлер, ссылаясь на «абсолютное сознание» Сына Божьего, теряет всякий интерес к внешнему богатству мира, то Дзеффирелли хочет создать историческое полотно, к которому не будет претензий у специалистов, хорошо знающие реалии палестинской жизни времени Христа.

При таком подходе итальянскому режиссеру интересны разные Евангелия, но, прежде всего, самое подробное — «Евангелие от Луки». Именно его сюжет и начинается действие фильма. Герой первой серии — не Иисус, а Иосиф. Он молод, красив и, главное, очень добр. В романе «Евангелие от Сына Божия» Иосиф не может быть назван характером. То, что говорится о нем, сказано лишь потому, что мнимый отец Христа есть в сюжете Библии. В итальянской фильме, как нам кажется, Иосиф показан как настоящий отец — нет, Дзеффирелли не оспаривает догмат о непорочном зачатии, но при невозможности показать Бога Отца, Отцом — добрым, заботливым, берегущим жизнь, прощающим и благословляющим — становится Иосиф. В фильме есть момент его сомнения в Марии, но интересно, что скоро память об этом моменте исчезает. Больше запоминается сновиденье Иосифа, «придуманное» Дзеффирелли: ему снится, как Марию, обвиненную по иудейским законам в прелюбодеянии, избивают камнями. Иосиф не может допустить такой смерти, и он принимает решение стать ее мужем. Одним словом, никакой трагедии обманутого мужчины здесь нет. У Мейлера в романе много «литературы», присутствия образов в сознании, в тексте, а не в действительности. Дзеффирелли (особенно на фоне мейлеровского произведения) стремится показать жизнь, поэтому в романе так много ярких красок, совершенно нет черно-белых тонов. Очень много движения, много света. Можно сказать, что у Мейлера все герои начинают сомневаться, как сам Иисус, ведь находятся они в его сознании. У итальянского режиссера многие начинают становиться такими же добрыми и полными жизнью, как Иосиф.

Мария молода и прекрасна. Наверное, важно, что это одна и та же актриса играет Марию и Джульетту в экранизации шекспировской трагедии 60-х годов. Как и Мейлер, Дзеффирелли сохраняет верность евангельскому сюжету, но речевое пространство фильма (так и в американском романе) совершенно свободно. Итальянский режиссер, создавая историческое полотно, знает, что все речи, произнесенные в прошлом, никто и ничто не может зафиксировать. Поэтому выделяется ценностное ядро, которое остается неизменным, а пространство диалогов должно увлечь зрителя разнообразием, а не повторением слов, хорошо знакомых по чтению Библии.

У Мейлера Бог становится героем, говорящим словами, далекими от тепла и любви. У Дзеффирелли Бог — не герой, он свет, освещающий жизнь. Это не просто обобщенный образ, в фильме есть его вполне конкретные

реализации. Впервые — в прекрасной сцене сообщения юной Марии о том, что она родит сына, не зная мужчины. В узкое окно буквально влетает сноп света, становясь лучом, прорезающим пространство. Мы видим Марию и этот свет. Голоса не слышим, только потом возникает ответ Марии на слова ангела, которые зритель, скорее всего, знает по Евангелию. Голос Бога звучит внутри человека. Конечно, это соответствует жанру исторического фильма. Но, похоже, что здесь есть что-то от личной позиции режиссера, трепетно относящегося к чувствам верующих людей. Поэтому Бог в телесном виде ему не нужен. Когда Христос будет воскрешать дочь Иаира, в сцене будет три узких окна, в них — яркие лучи света, наверное, так автор картины решил передать присутствие Троицы.

Иисус становится главным героем фильма, начиная со второй серии, что показывает интерес к жизни, независимо от религиозной концепции. Может быть, поэтому, в отличие от Мейлера, из названия исчезло слово «Евангелие»? Дзеффирелли как бы говорит нам: здесь нет экранизации «благовестия», религиозной истории о Спасителе; в фильме есть желание показать земную историю Иисуса Христа, ведь он жил среди людей, в окружении простых предметов и явлений, был человеком. Интересный факт: у Мейлера Иисус несколько раз специально подчеркивает, что все, что он рассказывает, правда, исключительная правда. И не всегда этому веришь. У Дзеффирелли нет особых указаний на правдивость, но она ощущается все равно, независимо от подтверждений. Иисус — яркий герой: улыбающийся и гневающийся, любящий жизнь, но и готовый ради нее пойти на смерть. В нем — полнота жизни, безусловно ощущаемая кульминация существования. Как и у американского писателя, нет темы обязательного аскетизма. Но у Мейлера лишь говорится об ограниченности аскетической позиции. В фильме итальянского режиссера эта мысль демонстрируется, изображается. Еще и поэтому фильм снят в цвете.

Мы видим, что мир погряз в спорах о жизни, в страстях, которые, например, Ирода, просто раздражают и умерщвляют. Миру нужен Пастырь. А Дзеффирелли важно художественно воссоздать весь путь этого Пастыря, от его ожидания до его воскресения. В романе Мейлера, невзирая на то, что весь текст — исповедь главного героя, вполне ощутимо проступает авторское лицо и мировоззренческая позиция Мейлера: он — скептик. Этого нельзя сказать о Дзеффирелли: его кинопарафраза показывает интерес к жизни, любовь к ее разнообразию и какое-то очень значительное смирение, совершенно не мешающее творческому процессу. Его Иисус принимает всех, кто является сторонником жизни. У Мейлера Иисус, как мы пытались показать, не в доверительных отношениях с Богом. О мейлеровском Иисусе невозможно сказать, что он и Отец есть единое целое. В фильме итальянского режиссера такая мысль возможна.

Мы видим Христа, приносящего пользу — произносящего слова, которые меняют судьбы, исцеляющего больных. Никакой мейлеровской рефлексии и скуки

здесь нет. Нет и желания доказать волю Отца, силу небес. Перед нами Христос, который хочет, чтобы на земле было больше добра. И даже среди фарисеев Дзеффирелли находит достойных людей, много внимания уделяя Никодиму и Иосифу Аримафейскому. Режиссера интересуют споры о Христе, разная реакция на его пришествие, психологическая борьба в душе Иуды Искариота. Мейлер тоже хочет, что бы вместо догмата появилось нечто психологическое. Но у Дзеффирелли этот шаг получается лучше. Может быть, поэтому этот фильм не слишком впечатлит тех, кто любит концептуализацию, произведение — идею. Концептуализации, на наш взгляд, больше, у американского писателя.

Дзеффирелли больше волнуют нравственные моменты. Например, обращение мытаря Матфея, его приход ко Христу. Притча о блудном сыне — не просто одна из сцен, а живое присутствие правды, когда христианство оказывается ясным и понятным в словах Иисуса, в его выражении лица, в реакции сидящих в полутьме людей, в их стремлении оказаться с Отцом, как нерадивый сын, который был прощен, чего не скажешь о его гордом и злом брате. Дзеффирелли не стремится придумывать новых сюжетов и мотивов, он пытается «прочитать» первоисточник так, чтобы от этого была зрителью и эстетической, и нравственной польза. Нет в фильме столь важных для Мейлера трех искушений Христа в пустыне. Иисус борется с людьми, с их неверными представлениями, с их ошибками, с их безумием, как в ярчайшей сцене исцеления бесноватого. Конфликт с дьяволом нужен Мейлеру для создания гротескной сцены. В итальянском фильме ставка на гротеск не делается.

Фильм Гибсона «Страсти Христовы» (2005) — последняя на сегодняшний день парафраза евангельской истории в киноискусстве. Сравнение этого фильма с романом Мейлера кажется нам закономерным, потому что оба автора ставят перед собой задачу приблизить читателя или зрителя к древним событиям. Но делают они это по-разному. Мейлеровский Иисус часто заявляет о том, что евангелисты многие придумали, что его миссия — рассказать правду. «Правда» оказывается значительно более спокойной, менее эмоциональной, чем первоисточник. Мейлеровский «реализм» не создает экзистенциального контакта между читателем и происходящим. Фильм Гибсона решает задачу сближения с Евангелием иначе: режиссер отказывается от кинематографического пересказа всех евангельских событий, останавливая внимание лишь на нескольких часах жизни Христа от молитвы в Гефсиманском саду до распятия. Выше мы говорили о том, что в романе «Евангелие от Сына Божия» арест и распятие Христа не отличаются какими-то особыми красками и эмоциями. Стилистически кульминационное событие Евангелия в американском романе не выделено. Рефлексия повествователя остается на том же высоком уровне: комментарий больше, чем страданий.

Для характеристики современной культуры иногда используют понятие «постистория». Его смысл — в за-

вершенности самой идеи истории, в исчерпанности тех великих культур, которые поддерживали творческое сознание и душевную деятельность человека. Два рассматриваемых произведения можно оценить в контексте концепции «постистории». Роман Мейлера мы оцениваем как полное согласие с тем, что христианство исчерпано. С формальной точки зрения мы, наверное, не правы: Иисус говорит о том, что борьба с дьяволом не закончена. Но стиль произведения убеждает в том, что вера (одна из самых сильных основ культуры) в этом мире не имеет смысла, хотя бы потому, что все сверхчеловеческие фигуры не содержат в себе никакой тайны. Более того, все тайны раскрыты. И эту мысль мы считаем одной из самых важных для Мейлера. Гибсон тоже знает, что человек сейчас склонен к успокоению. Фильм и есть ответ на эту современную потребность. «Страсти Христовы» призывают не только удивиться, но и ужаснуться: Бог стал человеком, но человек не только не заметил или отказался от него, человек предал его, приговорил к смерти и распял. У Мейлера неоднократно говорится о том, что Иисус — Сын Божий. У Гибсона эта мысль не произносится, а изображается. Страдания Бога, создавшего мир и принимающего смерть от рук своих созданий, должны поразить зрителя. Не осталось внешней красоты, нет никакой романтики. И главное, что нет «мейлеровского спокойствия» и определенной рассудочности в повествовании. На глазах зрителя в гибсоновском фильме творится безумие.

Фильм начинается со страданий: крайне болезненная, по-своему страшная молитва одинокого Христа в Гефсиманском саду. Ученики спят, воины уже идут, Иуда совершает предательство. Сразу же проясняется языковое пространство произведения. Фильм идет на древних языках с титрами. Зритель слышит речь I века нашей эры. Этот шаг должен усилить «эффект присутствия». Сначала он приносит неудобства, но довольно скоро красота архаичной речи начинает сказываться и повышает значительность происходящего. В этом очень серьезное отличие от стиля Мейлера, избирающего упрощенный вариант современного языка. Пазолини допускает в своем фильме лишь те слова, которые были произнесены в Евангелиях. У Гибсона другой подход. Введены новые слова и даже бреды, но это не удаляет от первоисточника.

В фильме антропоморфный образ Бога не появляется. Есть лишь знаки его присутствия, но Христос здесь действительно оставлен. Его фраза на кресте («Отец! Почему ты оставил меня?») звучит органично. Фильм Гибсона посвящен страданиям Богочеловека, который в момент ареста, приговора и распятия оказался прежде всего человеком, ниоткуда не получающим помощи. Зато есть дьявол в образе жуткого безбрового человека с ледяными глазами и пристальным взглядом, направленным в душу. Впервые он появляется в Гефсиманском саду. Именно здесь происходит сцена искушения, столь подробно и пышно расписанная Мейлером в своем романе. Дьявол говорит об оставленности Иисуса, о том, что перенести такие страдания не под силу человеку, о том, что рай может

быть иным. Появляется змея, и после минутной борьбы с самим собой Христос раздавливает ее, выбирая путь смертельных страданий. И в сцене ареста избивание Христа, его мучения — на первом плане, но Гибсон не оставляет зрителя один на один со злом. Так, в этой сцене есть образ воина Малха, которому Петр отсекает ухо. Христос, останавливая Петра, возвращает ухо на место. Камера фиксирует лицо Малха: боль, недоумение, ясность чуда и невозможность понять случившееся. Мы не знаем, что будет с Малхом дальше. Но ясно, что прежним он уже не останется, настолько велико потрясение.

Эмоции в фильме Гибсона очень сильные, но ничего сентиментального нет. Есть воспоминания Христа о своем детстве, о проповедях и общении с учениками. И тут очень важное отличие от позиции Мейлера. В «Евангелии от Сына Божия» вспоминает Иисус, выведенный за пределы конкретного времени и пространства. Страдания давно позади, нет и узнаваемого земного мира с его серьезными проблемами. Мейлеровский герой находится в какой-то искусственной комнате, где и пишет свои воспоминания. Христос в фильме Гибсона вспоминает во время страданий, следовательно, образы минувшего оказываются в ином контексте.

Один из сильнейших эпизодов фильма — судьба Иуды. Если у Мейлера есть проблема «Иуда и бедные», то Гибсон остается на евангельской точке зрения: никаких облагораживающих мотивов в поступке Искариота нет. Более того, когда фарисей кидает мешочек с монетами, замедленная съемка останавливает внимание на летящих серебряниках, показывая, что Иуда связан с деньгами, а не с другими, некими философскими ситуациями. К предавшему и уже впавшему в отчаяние Иуде подходят играющие дети. Быстро выясняется, что за детскими лицами скрываются бесы, получившие указание уничтожить грешника. Они гонят Иуду в пустыню, к месту, где не столько растет, сколько стоит дерево, под которым гниет труп лошади с оскаленными зубами. Шум кладбищенских мух показывает Иуде, что все безнадежно. Но нельзя не признать, что у этой действительно страшной сцены есть нравственная цель. Это не «фильм ужасов», а религиозное произведение. Выше мы говорили о Малхе. Он ничего не говорит в картине, но он — личность, состоявшийся образ. Столь же личностна и судьба Иуды. Зритель понимает, что для понимания падения Искариота необязательно выдвигать новые версии.

Можно ли назвать «Страсти Христовы» историческим фильмом? Вряд ли. Конечно, все детали эпохи присутствуют и соответствуют научным представлениям о времени Иисуса Христа. Но все-таки, как и у Мейлера, это произведение-идея. У Гибсона на первом плане идея очень тяжелого падения человечества, способного стать «дьяволом» для лучшего из людей. Кстати, образ дьявола, появившийся еще в первой сцене, отражается в самых разных лицах людей, ненавидящих Иисуса, бьющих его, делающих крестный путь еще тяжелее. Например, демоны, преследующие Иуду, появляются вновь в сцене ос-

вобождения Вараввы, когда его пустое лицо с мертвым глазом заставляет сразу же вспомнить смерть предателя Христа. Гибсону удалость показать, как жизнь и смерть разделяет людей. Например, человек, которого римские воины заставили нести крест вместо лишившегося сил Иисуса, сначала не хотел этого делать, а на Голгофе он уже не хотел отходить от Христа, в котором увидел не преступника, а невинного страдальца, и, похоже, приблизился к главной тайне жизни. В фильме эта тайна заключается в том, что Бог не только стал человеком, но невинным человеком, приговоренным в самой страшной казни. У Мейлера есть Иисус, названный Сыном Божиим, но тайны унижения Бога, принятого от своих детей, у Мейлера нет. Иногда даже кажется, что роман написан специально для того, чтобы эта мысль, на которой стоит христианская культура, так и не появилась. Бог одинок в мире людей. Гибсон знает об этом. Мейлер, наверное, нет.

Христос — в крови, а люди злы или переменчивы. Вот Христос, истекая кровью, едва передвигая ногами, несет крест по узким улочкам. Эти кадры на мгновение сменяются кадрами входа в Иерусалим на осле несколько дней назад. Похожие улицы, может быть, те же люди. Но это разные встречи. Что же случилось? Зло живет в каждом человеке, но это слишком банальная мысль, чтобы стать новостью в художественном произведении. Гибсон показывает, как люди, убежденные в необходимости убийства, заставляют других согласиться с ним в необходимости убить ни в чем неповинного человека. Таковы фарисеи, чьи образы воссозданы режиссером с большим мастерством. Они принимают решение, изгоняют несогласных, используют Иуду. Особенно подробно сообщается в фильме о их общении с Пилатом. Фарисеи дирижируют народом и манипулируют прокуратором. Римский прокуратор прекрасно понимает, что Иисус не виноват, собственная жена просила его спасти арестанта, фарисеи, в чьих образах тоже недвусмысленно отражается дьявол, добиваются своего.

Это не значит, что лишь иудеи ужасны. Ужасны и римляне. Когда Христа подвергают наказанию, воинам трудно остановиться, они — садисты, испытывающие радость от зла, которое совершают. Многим эпизодическим героям в фильме нравятся мучения ближнего, страдания без всякой вины. Правда, лица женщин — матери Иисуса, Марии Магдалины — показывают, что все-таки человеческие пороки имеют границы.

Фильм Гибсона безжалостно натуралистичен, но надо признать, что он способен потрясти. Путь Христа здесь — не вялая речь об этом пути (Мейлер), а непосредственная мука на грани отчаяния. Последний кадр — лицо воскресшего Христа. Но оно говорит не о счастье рая, а скорее о том, что пережито, и о том, что это забыть нельзя. Как будто цель Гибсона — создать фильм, выходящий за пределы «художественного произведения».

Фильм Скорсезе «Последнее искушение Христа» (1988) снят по роману Никоса Казандзакиса с похожим названием — «Последнее искушение». В самом начале

фильма на экране появляется текст, предупреждающий зрителя, что этот фильм снят не по Евангелиям. Но судьба картины, споры и скандалы вокруг нее показали, что произведение Скорсезе, как и ранее роман Казандзакиса, были восприняты не только как близкие к Библии, но и как покушающиеся на ее авторитет. Формально этот фильм, в отличие от картин Пазолини, Дзеффирелли и Гибсона, не может быть отнесен к парафразе. Но мы остановились на нем, чтобы показать пример инверсионной парафразы, самой организацией сюжета вступающей в полемику с привычным восприятием Нового Завета.

Фильм (как и сам роман греческого писателя) значительно энергичнее, чем роман Мейлера. Важно, что Скорсезе начинает свой фильм так, как начинает его сам Казандзакис: словами о том, что борьба между духом и телом, между Богом и человеком во Христе является насущной задачей и для человека, который способен по-настоящему стать человеком лишь в борьбе. Борьба, а не проповедь, — основной мотив картины Скорсезе. У Мейлера тоже много говорится о борьбе: Христос своей исповедью борется с евангелистами, в своей жизни он боролся с желанием быть с женщиной, противостоял стремлению осуждать и говорить грозные слова, можно предположить, что и с Богом у мейлеровского Иисуса есть борьба. Но все-таки трудно показать какой-то новый конфликт, не выходя за пределы евангельского сюжета, отказываясь от его переустройства. Основные конфликты в фильмах Пазолини и Дзеффирелли в целом совпадают с евангельскими. Иная ситуация у Скорсезе: многое говорит о том, что здесь происходят евангельские события. Совпадают имена и разнообразные важные проблемы. Как и в Библии, Христос этого фильма идет к кресту, на нем заканчивая жизнь. Но с первых сцен становится очевидным, что знакомые имена и события как-то перетасованы. Реальность, очень активную по отношению к первоисточнику парафразу. Постоянно рядом с Иисусом Иуда Искариот, которого смело можно назвать вторым главным героем картины. Как и в романе Мейлера, больше говорится о женщинах, об отношениях с ними. Но здесь Мария Магдалина — не в окружении Иисуса, она в его сердце, более того — она соперничает с Богом за Иисуса, и не совсем понятно, кто победил.

У Мейлера Бог довольно суров к своему Сыну. О какой-то особо сильной любви между Отцом и Сыном в американском романе говорить нельзя. У Скорсезе мы не видим не просто суровое, но и жестокое отношение. Иисус измучен страданиями. Он хочет быть просто человеком, быть с Магдалиной, а его заставляют идти на крест. И в этом трагизм. У Мейлера он намечен, едва просматривается, но, на наш взгляд, не реализован. В «Последнем искушении» — трагедия человека, который хочет быть просто человеком, но ему предназначено другое — быть человеком. А это, как показывает режиссер, больно и трудно.

Трудно еще и потому, что дело не только в отношениях с женщиной. Задача не только в том, чтобы согласиться быть Сыном Божиим, но и понять, что это озна-

чает. Иоанн Креститель говорит прямо: «возьми топор». Вполне понятный призыв, раз есть римляне, захватившие твою родину. Не менее радикален Иуда Искариот. В самой первой сцене фильма он обвиняет Иисуса в предательстве, в том, что он делает кресты для распятия соотечественников. Позже он придет к Иисусу, чтобы убить его. Но дело в том, что избран не только Иисус, но и Иуда. Но избраны они несколько по-разному. Иуда проповедует путь священной войны, спасение через убийство врагов. У Христа иное учение. Но вот что удивительно: Скорсезе показывает, что постепенно Иисус сближается со своим обвинителем. Он начинает говорить громче и жестче, общая не слишком смелым ученикам: «Я приглашаю вас не на праздник. Я приглашаю вас на войну». По Иисусу, фундамент человека — душа, по Иуде, фундамент — тело.

И Мейлер, и Скорсезе хотя показать Иисуса на грани отчаяния, поэтому детально воссоздают сцену трех искушений. Дьявол в фильме приходит в трех образах — змеи, льва и огня. Он соблазняет мечтами о женщине, о власти, обещанием обожествления. Перед нами трагедия Иисуса, который огромным усилием воли отвечает на предложения «нет». Мейлеровский роман близок концепции Скорсезе и тем, что воскресение Лазаря — страшная ситуация (особенно в фильме), и тем, что богатые достаточно резко обличаются. Рука Лазаря появляется из склепа, как в «фильме ужасов», при этом доносится пение птиц и одновременно жужжат мухи.

Центральный эпизод фильма — другой Иисус, другое счастье. У Мейлера нет такой повествовательной сво-

боды. Скорсезе, в данном случае следуя за Казандзакисом, показывает Иисуса сошедшим с Христа и оказавшимся сначала с одной Марией, потом с другой, потом еще и с Марфой. «Теперь я живу, как человек», — сказано в фильме. Эта мысль есть и в американском романе. Но у Скорсезе все сильнее. Иисус становится примерным семьянином, он познает обыденное счастье — без креста. Один кадр сменяет другой, и мы видим, как быстро идут годы, какой ужасно короткой оказывается жизнь. Есть жена, дети, работа, кругом — природа, но все это заканчивается смертью. Мейлеровский Иисус не подвергается испытанием смерти, а у Скорсезе это очень хорошо ощутимо. Умирая в дряхлом возрасте, Иисус видит Иуду, других учеников, обвиняющих его в неисполнении своей миссии. И тут герой понимает, что вся эта «бытовая жизнь» ничто перед крестом, который приносит и страдание, и бессмертие. У Скорсезе Иисус буквально ползет к спасению, говоря следующие слова: «Я не хотел быть твоим сыном. Я хочу принести спасение. Я хочу быть распятым». Он вновь обнаруживает себя на кресте, счастливая жизнь оказалась лишь предсмертным видением. Теперь Христос счастлив по-настоящему. Последнее его слово — «Свершилось».

Конечно, Скорсезе создал очень неоднозначный фильм. У Пазолини и Дзеффирелли все-таки парафразы, сохраняющие верность устойчивым традициям. «Последнее искушение» завершается по-христиански, но то, что зритель узнает об Иуде, Магдалине и самом Иисусе, вряд ли вписывается в религиозные нормы.

Цвет как составляющая художественной традиции литературы Средневековья

Горбач Наталия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Запорожский национальный университет (Украина)

Цвет как важнейшая составляющая красоты, материальная реализация света занимает весомое место в древнерусской эстетике. В ней, с принятием христианства в его византийском варианте, наряду с народно-мифологической выработалась и христианско-религиозная составляющая. Обращение к произведениям Средневековья, в частности к летописям, позволит проследить семантические традиции цвета в нашей литературе. Цель исследования обусловлена и тем, что памятники древней письменности, до сих пор сохранившие свой духовный потенциал, могут служить и образцом становления эстетической категории цвета.

Наделенный символическим потенциалом, цвет в произведениях искусства превращается в символ только при условии его соответствующей рецепции субъектом. Хотя сегодня процесс эстетического толкования символики цветов и основывается на объективных особенностях психики и мифологических, религиозных, культурных

факторах, которые дополняются обыденным опытом, однако полисемантизм цвета приводит к субъективности и вариативности его символических значений.

Оценивая художественно-эстетическую культуру Средневековья, одни исследователи (В. Бычков, А. Каравашкин) отмечали доминирование в ней византийского элемента, другие (А. Баженова, К. Шохин) — видели ее начало в дохристианских временах, а источниками считали мифологию и фольклор праславянских племен. Однако, более уместным, представляется связывать высокий уровень развития киеворусской культуры с синтезом доисторической языческой, православной идеологии и народного эстетического сознания древних русов [см: 6, с. 8].

Отождествление красоты и света опирается как на глубокую традицию в дохристианской отечественной культуре, так и, через посредство византийской культуры, на античные, древнеассирийские, древнеегипетские традиции, построенные на обожествлении света, небесных

светил [см.: 2, с. 62]. Убеждает в этом и установление семантических связей слов, осуществленное А. Афанасьевым, Ф. Буслаевым, А. Потебней. Ученые, опираясь на славянский фольклор, доказывали, что слово «красота» имеет непосредственную связь со словами «огонь», «свет» и т.п., поскольку от корня «крес» происходят слова «высекать» (огонь), «огниво» и даже «воскресать» [см.: 4, с. 111–113]. Свет солнца был для человека не только источником животворной энергии, но и расширял перед ней пространственные границы окружающей среды, определял понимание человеком миропорядка. Не случайно и весь окружающий мир славяне называли светом.

Такое удивительное отношение к свету обусловило традицию связывать с ним все, что есть эмоционально дорогим, важным в жизни человека. С христианизацией Киевской Руси образ света был вовлечен в вероисповедный контекст, получив значение святости. Так, благословенность княгини Ольги среди русских князей мотивируется тем, что она «возлюбила ... свет, а тьму оставила» [5, с. 36]; Борис и Глеб как мученики за веру сравниваются со светлыми звездами, светилами, «что озаряют всю землю Русскую, всегда тьму отгоняя, являясь верой непоколебимой» [5, с. 80]; монахи Киево-Печерского монастыря также названы светилами, что благодаря своей благотворительной жизни сияют и после смерти [см.: 5, с. 113; 5, с. 120].

Прилагательное «светлый» часто употребляется для обозначения чего-либо прекрасного, величественного, возвышенного. Так, светлым величается солнце [см.: 5, с. 102], светлыми праздниками названы Успение Богородицы [см.: 5, с. 70], перенесение мощей Бориса и Глеба [см.: 5, с. 111], Воскресение Христово [см.: 5, с. 113].

В воображении человека свет, который принадлежал небесной сфере и обожествлялся, был наделен способностью вмешиваться в человеческую жизнь, управлять ею. Автор не удерживается от соблазна косвенно заимствовать библейское описание оптического явления, когда «звезда засияла на западе, излучая свет, которую называли лампадой и которая сияла в течение двадцати дней, а после этого был звездопад с вечера до утра, так что все думали, что падают звезды, и опять солнце без лучей светило, — а это провещало крамолы, болезни, смерть людям» [5, с. 102]. Далее, в эпизоде солнечного затмения, он предостерегает, что такие явления «бывают не к добру», вот и это знамение предвещало смерть князя Святополка [см.: 5, с. 171]. Подано в летописи и пример «положительной» интерпретации сразу трех астрономических и атмосферных явлений, когда «сии знамения видя, благочестивые люди со вздохом и со слезами молились богу, чтобы обратил бог знамение сии на добро. Ибо знамения бывают или на добро, или же на зло. И вот сии знамения были на добро» [5, с. 157]. Таким образом, решение русских князей пойти на половцев автором летописи связываются со световыми предсказаниями, а следовательно приобретают статус благословенных. Но, что

немаловажно, этот эпизод демонстрирует не только карающую волю Бога, но и его покровительство, которое смогли вымолить благочестивые русичи.

Противоположность свету — тьма — преимущественно несет негативную окраску, вызывая страх, символизируя горе, угрозу, наказание. Из ветхозаветной Книги Исход автор заимствует описание десяти кар, посланных Богом фараону, среди которых и наказание «трехдневной тьмой» [5, с. 55]. С тьмой, несомненно, ассоциируется все то, что не соответствует христианским принципам, греховное, адское. Черноризец Киево-Печерского монастыря Исаакий бесам, преследовавшим его на протяжении трех лет, говорит: «Когда вы людьми были, то днем бы ходили. А вы есть тьма, и во тьме ходите, и тьма вас заберет» [5, с. 119]. Князь Игорь, приняв схиму, противопоставляет свою жизнь до и после пострига: «И за все это спасибо тебе, господи: что смирил ты еси душу мою, и сподобил меня прийти в мир из темного, и суетного, и кратковременного века сего ...» [3, с. 213]. Мирская жизнь князя, которая соотносится с грехом, суетой жизни, не стоящей потраченного времени и усилий, актуализируется через прилагательное «темный».

Хотя принято считать, что у всех народов белый и черный цвета коррелируются как свет и тьма, когда все чистое, радостное, сказывалось с белым цветом, а все злое, печальное, разрушительное, дикое, греховное — с черным, однако в летописях Средневековья мы не встречаем даже таких эстетически и этически маркированных словосочетаний как «белый свет» или «белый день». Здесь белый и черный цвет, как правило, выступают в своем реальном значении: «белая вывирка» (вероятно, зимний горноста́й) [5, с. 12], «черная куница» [5, с. 13], «черные куны» [1, с. 415], «ворон черный» [5, с. 119].

Символическое звучания черный цвет приобретает в словосочетании «черное молоко». Так, Батый, обращаясь к князю Даниилу, говорит: «Пьешь ты черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?» И он сказал: «До сих пор я не пил. А сейчас ты велишь — я пью». Он тогда сказал: «Ты уже наш же, татарин. Пей наше питье» [1, с. 405]. Как видим, черный здесь приобретает значение чужого, враждебного, нехристианского, ибо пить черное молоко означало подчиниться врагу, иноверцу. Различительную семантику «свой — чужой» белый и черный цвета несут в этнонимах «белые хорваты» [5, с. 2], «черные угры» [5, с. 7], «черные болгары» [5, с. 28], «черные клобуки» [3, с. 199]: белые хорваты как союз восточнославянских племен ассоциативно связывался с близким, знакомым, понятным себе на культурном, бытовом, языковом, религиозном уровнях, потому обозначался прилагательным «белый», в то время как представители финно-угорских и тюркских племен зачислялись в «другой» мир. В частности, подавая картину расселения племен, которые, «придя, сели по реке по имени Морава, и прозвались моравами, а вторые чехами назывались» летописец заключает: «А се те же славяне ...» [5, с. 2]. Здесь следует заметить, что колоративы на обозначение чужеземных народов могут иметь и нейтральные семан-

тико-ассоциативные характеристики. Примером может служить этноним «половцы» для обозначения тюркских племен, который мотивировался половым цветом (цветом половы, плевел) их кожи.

Ряд цветов, которые употребляются в нашей речи, можно назвать предметными, поскольку их восприятие связано с восприятиями определенных предметов соответствующего цвета (например, сиреневый, вишневый, лимонный, соломенный, песчаный, упомянутый уже половый и т.д.). Летописцы очень активно пользовались золотым и в меньшей степени серебряным и медным цветом, которые также имеют предметное происхождение.

Когда речь идет о Золотых воротах [см.: 5, с. 19; 3, с. 200], палатах золотых [см.: 5, с. 22], кумирах медных, золотых и серебряных [см.: 5, с. 54], статуе Перуна, голова которого серебряная, а ус золотой [см.: 5, с. 47], лошадей медных [см.: 5, с. 66], утварь серебряную [см.: 3, с. 205], золотой шлем [см.: 1, с. 368] понимаем, что в первую очередь в виду имеется материал, из которого они изготовлены, но и цвет здесь тоже имеет место. Сгущение колористических впечатлений свойственно тем летописным эпизодам, где говорится о накидке золотой [см.: 5, с. 86], золотой одежде [см.: 5, с. 102]. И уже бесспорно имеем дело только с цветом, а не с материалом, в описаниях существ высшего мира: «А его, Гавриила, в видении и Даниил видел: он летел,»лицо его — как вид молнии, — сказал Даниил, — и глаза его — как светильники, а руки его и ноги такие с виду, как блестящая медь...» [5, с. 167]. Подобное сравнение встречаем и в описании Бога, который в облике человека явился Даниилу: «Тогда некто, одетый в пестрое, а бедра его перепоясанные чистым золотом, а тело его — как топаз, и лицо его — как молния, и глаза его — как светильники огненные, а руки и плечи подобны меди чистой...» [5, с. 169]. Здесь сравнение с чистым золотом и чистой медью приобретает колористическое звучание.

Летописный материал иллюстрирует и символическое толкование золотого (желтого) цвета, когда Святослав, утверждая свое соглашение с греками, клянется соблюдать договоренности, а на случай их нарушения призывает на себя и свое государство божью месть: «... пусть будем прокляты богом, в которого веруем, — в Перуна, и в Волоса, бога скота — пусть будем мы золотые, как вот золото се, и своим оружием пусть мы иссечены будем, и пусть мы умрем» [5, с. 42]. Как видим, в этом случае название цвета, связываясь со смертью, реализуется в негативно-ассоциативном контексте, который основывается на наблюдениях за физиологическими реакциями человека. По подобными ассоциативными связями воспринимаются и колоративы, употребленные в описании половецких пленников: «мучимые холодом и истощены, в голоде, и жажде, и в беде, побледневшие лицами и почерневшие телами, ходя неизвестной землей голые и босые, ноги имея исколотые терном, они воспаленным языком, со слезами отвечали друг другу, говоря: «Я был с сего города», а второй: «Я с сего села» [5, с. 136]. Признаки, выраженные прича-

стиями «побледневшие» и «почерневшие» здесь нейтрализуют свое цветное и приобретают эмоционально-выразительное значение.

С предметными ассоциациями связана и разновидность красного — кровавый цвет. В сочетании с названиями таких реалий, как пространственные понятия («кровавые реки» [5, с. 55]), предметы одежды («рубашка кровавая» [5, с. 149]), военных доспехов («копья ... кровавые» [1, с. 389]) он имеет и вещественное, и колористическое значение (обозначает то, что загрязнено, окрашено кровью, а следовательно приобретает красный цвет). Символический смысл этого оттенка реализуется в описании кометы: «... произошло знамение на западе: звезда превеликая, лучи имея словно кровавые, восходила вечером после захода солнца, — и так было в течение семи дней. А это появилось не на добро, потому что после этого были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю — ся же звезда была словно кровавая, предвещающая пролития крови» [5, с. 101].

По сравнению с другими цветами, красный (червлёный) цвет («червлёное и богатое одеяние» [5, с. 49]), в летописании имеет систему оттенков, где кроме кровавого зафиксированы упоминавшийся нами выше медный, рыжий, багряный, что свидетельствует о его особом эстетическом весе в колористической картине мира Древней Руси. Ведь «само слово красота, красный первоначально означало светлый, яркий, блестящий, огненный и было родственным со словом кресс, огонь» [6, с. 111]. Возможный контекстуальный полисемантизм демонстрирует рыжий цвет. В описании Мстислава, который был «крепкий телом, рыжий лицом, имел большие глаза», «был храбр в бою, и милостив, и любил жену велико, и имущества не жалел для нее, ни питья, ни пищи не запрещал» [5, с. 87], рыжий имеет нейтральную семантико-ассоциативную наполненность, в то время как в другом контексте (в частности: «беззаконный лихой боярин Семюно Чермный», «подобен лисе рыжиною» [1, с. 386]), он может приобретать негативно-оценочное значение. Эта колористическая характеристика косвенно усиливается через уподобление боярина лисе, образ которой в славянской культуре выступает символом хитрости, ловкости, умения достигать своего путем обмана или лести.

Несмотря на то, что цвет в древности имел прикладное значение и на доземледельческом этапе служил для распознавания животных, летописцы зафиксировали в таком архаическом контексте лишь единичные названия цветов, например прилагательное «гнедой» на определение масти коня князя Даниила [1, с. 391]. Лишь иногда внимание летописца фиксирует и окраски отдельных деталей одежды человека («червлёное и богатое одеяния» [1, с. 391], «сапоги зеленые козловые» [1, с. 409]).

Не самое ли пристальное внимание летописца приковано к цвету тогда, когда речь идет о культовых сооружениях, в частности о внутреннем убранстве церквей. Так, в описании построенной Даниилом Галицким «красной и пригожей» церкви Иоанна Златоуста отмечается, что

«верх же украшен был звездами золотыми на лазури; внутренний же помост ее отлили из меди и из чистого олова, так что блистал он, как зеркало. Двери же ее были украшены камнем тесаным — галицким белым и зеленым холмским; вырезанная одним умельцем Авдием резьба ее была всяких красок и золотая» [1, с. 418]. Когда от динамического изложения событий, основанного на постоянном перемещении в пространстве и во времени, летописец переходит к таким описаниям, то рассказ будто замедляется, тем самым подчеркивая важность, исключительность изображаемого.

Следовательно, рассматриваемые нами произведения демонстрируют вообще небольшое количество языковых средств для обозначения цвета, но они свидетельствуют о разработанной, с определенными оттенками смыслов,

системе цветов, которой была присуща иерархия. В отличие от света, которой считался атрибутом божественного мира, цвет в летописях вполне материален и многозначен. Количественная и семантическая ограниченность колористической системы летописей в сравнении с произведениями других жанров обусловлена присущим им характером фиксации действительности, когда предметом внимания становилась лишь история широкого охвата, государственного масштаба, причем в координатах вечного, исконно устоявшегося, неизменного, с точки зрения летописца, течения событий, которое лишь изредка перерастало в сюжет. При небольшом количестве слов, обозначающих цвет, их роль в понимании идейного замысла летописцев является чрезвычайно важной.

Литература:

1. Галицько-Волинський літопис // Літопис Руський / О.Мишанич. — К.: Дніпро, 1989. — С. 368–452.
2. Каравашкин А.В. Философия прекрасного в Древней Руси / А.Каравашкин // Человек. — 1995. — №5. — С. 61–88.
3. Київський літопис // Літопис Руський / О.Мишанич. — К.: Дніпро, 1989. — С. 178–367.
4. Кузмичев И. Лада, или повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть. (Эстетика Киевской Руси) / И.Кузмичев. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 302 с.
5. Повесть минулих літ // Літопис Руський / О.Мишанич. — К.: Дніпро, 1989. — С. 1–178.
6. Серов Н. Эстетика цвета. Методологические аспекты хроматизма / Н.Серов. — СПб.: ФПБ — ТОО «БИОНТ», 1997. — 64 с.

Пиктографическое любовное письмо юкагиров

Данилова Роза Олеговна, студент

Научный руководитель: Атласова Элида Спиридоновна, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (г. Якутск)

Пиктографическое письмо (от лат. *pictus* — нарисованный и греч. *γράφω* — пишу), рисуночное письмо, пиктография, отображение содержания сообщения в виде рисунка или последовательности рисунков. Пиктографическое письмо — не письмо в собственном смысле, так как не фиксирует саму речь, а отражает её содержание, причём обычно мнемонически (напоминательно); рисунок или комплекс изображений не предрешают ни слов, в которых должно быть изложено сообщение, ни языка сообщения.

Только девушки-юкагирики занимались составлением таких писем. Замужние женщины и мужчины не занимались этим. Девичьи письма содержали исключительно объяснение в любви, выражение печали, когда их покидали любимые, или иные тайны их интимных чувств». Материалом для подобных писем служила береста вместо бумаги, а ручку заменял кончик ножа. Конечно, девушки могли себе позволить удовольствие сочинять любовные письма только в свободное время, которое было весьма

ограничено.

В будничные дни они были заняты с раннего утра до позднего вечера, и даже по праздникам имели очень короткий отдых. В течение зимы требовалось заготовить огромное количество дров, которые девушки доставляли издалека на собачьей упряжке. Летом во время рыболовного сезона на долю девушек выпадала самая тяжелая работа.

Каждая из фигур, похожих на закрытый зонтик, есть условное изображение человека. Внутренняя пара линий обозначает ноги, две наружные линии — руки, а точками отмечены суставы ног и части тела. Пунктирная линия, т.е. это женская фигура. Содержание письма следующее: над центральной фигурой а изображен объект, похожий на шляпу, обозначающий покинутое жилище, т.е. жилище, которое покинула фигура а, Мысли и желания двух женских персонажей устремлены к центральной фигуре а, но последняя — слишком важная персона для юкагирских девушек, сочинивших это письмо. Их мысли останови-

лись на середине пути, не решаясь подойти к желанному объекту, долго колебались и вернулись назад. Мысль фигуры направляется к другой фигуре, а мысль к следующей фигуре. Эти фигуры связаны лентами любви, но ленты между двумя более прочны, чем между другими фигурами. Об этом говорят диагонали, соединяющие головы обеих пар. В первом случае мы видим две диагонали, а во втором

только одну. левая фигура находится в доме, изображенном не полностью. Это значит, что дом скоро опустеет. Содержание этого рисунка следующее: «Ты уходишь отсюда, и я остаюсь одна. Из-за тебя я плачу и страдаю».

Таким образом, пиктографическое письмо является одним из уникальных элементов в традиционной культуре юкагири, которое необходимо сохранить и возродить.

Литература:

1. Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный быт и письмена. «Изв. Императорского Русского Географического Общества», т. XXXIV, вып. III, СПб., 1898

Употребление стилистически-семантических синонимов в лексике кумыкского языка

Джалилова Патиматзахра Исрапиловна, кандидат филологических наук, доцент
Дагестанский государственный педагогический университет

Наша речь — это не только знание языка, его норм и правил, это не только речевые умения и навыки, но и творчество. Речевая деятельность человека в городской среде требует активного отношения к знанию языка, к умениям и навыкам в области чтения и говорения, в области восприятия речи и письма. Знания человека всё время пополняются, его умения, и навыки постоянно совершенствуются, отсюда речь становится всё более понятной и выразительной, всё более культурной. Чем лучше человек знает язык, чем свободнее он владеет его богатствами, тем большее влияние оказывает его речь на окружающих. Как бы ни был убеждён человек, какую бы страстную речь не произносил, — её действенность снизится, если он будет говорить неграмотно и некультурно.

Как правило, синонимы принадлежат одной и той же части речи и выступают как взаимозаменяемые элементы высказывания. (Л.С.Перчик), одни и те же по значению слова, но по-разному звучащие (Н.Г. Гольцова), обозначающие одно понятие, но отличающиеся друг от друга семантически (оттенками значения) или стилистически (А.М. Чепасова), это слова не только с одинаковой предметной направленностью, но и близкие по своему значению, у них есть общее в самом значении слова, лексическом значении (В.И. Кодухов). Между словами в языке наблюдаются различного рода связи. Связи эти действуют не изолированно друг от друга, а в той или иной степени обусловленности.

Синонимы — это слова, по-разному звучащие, но одинаковые или очень близкие по смыслу. Например: **гючлю-кочап, арив-исбатлы, чалт-алгъасавлу, тюз-герти, пагьмулу-бажарывлу, сёз-калима.**

Группа синонимов, состоящая из двух и более слов, называется **синонимическим рядом**. Называя одно и то же,

синонимы обычно называют это одно и то же по-разному — или выделяя в называемой вещи различные ее стороны, или характеризуя эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы, обозначая одно и то же, как правило, не являются словами абсолютно идентичными друг другу как в отношении семантики, так и в отношении своих эмоционально-стилистических свойств.

Синонимия — явление всегда глубоко национальное, она создается в разных языках различными путями. Синонимы появились в кумыкском литературном языке или в результате образования новых слов на базе существующего строительного материала, или в результате пополнения словаря за счет лексики территориальных и профессиональных диалектов, а отчасти жаргонов, или в результате усвоения иноязычных слов из лексики других языков. Основываясь на различиях в семантике и стилистической окраске, представляется правомерным выделить три наиболее общих разряда синонимов:

1. Синонимы семантические: **гючлю — кьоччакъ — кьоркъмас — кочап — кьоркъувсуз; уйсьюз-ожакъсыз-очакъсыз.**

2. Синонимы стилистические: **аякълар-какичлер-балбулар.**

3. Синонимы семантико — стилистические: **ашамакъ-ютмакъ-тыкъмакъ — чайнамакъ — гююшемек; кычырмакъ-акъырмакъ-екирмек — янгырмакъ.**

Семантические синонимы — это стилистически нейтральные слова, отличающиеся друг от друга оттенками основного, общего для каждого из них значения. Например, слова «гючлю, кьоччакъ» — «смелый и храбрый» объединены общим значением — «не испытывающий страха», но «смелый — не только не знающий страха, но и решительный в преодолении препятствий» например:

«**Къоччакъ** улан тутгъан мурадларыны ахырына ерли чыкъмагъа болмады» (З.Батырмурзаев) — «**Смельчак** не смог достичь намеченных целей».

Основное назначение семантических синонимов в языке — служить средством точного выражения мысли в каждом частном случае речевого употребления. Например, слова «ялкъдырмакъ, инжитмек, беззер этмек» — «**надоестъ и наскучить**» имеют общее значение — стать неприятным от частого повторения, но в слове «инжитмек» — «**наскучить**» есть еще дополнительный оттенок, обусловленный его этимологической связью со словом «инжив» — «**скука**»: надоестъ, вызвав скуку. На мой взгляд, слово «инжитмек» — «**наскучить**» лучше применять с одушевленными предметами, а слово «ялкъдырмакъ» — «**надоестъ**» с неодушевленными. Например: «Савлугъума кант эте туруп сизин инжитме суймеймен» — «Я боюсь наскучить вам своими жалобами на здоровье»; «Шо пьесалар гъалиге ерли сагнада юрюлсе де, халкъны ялкъдырмай». (А-П. Салаватов) — «Те пьесы, сколько бы не ставились на сцене, не надоедают народу.» Семантические (идеографические), это понятия с различными оттенками значения. Пример: *арив, исбатлы, гърмекли, суйкюмлю; юрюмек, суйкелмек, абатланмакъ, бармакъ*.

Семантико-стилистические синонимы — это слова и их эквиваленты, обозначающие одно и то же явление объективной действительности и различающиеся не только стилистической окраской, но и оттенками общего для каждого из них значения. Семантико-стилистическими синонимами будут, например, слова: «Ат (аргъумакъ) — ябу (зайып ат)» — «лошадь — кляча», например: «Аргъумакъ арив атлар макътанса, чабывулда алдын болдум дер» (Къанна къазакъ йырлар) — «Красавец аргумак-лошадь может похвастаться, что победил на скачках»; «Аргъумакъгъа тенг этмегиз ябуну» (Къанна къазакъ йырлар) — «Не сравнивайте породистую лошадь с клячей». Слово *кляча* означает «слабая» тощая, больная лошадь»; как эмоционально окрашенное, слово **кляча** и стилистически противопоставлено нейтральному слову **лошадь**.

Синонимами являются и слова «юрюмек — суйкелмек» — «идти — плестись». Они обозначают одно и то же действие, только слово «идти» стилистически нейтрально, слово «суйкелмек» — «плестись» — разговорное и, помимо общего значения, содержит еще дополнительные оттенки: плестись — это идти с трудом, медленно, едва переставляя ноги. Общее значение слов «юрюмек» — идти, «суйрелмек» — ковылять — перемещаться в пространстве, передвигая ноги, но «суйрелмек» — это идти с трудом, вперевалку или припадая на ногу, хромяя. «Суйрелмек» — слово разговорное, «юрюмек» — стилистически нейтральное. Как видим, синонимы, называя одно и то же, всегда чем-нибудь различаются. Однако эти различия обязательно предполагают их номинативную общность, определяющую основное свойство синонимов, —

возможность замены в определенных контекстах одного слова другим.

Общее значение слов «душман, яв, оьчлю» — «враг, недруг» — тот, кто находится в состоянии вражды с кем-либо. В слове «душман» — «**враг**» значение враждебности, непримиримости выражено сильнее, нежели в слове «яв» — «**недруг**». Слово «яв» — «**недруг**» имеет стилистическую окраску, оно книжное, несколько устаревшее; слово «душман» — «**враг**» — межстилевое. ср.: «Яхшы чы бар батырлар, **яв** гъргенде тувра чабып оьлеген» (Къанна къазакъ йырлар) — «Хороши батыры, бегут на смерть при виде недругов»; «Ери гелгенде кылычы булан да, чебер языву булан да **душманланы** сыдраларын тозагъан Зайналабид ятлагъа рагъатлыкъ бермеди». (З. Батырмурзаев) — «Зайналабид своевременно разгонял **врагов** и саблей, и пером».

Нередко синонимы определяются как слова различного звучания, имеющие близкие значения. Такое определение неточно характеризует сущность синонимов как явления языковой системы. Можно подумать, что среди синонимов наблюдаются только такие слова, которые обязательно различаются между собой дополнительными оттенками в значении, хотя на самом деле есть и такие синонимы, различие между которыми заключается только в экспрессивно-стилистической окраске или употребимости и т.д. Можно также подумать, что нет синонимов, которые могут заменять друг друга (ведь значения синонимов лишь близкие, а не тождественные), хотя на самом деле это является важнейшим, наиболее характерным свойством синонимов, в отличие от сравнительно близких по значению, но все же несинонимичных слов. Специфический характер лексики как системы проявляется, прежде всего, в наличии целого ряда весьма своеобразных связей между словами как элементами этой системы, а именно: **грамматических, этимологических, тематических, стилистических, омонимических, антонимических, синонимических, ассоциативных**. Связи могут быть далекими и близкими, непосредственными и опосредствованными, могут иметь различную степень обусловленности.

Вопрос о близости значений слов тесно связан с проблемой синонимии. Очень долгое время синонимы трактовались как слова, близкие по значению, а критерием синонимичности была возможность замены одного слова другим. Степень близости значений слов-синонимов определена не была. Если человек хочет быть убедительным — он учитывает правила построения контекста и особенности стилей речи. Повседневным стилем разговорной речи является разговорно-бытовой. Он отличается непринужденностью, обычностью, свободно допускает любые слова и выражения, но не терпит специального и обильного речевого украшения. Точность, простота, краткость — его достоинства. Отклонение от общей обыденности порождает особенности индивидуального стиля речи — стиль говорящего.

Литература:

1. Кодухов В.И. Рассказы о синонимах. 2-е издание, переработанное и дополненное. — М., Просвещение, 1984. — 144 с.
2. Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 688 с.
3. Гольцова Н. Русский язык: Трудные вопросы морфологии. — М., Просвещение, 2005.-84 с.
4. Чепасова А.М. Категория залога и возвратности русских процессуальных единиц: Монография. Челябинск, 2006. — 148 с.

Примеры агрессивного вербального и невербального общения на материале английской литературы

Ишметов Александр Геннадьевич, магистрант

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Вербальная и невербальная агрессия является одним из наиболее выразительных и интересных с точки зрения языка и речи проявлений эмоций человека. Представляя собой способ социального взаимодействия индивидов, исследуемый вид эмоционального реагирования, безусловно, предполагает конфликт его участников. Обращение к вопросу взаимодействия людей в обществе приводит к необходимости указания на такую важную его составляющую, как коммуникация, в которой наиболее ярко проявляются агрессивные реакции говорящих. Более того, негативные эмоции провоцируют определенное коммуникативное поведение индивида, реализуются через конкретные вербальные и невербальные агрессивные действия в процессе агрессивного общения. Следовательно, вербальная и невербальная агрессивная коммуникация характеризуется наличием определенных компонентов, составляющих структуру коммуникации в целом.

Для выделения основных компонентов агрессивной вербальной и невербальной коммуникации необходимо обратиться к основным компонентам коммуникации. Коммуникация представляется как сложно организованная структура, в которой необходимо выделение таких компонентов, как мотивы и стимулы общения, взаимоотношения и взаимодействие коммуникантов, социальные роли общающихся, сферы и ситуации общения как формы его функционирования, социальные нормы и конвенции, речевые стратегии, типы речевых действий, коммуникативные намерения общающихся и др. [10; 15–25] При этом мы полагаем, что агрессивная направленность вербальной и невербальной коммуникации определяет характер преимущественного большинства компонентов ее структуры.

Агрессивная коммуникативная ситуация порождает высказывание и является следствием событийно-денотативной ситуации. В качестве компонентов событийно-денотативной ситуации Н.И. Формановская выделяет гово-

рящего и его адресата, мотивы и цели общения, интенции адресата, его оценки, эмоции, отношение к действительности, содержанию сообщения и адресату, выбор оптимальных средств сообщения, место и время общения и т.п. [10; 27–28] Очевидно, что агрессивной коммуникации, имеющей в своей структуре определенные компоненты, как правило, сопутствуют негативные эмоции говорящих, что приводит к возможности ее отнесения к модели дискомфорта-психологического общения. [8; 321–324]

Отметим, что в основе любого акта коммуникации лежат мотив (как побудительная причина) и цель (стремление к достижению результата сообщения), которые определяют намерение говорящего (интенцию). По замечанию И.Л. Зимней «речевая деятельность является ничем иным как выражением коммуникативного намерения, которое наряду с предметным содержанием обязательно присутствует в общении». [4; 68–70] В агрессивном акте коммуникации, мотивируемом эмоциями триады враждебности (гневом, отвращением и презрением), в качестве цели можно выделить стремление оскорбить, уничтожить адресата, подчинить его своей воле, подавить и т.п.

Однако цель и мотив не являются единственно важными составляющими агрессивного акта коммуникации, значительная роль также отводится психосоциальному контексту, который предполагает учет социальных ролей коммуникантов, эмоциональной составляющей говорящих и влияния окружающей среды. [8; 325–326]

В акте коммуникации преобладающее влияние на ход агрессивного вербального и невербального общения оказывают говорящий (адресант) и слушающий (адресат), которые определяют эмоциональный настрой коммуникации, преобладание соответствующей эмоции агрессивного характера. В ходе агрессивного коммуникативного акта говорящий является ведущим в принятии решений, обладает большим коммуникативным весом, определяет

тому, стратегии и тактики агрессивного воздействия на адресата. [8; 327–328] Однако адресату также принадлежит значительная роль, которая заключается в поддержании или нейтрализации агрессивной составляющей общения. [10; 26–29] Как мы полагаем, роль адресанта и адресата в формировании эмоционального содержания коммуникативной ситуации связана с человеческим фактором, под которым в данном контексте понимается невозможность представления человека, не испытывающего эмоции. Следовательно, агрессивные эмоции коммуникантов представляются как факторы, управляющие адресантом и адресатом, которые в свою очередь, выражая агрессию или осознанно контролируя ее, формируют, поддерживают, или нейтрализуют агрессивность коммуникативной ситуации.

Помимо эмоциональной составляющей говорящих продуцирование агрессивного высказывания и декодирование его смыслов находится в непосредственной зависимости от социальных признаков носителей языка. Для коммуникантов характерно наличие как постоянных, так и переменных социальных признаков. [1; 10–15] К числу постоянных признаков А.Н. Баранов относит биологический пол, возраст, место рождения и воспитания, степень образованности, профессиональную принадлежность говорящих. Переменные социальные роли неоднократно меняются на протяжении жизни человека и складываются из позиции, которую человек занимает в обществе, функции этой позиции, а также нормативного образца поведения. Однако, принимая во внимание характерные различия постоянных и переменных социальных признаков, мы предполагаем, что все они в совокупности определяют агрессивные стратегии коммуникантов, что находит свое отражение в выборе языковых и речевых средств агрессивного воздействия. Например,

Liza (looking fiercely round at him). I wouldn't marry you if you asked me; and you're nearer my age than what he is.

Higgins (gently). Than he is: not «than what he is.»

Liza (losing her temper and rising). I'll talk as I like. You're not my teacher now. [12; 35–39]

Так данный текстовый фрагмент иллюстрирует агрессивное неформальное общение говорящих. Исходя из содержания реплик коммуникантов, очевидно, что агрессивность задается героиней, которая испытывает эмоцию злобы по отношению к герою. В данном примере злоба находит выражение в реплике «I'll talk as I like. You're not my teacher now», в которой имплицитно выражено нежелание героини подчиняться правилам, устанавливаемым героем. Отметим, что данная реплика звучит, как протест, о чем свидетельствует наличие сравнения «as I like», где имеет место логическое акцентирование лексемы I. Иными словами, очевидно, что героиня противопоставляет себя, а в частности, способ своего коммуникативного поведения тому, который навязывается ей собеседником (I ≠ you).

Более того, имплицитная грубость речи героини, а также ее лексико-грамматическая (стилистическая) оформленность продиктованы совокупностью ее посто-

янных и переменных социальных признаков. Так анализ речи говорящей позволяет выделить в числе постоянных признаков ее принадлежность женскому полу, а также недостаточно высокий уровень образованности (you're nearer my age than what he is). Исходя из имплицитного в речи говорящей нежелания подчиняться, очевидно, что она находится в позиции «подчиненной» второму коммуниканту. Следовательно, переменным социальным признаком героини является положение подчинения.

Интересно также заметить, что речь говорящей представляется нам в достаточной степени грамотной за исключением фразы «you're nearer my age than what he is», которая является своего рода отголоском былой неграмотности героини. Поэтому, данный признак (степень грамотности) рассматривается нами как переменный, приобретенный коммуникантом в процессе обучения.

С другой стороны, обращение к структуре высказывания героя позволяет сделать вывод о наличии у него такого постоянного признака, как высокая степень образованности, и переменного признака — более высокого по отношению к героине положения. Данные выводы мы делаем исходя из содержательной стороны его высказывания, а именно исправления ошибки в речи говорящей — Than he is: not «than what he is».

Таким образом, проанализированный текстовый фрагмент свидетельствует о том, что коммуникативные стратегии говорящих, выбор ими языковых и речевых средств, в определенной мере продиктованы совокупностью постоянных и переменных социальных признаков коммуникантов.

Исходя из занимаемых говорящими социальных и психологических ролей, среди агрессивных коммуникативных ситуаций мы считаем возможным выделить трех групп, в которых:

1) адресант осуществляет роль вышестоящего, адресат — подчиненного:

The Boss looked across the desk at me as I walked in, and said, «God damn it, so the bastard crawled out on me.»

I didn't say anything. «I didn't tell you to scare him to death, I just told you to scare him.»

«He wasn't scared,» I said. [9; 323–325]

2) адресант и адресат выполняют равнозначные роли:

«Alan, it was murder. I killed him. You don't know what he had made me suffer...»

«Murder! Good God, Dorian, is that what you have come to?...» [13; 227–228]

3) адресант осуществляет роль подчиненного, адресат — вышестоящего:

«Suppose he won't open up?»

«He will,» the Boss said. «But if he won't you make him. What the hell do I pay you for?» [9; 55–56]

На наш взгляд, именно занимаемая агрессивно настроенным говорящим роль определяет характер используемых вербальных и невербальных средств достижения необходимого результата. Поэтому, вступая в процесс агрессивной коммуникации, говорящий стремится прос-

читать социальные, а также психологические признаки адресата и действовать в соответствии с планом по достижению необходимого коммуникативного результата — оскорбить, унижить, причинить адресату вред и т.п.

Итак, исходя из сказанного выше, агрессивный характер вербальной и невербальной коммуникации определяется мотивами и целями, которые ставят перед собой говорящие, а также их психологическими и социальными ролями, что находит отражение в действиях агрессивно настроенных коммуникантов. Учет каждого из обозначенных компонентов агрессивной вербальной и невербальной коммуникации, а также результата, достигаемого говорящими в процессе агрессивной коммуникации, имеет существенное значение при описании агрессивных коммуникативных ситуаций.

Отнесение агрессивной коммуникации к дискомфортно-психологическому общению позволяет установить ее непосредственную связь с конфликтом. В действительности, агрессия представляется как возможная составляющая конфликта и может проявляться как в виде спонтанной, так и плохо управляемой агрессии. Кроме того, агрессивные действия характеризуются определенной ритуальностью [7; 7–8], что позволяет сделать вывод о наличии закономерностей развития агрессивного конфликтного общения, в котором речевое взаимодействие коммуникантов осуществляется по определенным моделям. Обращение к структуре конфликта позволяет выделить в нем конфликтную ситуацию и повод. При этом расценивание ситуации как конфликтной должно сопровождаться осознанием этого факта ее участниками.

— «After all,» said Charles, «why shouldn't Aunt Jenifer know Ronnie Garfield and ask him to tea?»

— «Why should she?» said Emily.

— «Why shouldn't she?» [11; 281–283]

В указанном отрывке очевиден конфликт между говорящими, основанный на различии их точек зрения. На агрессивность коммуникативной ситуации указывает лексико-синтаксический повтор *why shouldn't*, а также вопросно-вопросная структура построения диалога, что свидетельствует о стремлении каждого из коммуникантов спровоцировать негативные эмоции собеседника и таким образом поддержать конфликт.

Данный отрывок из художественной литературы иллюстрирует вербальные и невербальные агрессивные проявления коммуникантов. Очевидно, что агрессия в данном случае приводит к конфликту участников общения. При этом здесь наблюдается четкое выделение конфликтной ситуации и повода. Более того, являясь участниками кон-

фликтной ситуации, говорящие явно осознают этот факт, о чем свидетельствуют их вербальные и невербальные стимулы и реакции. Отметим также отсутствие стремления говорящих нейтрализовать конфликт, напротив, адресат в данном случае поддерживает агрессивный ход коммуникации. Иными словами представленная коммуникативная ситуация характеризуется нетерпимостью партнера, за которой следует своего рода «наказание» путем ответных словесных реакций, стимулирующих конфликт.

В целом с нашей точки зрения все случаи проявления речевой агрессии приводят говорящих к конфронтации. По замечанию Л.П. Крысина современное речевое поведение характеризуется высоким уровнем агрессивности, которая проявляется в использовании жанра речевой инвективы (средства негативной оценки как поведения так и личности адресата). [5; 385–386] Следовательно, осознание коммуникации как агрессивной связано с наличием в высказываниях говорящих оценочного компонента. При этом речевая агрессия не ограничивается употреблением грубых слов и жаргона, негативная оценка также слита с интенсивностью ее выражения, грубостью слов (лексический компонент), громкостью и резкостью голоса, интонацией. [3; 197–198] Более того, навязывание адресантом своего коммуникативного поведения, неумение слушать также свидетельствует об агрессивности речи субъекта.

Таким образом, в рамках данной статьи уточнены основные компоненты агрессивной вербальной и невербальной коммуникации, к которым мы отнесли мотив, цель, а также психологические и социальные роли, действия коммуникантов. При этом, безусловно, средства и процесс диктуются в агрессивной коммуникативной ситуации мотивом и целью, которую ставят перед собой участники общения. Поскольку действующими лицами в ходе агрессивной коммуникативной ситуации являются адресант и адресат, эмоциональная направленность общения, выбор средств, необходимых для достижения определенного результата, а также реализация процесса агрессивного взаимодействия определяется преимущественно психологическими характеристиками коммуникантов, а также их социальными ролями. Иными словами, вербальная и невербальная агрессивная деятельность индивидов в процессе общения является следствием занимаемых ими коммуникативных ролей. Более того, общение агрессивно настроенных говорящих, безусловно, предполагает конфликт собеседников, что позволяет охарактеризовать такого рода коммуникацию как дискомфортно-психологическую.

Литература:

1. Баранов А.Н. Социальный статус человека в лингвистическом аспекте // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. — М., 1992.
2. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. — М.: Наука, 1993. — 171 с.
3. Головинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–217.

4. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. — М.: Изд-во «Просвещение», 1985. — 160 с.
5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца 20 столетия (1985–1995). — М., 1996.
6. Купина Н.А. Просторечная семейная культура: лингвокультурологический очерк // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Под ред. Проф. М.А. Кормилицыной. — Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2003. — Выпуск 3. — С. 12–14.
7. Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии. — 1992. — №3. — С. 5–39.
8. Романов А.А. Общая модель диалогической интеракции и ее разновидности // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее: Сборник научных статей. — Тверь: Изд-во «Золотая буква», 2002. — С. 321–330.
9. Уоррен Р.П. Вся королевская рать. Роман (На английском языке). — М.: «Прогресс», 1979. — 448 с.
10. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет: Научно-популярное издание. — М.: Изд-во ИКАР, 2002. — С. 15–233.
11. Christie A. The Sittaford Mystery. — Спб.: КАРО, 2007. — 368 с.
12. Shaw G.B. Pygmalion. — М.: Глосса, 2001. — 224 с.
13. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. — М.: «Менеджер», 2002. — 304 с.

Педагогический дискурс: аксиологический стереотип и лингвокреативная практика учителя

Кондрашина Анна Александровна, аспирант
Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Привлечь внимание своего слушателя, собеседника, читателя, зрителя — цель любой коммуникации. Для достижения максимального эффекта адресант использует разнообразную палитру средств, одним из которых в последнее время стала лингвокреативная деятельность. Так, Ремчукова Е.Н. отмечает: «Современные медиатексты, конкурирующие между собой в борьбе за внимание адресата, достаточно изобретательны в создании лингвокреативных феноменов, что обусловлено необходимостью постоянного поиска экспрессивных, эмоциональных и образных средств. Выполнение главной коммуникативной задачи — информировать «читателя-потребителя», осложняется необходимостью воздействовать на него: журналисты и копирайтеры ищут такие средства выражения, которые обеспечивали бы информационную и эмоционально-экспрессивную насыщенность медиа-текстов. Именно этим объясняется увлечение их авторов языковой игрой, неологизмами и окказионализмами, стилистическим разнообразием, трансформацией фразеологизмов, иноязычными вкраплениями разной степени адаптированности, прецедентными феноменами — тем, что сегодня определяет лингвистические пристрастия СМИ» [4, с. 451].

Речтворчество раскрывает креативный потенциал языка и тем самым демонстрирует возможность выйти за пределы узуальных рамок, отойти от языковых стереотипов. «Творческую личность в рамки стандартов не загнать, это не рабочая лошадка, а дикий скакун, которому нужна воля для разбега» [1].

Однако есть ситуации, вскрывающие ряд противоречий между творчеством и стереотипностью. В подтверждение сказанного можно рассмотреть коммуникативную деятельность учителя в рамках педагогического дискурса.

Каковы основные особенности данного типа дискурса? Они естественным образом появляются вследствие жёстко регламентированного характера данного типа коммуникации. Существующие в науке исследования можно резюмировать следующим образом: «Цель педагогического дискурса — социализация нового члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов)... Стратегии педагогического дискурса состоят из коммуникативных интенций, конкретизирующих основную цель социализации человека — превратить человека в члена общества, разделяющего систему ценностей, знаний и мнений, норм и правил поведения этого общества. Можно выделить следующие коммуникативные стратегии: объясняющую, оценивающую, контролирующую, содействующую, организующую» [2, с. 304]. К этому можно добавить, на наш взгляд, ещё одну существенную характеристику педагогического дискурса — его аксиологическую основу. Усвоение социальных норм происходит только на постоянном сопоставлении сказанного, сделанного с ценностной нормой, принятой в данном обществе. Поскольку учитель (адресат) призван быть «аксиологическим проводником»

для адресата (ученика), а их взаимодействие разворачивается «по поводу» разного рода ценностей, то можно говорить об аксиологической составляющей педагогического дискурса как о его характерной и, следовательно, неотъемлемой характеристике. Ситуация коммуникации учителя и ученика может носить статус аксиологической коммуникативной ситуации (АКС).

Регламентированный порядок дидактического взаимодействия во многом держится на языковых, «учительских», легко узнаваемых стереотипах («Дневник на стол», «Всё внимание на доску!», «Молодец, садись: «пять!»»). Тем не менее эта «схематичность» и предсказуемость педагогического дискурса, с одной стороны, ограничивает креативные функции языка, а с другой стороны, окказиональный характер употребления языковой единицы более рельефно выделяется именно на фоне педагогических стереотипов. Педагогический дискурс, таким образом, оказывается очень «чувствительным» к неузальному употреблению языковых единиц.

Мы полагаем, что в аксиологическую коммуникативную ситуацию урока органично входит, помимо традиционной речеактной модели, и такой структурный компонент, как тема урока, или аксиологический зачин (вступление), определяющий тематический вектор коммуникативного взаимодействия и облегчающий интерпретивную деятельность адресата.

Аксиологическое вступление содержит наименование базовой ценности (ценностей), определяющей тематические рамки текущей коммуникации. Традиционно аксиологическое вступление представляет собой односоставное безадресное назывное предложение («Правописание приставок пре-/при-», «Природа и человек в поэзии Ф.И. Тютчева», «Атмосферное давление», «Плоды. Распространение плодов и семян» и т.п.). Но среди привычных формулировок встречаются интересные факты речетворчества.

Обратимся к результатам наблюдений. Среди рассмотренных 2600 единиц аксиологических зачинов к коммуникативным ситуациям уроков русского языка [5] за период 2009–2011 гг. только 109 отличаются нестандартной формой подачи информации. При этом лишь 60 из них не имеют повторов (например, такие варианты как: «Драма в Морфемии», «Восхождение на вершину Фразеологии», «Вселенная в алфавите», «Как живёшь, наречие?», «Дружим с союзами»).

Среди оставшихся 49 единиц наблюдается тенденция к стереотипизации подачи аксиологической информации, при этом в определении стереотипа мы придерживаемся мнения П.А. Клубкова, который считает, что это «стандартное понимание данного языкового выражения, включающее в себя весь набор актуальных для говорящих коннотаций» [3, с. 224]. Среди аксиологических стереотипов в исследованном материале можно обозначить как наиболее частотные следующие тематические группы:

1. «В стране/мире...»
2. «В гостях...»

3. «Путешествие/экспедиция, экскурсия (в, на, по)...»

На наш взгляд, представляется возможным выделить также основные способы реализации игровых стратегий в аксиологических зачинах педагогического дискурса:

олицетворение языковых понятий, представленное посредством окказиональной лексической интеграции имён прилагательных, существительных, наречий, традиционно употребляющихся с именами существительными, обозначающими одушевлённые субъекты или жизненные реалии человека, с названиями частей речи: «**Весёлая** фразеология/грамматика», «Слова-**близнецы**», «Лингвистический **портрет** слова», «**Биография** одного слова», «**В гостях** у Глагола **Глаголыча**/ у **дядюшки** Глагола», «Лингвистический **кросс**», «Как **договорились между собой** гласные О и Е в сложных словах?»;

- намеренное использование прописной буквы (искусственное введение категории в ряд собственных имён существительных): «В музее Лингвистики», «Праздник Слова», «В гостях у Словарей» (последняя единица имеет вариант ««В гостях у словарей»»);

- образование собственных имён существительных от названий частей речи, лингвистических терминов и понятий: Запятыйкин, Глагол Глаголыч (ср. разг. Иваныч, Степаныч);

- образование собственных имён существительных способом записи слова наоборот по модели палиндрома: «Тайны страны **Акитаммарг (=грамматика)**»;

- образование названий псевдогеографических объектов: Глаголия, Морфемия (ср. Монголия, Англия), Словотворск (ср. Солнечногорск);

- употребление имён существительных с предлогами «в стране», «в мире», «город» (реже «царство», «княжество», «остров») с названиями частей речи, разделов языкознания: «Винни Пух и его друзья в стране Русский язык», «В волшебном мире слов», «Экспедиция в страну чисел», «В стране изученных деепричастий», «В мире сложных предложений и их разновидностей», «В гостях у Слова», «В гостях у звуков речи», «Город Глагола»;

- употребление имени существительного «путешествие»/ «экскурсия»/ «экспедиция» с названиями частей речи, разделов языкознания, терминов: «Путешествие в страну Грамматики», «Путешествие в Математику с Лингвистикой», «Путешествие по архипелагу Предложение», «Путешествие в замок Местоимений», «Экспедиция в страну чисел», «Экскурсия в Княжество Имени Существительного»;

- употребление существительного со значением «звание, титул»/географический объект и названия части речи с нарушением грамматической нормы в согласовании категории рода: «Царевна Прилагательное» (ж.р. + ср. р.).

Итак, как видим из приведённых примеров, жёстко регламентированный педагогический дискурс содержит далеко не единичные факты речетворчества, креативной языковой деятельности адресанта, реализующей ин-

тенцию привлечения внимания для дальнейшего моделирования аксиологической коммуникативной ситуации. Однако имеющиеся в языке факты свидетельствуют о репрезентации псевдонаучной картины мира, а это, в свою очередь, противоречит основной цели педагогического дискурса — объяснение устройства мира на основе принципа научности. Кроме того выход за узуальные рамки словоупотребления может стать причиной затруднения интерпретационной деятельности адресата, так как его фоновые знания о том, что, например, глагол — это самостоятельная часть речи, обладающая набором грамматических признаков, не соответствует утверждению «глагол — это дядюшка, к которому можно отправиться в гости». То есть в подобных ситуациях наблюдаются некоторые сбои в формировании пресуппозиции как предварительного знания, дающего возможность адекватно воспринять информацию. Так, по данным, «Русского ассоциативного словаря», в возрастной группе от 10 до 17 лет присутствуют такие, реакции на стимул «глагол»: часть речи — 9, существительное — 4, слово — 3, гол — 1, действие — 1, ехать — 1, жечь — 1, искать — 1, нарежьте — 1, неграмотность — 1, полоса — 1, речь — 1, связка — 1,

сказуемое — 1, сложный — 1, стучать — 1. Лингвокреативная практика предлагает такие стереотипные данные о глаголе: «Город Глагола», «В гостях у Глагол Глаголыча», «В гостях у дядюшки Глагола», «Путешествие по стране Глаголия», «Чудодейственная сила Глагола», «Глагол, он действовать привык!», «Похвальное слово Глаголу». Актуализируется значение «субъект или географический объект, обладающий сверхъестественными характеристиками».

Таким образом, отличительные, специфические признаки педагогического дискурса позволяют наблюдать интересное явление функционирования аксиологических стереотипов в лингвокреативном пространстве. Чтобы смотивировать слушателя и потенциального собеседника адресант выходит за границы обыденного, демонстрируя способы эксперимента с языком, и... попадает в мир «удивительного, сказочного, нереального» (остаётся ли он тогда в научном поле?). При этом утверждение о единичности творчества, его неповторимости переходит в ряд полемичных: «Творческую личность в рамки стандартов не загнать, это не рабочая лошадка, а дикий скакун, которому нужна воля для разбега»?

Литература:

1. Дуварова А. <http://www.aphorism.ru>
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002
3. Клубков П.А. Что у голодного на языке? // Славянские чтения. Вып. I. Даугавпилс-Резекне, 2000.
4. Ремчукова Е.Н. Некоторые коммуникативные и стилистические особенности креативных феноменов в СМИ // ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE Nr., Mokslinių straipsnių rinkinys, Kaunas, 2010. №6. (Периодическое издание научных статей: Кафедра иностранных языков Каунасского гуманитарного факультета Вильнюсского университета, Каунас, 2010. №6).
5. <http://festival.1september.ru>
6. <http://thesaurus.ru>

Якутская народная таксономия животного мира

Куприянова Елена Степановна, младший научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск)

Уже в древности по воззрениям каждого народа мир фауны членился на классы животных, и критерии этого членения отличались от научных. Якутская народная таксономия фауны мира, если и существовала как система, то к настоящему времени сохранилась в виде фрагментов.

Судя по сохранившимся в якутской бытовой речи собирательным зоонимам, в традиционном мировоззрении якутов различались следующие «классы» животных:

көтөрдөр (ед.ч. көтөр) ‘летающие’ — птицы;

кыыллар (ед.ч. кыыл), түөрт атахтаахтар, сүүрэр кыыллар — звери, дикие животные, букв. ‘четвероногие’, ‘бегающие звери’;

балыктар (ед.ч. балык) — рыбы;

үөн-көйүүр — змеи, червяки, гусеницы;

сүөһү — домашние животные, скот (лошади и рогатый скот)

Анализ материала привел к выводу, что классы *көтөрдөр*, *балыктар*, *кыыллар*, *сүөһү* выделяются достаточно отчетливо, образуя замкнутую группу. В основе их выделения лежали два критерия:

Набор морфологических признаков, отличающих данную группу животных от всех остальных, по способу передвижения и количеству конечностей. Эти признаки были выявлены народом в процессе эмпирического познания природы и хозяйственной деятельности. Но при этом, как полагают исследователи, любое явление, от-

меченное в традиционном мировоззрении, обладало как реальным, так и символическим смыслом. «Двойную» природу имели как классы животных в целом, так и их анатомические признаки. Например, характерные изображения птиц использовались в шаманской практике, звериные шкуры, части тела — как оберег и т.д.

Сфера обитания животного. Второй критерий определялся понятиями «обычный» или «постоянный», поскольку некоторые животные на какое-то время могли изменить свое место обитания. Подобные ситуации наполнялись мифологическим содержанием. Каждый локус в народных представлениях также обладал не только реальным, но и символическими свойствами. Например, для неба, в котором летали птицы, важнейшими были признаки «чистота», «легкость», «божественная сущность»; для воды — месте обитания рыб — хаос, «смерть» и т.д. Эти свойства нередко переносились и на соответствующие зоологические классы или на их характерных представителей.

С определением принципов классификации других классов сложнее.

Источниками формирования народной таксономии на классы животных были не только накопленные эмпирическим путем наблюдения за природными явлениями.

Опишем основные классы животных по характерным признакам.

Көтөрдөр 'летающие' (птицы) связаны с небом, **Үөһэ** дойду 'Верхним миром'. Основные их внешние признаки, отличающие от других групп: покрытое пухом и перьями небольшое тело, клюв, крылья. Наличие этих признаков выразилось в якутской лексике: тумус — клюв, **кынат** — крыло, **түү** — пух. В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского зафиксировано слово **дабыдаллаах** для номинации птиц. В частности, лексема «**дабыдал**=**табытал** — 1) кости предплечья у птиц (папороть); **дабыдал тимир** налокотник [шаманского плаща]; 2) длинные полоски листового железа, с продольным прорезом, на рукавах шаманского плаща» [1, стлб. 660].

В современном якутском языке **дабыдал** становится полисемантическим, обозначает и предплечье человека, и грубую сорную траву, растущую на влажной кочковатой местности [2, с. 75]. Выражение **күөх дабыдал аста** переводится на русский язык как 'опериться, покрыться оперением (о птенцах)' [там же, с. 75].

Важным «птичьим» признаком является особое издание звуков. Многие виды птиц у якутов описываются в терминах, отмечающих звукоподражательный признак, например: **туруйа** 'журавль', **кэзэ** 'кукушка', **хабды** 'куропатка'.

Некоторые номинации птиц пришли в якутский язык из эвенкийского практически в неизменном виде. Многие древние обряды, связанные с этими представителями фауны, также были переняты у палеоазиатов. Например, когда освежевывают тушу медведя, принято говорить: «Это не мы тебя трогаем, а вороны клюют». А когда варят мясо медведя, кричат по-вороньи «**хах-хух**» [3, с. 110].

Известный тунгусовед Г.М. Василевич писала об этом охотничьем обряде: «Уподобление воронам с целью обмануть медведя свидетельствует о появлении этого обряда в период жизни древних тунгусов по соседству с сибирскими предками современных северо-восточных палеоазиатов, имевших культ ворона» [3, с. 237–238].

Древние якуты боялись, считали ворона зловещей птицей. В олонхо о нем сказывают [4, с. 216]:

Аллараа сирдээх,
Арҕаа дайдылаах,
Аап күдэн тыыннаах,
Алдьархай бөһө атамаана,
Өһөгөйдөөх үтүгэт бөбө
Өһө санаалаах,
Өлүү дьүкүүр суор кыыла.

Имеющий нижнюю землю,
Западную родину.
Имеющий дыханием колдовской туман,
Горя-несчастья атаман,
Имеющий злые намерения
Смертоносный непреклонный ворон.

Орнитонимы **суор** 'ворон' и **тураах** 'ворона' являются заимствованными из эвенкийского языка **соор** [5, с. 363] и **тураакии** [6, с. 624]. В эвенкийском языке слово тураакии означает 'ворона'. Связь птицы с земной стихией подчеркивает корень **тур** 'земля' [5, с. 402], являющийся также и частью фитонима **тураакии тэвуктэн** 'воронья ягода'. Лексема **туран** в эвенкийском языке обозначает и месяц апрель, и период прилета ворон [5, с. 402]. Якутский аффикс —аах адаптировал заимствованное слово.

Кыыллар (звери, дикие животные). Этим словом обозначались дикие млекопитающие, обитатели леса. Основные внешние признаки диких зверей, также как и птиц, выражены в лексике. В отличие от других представителей фауны акцент делается на количестве конечностей (**түөрт атахтаах** 'четвероногие') и способе передвижения **сүүрэр кыыллар** букв. 'бегающие звери'.

Балыктар 'рыбы' — класс с особым набором морфологических признаков, важнейшие из которых нашли отражение в якутской лексике: **хатырык** 'чешуя', **искэх** 'рыбья икра', **хабах** 'жабры', и с единственным локусом обитания — водой.

Үөн-койүүр — змеи, гусеницы, червяки. Такой видовой состав класса свидетельствует о том, что критерием его выделения явился наиболее заметный внешний признак его представителей — длинное в виде веревки туловище. Самые яркие представители этого класса — змея, уж, паук и др.

В якутской зоологической классификации удалось обнаружить и другие небольшие группы животных, разделяющие, как и «змееобразные», характеристики двух стихий — земли и воды, но у которых, собирательные термины отсутствуют. Условно назовем их «мышеобразные»

и «земноводные». Лексический анализ позволил определить основных представителей группы «мышеобразных»: *кутуйах* ‘мышь’, *дыбарааскы* ‘землеройка’ и др. К земноводным относятся *бага* ‘лягушка’ и *буор ба-лыга* ‘тритон’.

Насекомые — класс, отличительный внешний признак которого — ничтожные размеры. Особенностью этого класса является также многообразие сфер и форм обитания. На земле проживают *кымырдагас* ‘муравьи’, *аһыца* ‘кузнечики’, *оогуй огус* ‘паук’, в воде — водомер, в доме — клопы и тараканы и т.д. Тем не менее, этот класс обнаруживает достаточно расплывчатую границу со «змеобразными». Это отчасти понятно: многие насекомые за свой жизненный цикл могут пребывать как в образе пресмыкающегося, так и летающего насекомого, например, моль, бабочка, муравей.

Характерная черта насекомых — символическое уподобление представителям других классов. Эти представления можно обнаружить в якутских зоонимах, поговорах и поверьях, например: *оогуй огус* ‘паук’ — бык, птица — бабочка и т.д. Отрицательное коннотативное значение зоонима *паук* в якутском языке можно обнаружить во фразеологизмах: «*оогуй муца* — муки ада. Букв. муки паука. <...> *Оогуй огус бадаранньыр* — очень болотистый, топкий (о бездонной трясине). Букв. [место], где даже паук увязает» [7, с. 48]. Чаще всего образ паука встречается в эпических описаниях Нижнего мира, где обитают злые духи, досаждающие людям. С этим мифологическим локусом в якутской культуре связан также образ быка — символа долгой зимы со свирепствующими морозами.

Лексический материал показывает, что основной состав класса домашних животных у якутов, включающий лошадей и коров, сложился еще в период существования тюрко-монгольской общности.

Представители класса *сүһү* ‘скот’ наделены примерно тем же комплексом внешних морфологических признаков, что и класс зверей.

Классы диких зверей и домашних животных занимали определенное положение в системе пространственных координат. Закрытое место рогатого скота — хотон — входит в культурное пространство людей (*алаас, алаһа дыэ*).

Литература:

1. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. — М.-Л.: Наука, 1959. — Т.1. — С.
2. Толковый словарь якутского языка. — Новосибирск: Наука, 2009. — Т.3. — С.
3. Багдарыын Сүлбэ. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. — Якутск: Книжное изд-во, 1982. — 231 с.
4. Бүдүрүйбэт Мүлдү Бөбө (Неспотыкающийся Мюльдью Сильный): Олонхо / Записано от Говорова Д.М. — М.; Якутск, 1938. — 495 с.
5. Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г.М. Василевич. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. — 802 с.
6. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. — Новосибирск: Наука, 2004. — 560 с.
7. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. — Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. — Т.2. — 420 с.

В мифологии древних якутов рогатый скот (*оҕус* ‘бык’) соотносился с зимним периодом, конь — с летним. Об этом свидетельствует этимологический миф о том, почему зима длится дольше лета.

Границы некоторых рассмотренных выше классов животных определяли и существующие у якутов верования об иччи ‘духах-хозяевах’ или покровителях, разделяющих животный мир на сферы влияния. Властелином и покровителем диких зверей был хозяин леса *Баай Байанай*. Покровителем лошадей — *Дьөһөгөй тойон*, рогатого скота — божество, имеющее женское обличье *Айыыһым*. Духи леса и воды иногда принимали облик тех животных, которым они покровительствовали.

В якутской классификации животного мира отмечаются следы иерархичности. В ней *иччи* ‘духи-покровители’ занимают более высокие места по сравнению с животными. В то же время среди животных выделяются существа более высокого ранга, например, медведь, название которого буквально значит «дедушка».

Не менее важным в якутской классификации было деление внутри родов. Исходя из народных суждений, животные могли быть почитаемыми (к примеру, тотемы) или нечистыми, связанными с *абааһы* ‘злыми духами’. Под почитаемыми животными в первую очередь понимались полезные и безвредные. Нечистыми животными были те, которые приносили вред человеку. Среди почитаемых — птицы, которые в родовом обществе были тотемами — покровителями некоторых родов. На представления, связанные с этой группой, явно оказало влияние распространное до сих пор среди якутов язычество. Важным критерием разделения животных являлась съедобность. Соответственно этому критерию животные у якутов делились на съедобных и несъедобных. Пищевой запрет зависел от разных факторов: вкусовых качеств мяса животных и тотемистических воззрений.

Якутская народная классификация строилась на мифологических (языческих) и христианских основах, а также народных естественнонаучных знаниях. В целом, различия между научной и народной классификациями выглядят достаточно существенными: в первую очередь, — в количестве зоономинаций (крупных и мелких), в классификационных единицах, в признаках животных и т.д.

Неологизмы в юкагирском языке

Лебедева Пелагея Александровна, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (г. Якутск)

Научный руководитель – Атласова Элида Спиридоновна, кандидат филологических наук, доцент

Неологизм в русском языке является звеном в цепочке языковых новообразований: «потенциальное слово — окказионализм — неологизм». Будучи полностью усвоенными языком, неологизмы перестают быть неологизмами, становясь обычными словами основного запаса языка.

Способы создания неологизмов:

- словообразовательная деривация — образование новых слов из существующих в языке морфем по известным (обычно продуктивным) моделям, то есть по образцу уже существующих в языке слов, например: «зеленокудрый» (Н. В. Гоголь), «громадьё», «молоткастый» (В. В. Маяковский) и др.;

- семантическая деривация — развитие в уже существующем слове нового, вторичного значения на основе сходства вновь обозначаемого явления с явлением уже известным;

- заимствование слов из других языков.

Неологизмы (от др. греч. «новый», «речь», «слово») — слово значение слова или словосочетание, недавно появившееся в языке (новообразованное, отсутствовавшее ранее). Свежесть и необычность такого слова или словосочетания ясно ощущается носителями данного языка.

Новые слова, которые появляются в языке для обозначения новых вещей и понятий (в связи с развитием науки, техники, культуры и других сторон социальной жизни общества) принято называть собственно лексическими неологизмами.

В юкагирском языке существует два способа новообразования:

Литература:

1. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М., 1973.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
3. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык. Якутск. 2007.

1. Путем взаимодействия готовых слов из других языков

2. Путем создания

2 тип среди нового образования данного типа выделяются на 2 группы.

1) Образованный, путем словосочетания, например:

Ньаачэйуонни — зеркало

(*ньаачэ* — лицо, *йуо* — видеть)

Ньаачэлилийэ — полотенце

(*ньаачэ* — лицо, *лилийэ* — вытирать)

2) Образованный, аффиксальным путем, например:

Лободьяанубэ — умывальник

(*Лободьэ* — мыться)

Лэвдиэнубэ — столовая

(*лэвдэ* — кушать)

Ураанубэ — школа

(*Ураа* — учиться, обучать)

Пугулэришбэ — котельная

(*пугулэ* — согреть)

Таким образом, неологизмы в юкагирском языке в последние десятилетия заметно увеличились, это происходит не только за счет образования новых наименований словообразований, но и за счет изменения значения старых слов употребляются в устной речи и в фольклорном произведении. К ним можно отнести слова:

Вадурчуорэги — заботится (старается делать что-либо)

Кичим — обучает (учить уму разуму).

Об особенностях образования формы множественного числа имен существительных в хлютском говоре лезгинского языка

Магомедрасулова Сефигат Магомедовна, старший преподаватель
Дагестанский государственный педагогический университет

В хлютском говоре имена существительные в единственном числе, как и в литературном языке и других локальных единицах, имеет нулевой показатель: кьет1им —

«пробор» — ср.лит., кьэч1эм —, билэг — «лодыжка» — лит. к1егьб —, мэ"шэри — «пила» — лит. мишэр и тд. Это явление характеризует и другие генетически родственные

языки дагестанской группы (аварский, даргинский и др.).

В описываемом нами говоре, подобно литературному языку, целый ряд отвлеченных слов употребляется только в единственном числе (Singulaja fantum): кын «клятва», ламыс «совесть» (лит. намус), михтаж «нужда», (лит. муьгътэж), муьгуьббATH «любовь» и др.; кроме тогг, в говоре представлено немало лексем, относящихся к Pluralja fantum (сова, которые употребляются только в форме множественного числа, например: асынар «побелка — лит. асунар, гIакунар «внешний вид, облик — акунар, гIалакыбар «способность — алакыунар, тхуьмэрар «ласки — тхуьмэр, чIихавр «крупа» — чIахар и др.

Множественное число имен существительных в говоре образуется от формы единственного числа посредством суффиксов множественности — ар, — аьр, — эр, — йар (граф. — яр, из которых — аьр в литературном языке не представлен.

Формант — ар в говоре и литературном языке выбирают многосложные имена с исходом на согласный, например:

Хлют.гов.	Лит.яз.	
къалатI-ар	гъалатI-ар	«ошибка»
кхэлам-ар	кхэлэм-ар	«капуста»
Кхитикх-ар	кхитикх-ар	«шишика»
къачагӀах-ар	къачагӀаг-ар	«разбойник»
къисматӀ-ар	къисмэтӀ-ар	«судьба»
суьлуьр-ар	сурлумпI-ар	«горло»

Помимо этого, формант множественности — ар получают односложные имена существительные с согласным исходом, имеющие в составе один из заднерядных согласных. Это объясняется тем, что в лезгинском языке в целом действует закон сингармонизма, согласно которому гласные аффиксов уподобляются гласным корня (основы). Приведем примеры:

Хлют.гов.	Лит.яз.	
гым-ар	гум-ар	«дым»
къул-ар	къул-ар	«очаг»
тым-ар	тум-ар	«хвост»
кIыр-ар	кIур-ар	«нога»
хыр-ар	хур-ар	«грудь»
чIыр	чIур-ар	«луг, пастбище»

В хлютском говоре формант — ар употребляется шире, чем в литературном языке. Так, в говоре односложные имена с согласным исходом, имеющие в основе один из переднерядных гласных, принимают показатель множественности — ар вместо — эр (граф. -ер) литературного языка, ср.:

Хлют.гов.	Лит.яз.	
гьуьл-ар	гьуьл-эр	«море»
чуйтӀ-ар	жуйтӀ-эр	«пара»
къаьл-ар	къэл-эр	«соль»
он-ар	ванн-эр	«голос»
кIир-ар	кIир-эр	«крюк, крючок»
пэл-ар	пэл-эр	«лоб»
хуьр-ар	хуьр-эр	«село»
хэцI-ар	гъецI-эр	«козленок»

Как видно из примеров, в говоре аффикс множественного числа — ар, в отличие от литературного языка, сингармонически не связан с вокалом основы. Это позволяет считать, что гармония гласных в лезгинском языке является более поздним (инновационным) явлением.

Формант — эр в говоре менее распространен. Посредством этого показателя в говоре форму плюралиса образуют моносложные имена с гласным переднего ряда, оканчивающиеся на согласный звук, ср.:

Хлют.гов.	Лит.яз.	
хил-эр	гъил-эр	«рука»
вэрг-эр	вэрг-эр	«крапива»
швэтӀв-эр	вэтI-эр	«комар»
пӀэш-эр	пэш-эр	«лист»
хуьчI-эр	гьуьч-эр	«моль»
цуйкӀв-эр	цӀуькв-эр	«цветок»

Аффикс — аьр, отсутствующий в литературном языке, в говоре функционирует вместо — эр в некоторых односложных лексемах, имеющих в качестве огласовки один из переднерядных гласных, например:

Хлют.гов.	Лит.яз.	
вэь-ар	вэь-эр	«трава»
къэв-эр	къэв-эр	«вторая жена (по отношению к первой)»
мэь-аьр	мэь-эр	«холод»
мэгъв-аьр	мэгъв-эр	«желудь»
къэпI-аьр	къэпI-эр	«люлька»
лэь-аьр	лэь-эр	«орел»
пэхь-аьр	пэхь-эр	«ворона»

Как в говоре, так и в литературном языке, формант — йар (граф.яр) характеризует слова с исходом на гласный или [й], например:

Хлют.гов.	Лит.яз.	
эви-йар	иви-йар	«кровь»
къыбы-йар	къубу-йар	«канавка»
кӀутIа-йар	кIутӀ-йар	«молоток»
къала-йар	къэлэ-йар	«крепость»
суьрнэ-йар	зуьрнэ-йар	«зурна»
сини-йар	сини-йар	«поднос»
пӀа-йар	пӀа-йар	«часть»

По мнению исследователей лезгинского языка, суффикс множественности — йар восходит к — ар [Услар 1896, Мейланова 1970].

По мнению У.А.Мейлановой, форманты множественного числа — ар, — эр в определенной период развития лезгинского языка выполняли функцию и словообразующего суффикса [2:105]. Показатель — ар в качестве словообразовательного суффикса для пралезгинского состояния выделяет М.Е. Алексеев [1:109].

В хлютском говоре и литературном языке единичные заимствованные из азербайджанского языка имена существительные, как и в языке-источнике, форму множественного числа образуют посредством — лар (-лер), например:

Хлют.гов.	Лит.яз.	
багъ-лар	багъ-лар	«сад»
дагъ-лар	дагъ-лар	«гора»
чһуъл-лэр	чһуъл-лэр	«поле»

Таким образом, в процессе образования формы множественного числа субстантивов в лезгинском языке наблю-

Литература:

1. Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. — Морфология. Синтаксис. — Москва, 1985.
2. Мейланова У.А. Гюнейский диалект — основа лезгинского литературного языка. — Махачкала, 1970.
3. Слар П.К. Кюринский язык. — Тбилиси, 1896

Ситуация стандартизации и её структура. Стандартизация как среда развития героя ролевой лирики

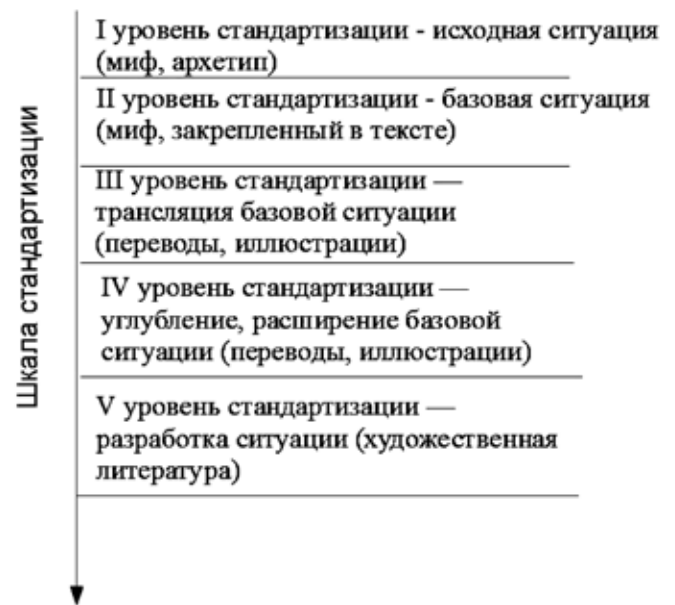
Мартьянов Евгений Юрьевич, студент
Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого

Ситуация стандартизации представляет собой устойчивую неизменяемую среду взаимодействия персонажа или ряда персонажей, которые выполняя ряд последовательных действий внутри ситуации, представляют собой устойчивый художественный образ, обладающий рядом отличительных особенностей, и являющийся валидным для включения его в структуру художественного произведения. В основе данного явления лежит механизм цикличности. Каждый раз, когда репрезентант (читатель, слушатель, зритель) познает культурные артефакты, созданные в рамках ситуации стандартизации, его сознание вновь воспроизводит сюжет исходной ситуации. Персонаж, выполняя ряд действий внутри ситуации от начала до конца, повторяя цикл раз за разом, ассоциируется у репрезентанта с данной ситуацией, выступает ее своеобразным маркером. Даже после извлечения персонажа из ситуации стандартизации, он продолжает ассоциироваться с ней у репрезентанта. Связано это с тем, что персонаж является продуктом ситуации, он приобретает свои индивидуальные черты только внутри ситуации через устойчивое повторения ряда действий, в которых проявляется его маска. Сущность явления стандартизации заключается в постоянном наращивании культурных артефактов, которые используют в своей основе ситуацию, имеющую четкие границы и канон. Все произведения искусства, использующие в своей основе конкретный сюжет, взаимодействуют в рамках данного сюжета, расширяя ситуацию стандартизации на всем социокультурном пространстве. Рассмотрим более подробно данное явление и проанализируем его составляющие.

Структура ситуации стандартизации детерминирована всеми произведениями искусства, созданными в данной

дается значительные локальные различия. В хлютском говоре эти различия, в частности, сводятся к функционированию отсутствующего в литературном языке маркера множественности — аьр и более широкому использованию форманта — ар.

ситуации, однако их влияние на саму ситуацию неоднозначно. Нами предложена схема уровней ситуации стандартизации, которая определяет элементы ее структуры и зависимости между ними. Данная схема не претендует на полноту, однако отсутствие в научной мысли подобных схем, недостаточный уровень разработки структуры стандартизации делает разработку данной схемы желательной.

Первый уровень стандартизации представляет собой миф, сюжет которого восходит к универсальной модели — архетипу. В аналитической психологии архетипами называют универсальные изначальные врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, распознаваемые в нашем опыте и являемые, как правило, в образах и мотивах сно-

видений. [1] Приведем высказывание К.Г. Юнга, дабы понять причины нахождения архетипа в основе стандартизации. «Архетипы — непредставимые сами по себе, они проявляются в сознании следствиями самих себя, в качестве архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок. Специфика этих содержаний заключается в их принадлежности к типу, несущему в себе свойства всего человечества как некоего целого». [2, с. 451] Являясь архаическим феноменом, архетип должен иметь проявления в мифах, сказках и фольклоре. В то же время архетип представляет собой структуру коллективного бессознательного, а значит в различной степени проявляется у всех народов и во все эпохи. Данный тезис, постулированный Юнгом, определяет сущность ситуации стандартизации. Стандартизации подвергаются лишь те сюжеты и персонажи, действующие в них, которые имеют архетипичное начало. Такие сюжеты наиболее полно усваиваются сознанием репрезентанта и функционируют в нем. Обусловлено это стремлением архетипа к устойчивости и сопротивлением попыткам исказить его структуру. Однако архетип, обладая устойчивой структурой, тем не менее способен накапливать значения внутри данной структуры, становясь сперва мифом — формой коллективного сознания, а затем мифом закрепленным в тексте. Переход от формы коллективного сознания к мифу, закрепленному в тексте, означает переход ситуации стандартизации на II уровень — уровень базовой ситуации.

Второй уровень структуры стандартизации представляет собой миф, закрепленный в тексте, литературное произведение, которое подвергается стандартизации. Базовая ситуация может включать в себя одного или нескольких персонажей, располагаться в пространстве всего текста или его части. Как уже было сказано выше, в сознании репрезентанта ситуация, повторяясь, порождает циклы, которые персонаж или группа персонажей преодолевает от начала и до конца. Необходимо отметить, что для именного героя-маски частотно включение в ситуацию стандартизации полностью исходного текста, тогда как для героя ролевой лирики стандартизованного социального типа частотно ограничение части исходного текста ситуацией. [3]

Переходя на третий уровень стандартизации, исходная ситуация генерирует в себе дополнительные смыслы, которые привносят в нее переводы и иллюстрации. Свой выбор мы обосновываем необходимостью составления парадигмы, в которой уровни стандартизации будут представлены пр мере удаления их от исходной ситуации.

Переводы могут быть написаны намного позже оригинала, могут изменять форму и ритмический строй стиха. Однако перевод оставляет практически неизменной исходную ситуацию, продуцируя для нее лишь новую форму. Иллюстрации же непосредственно соотносены с текстом, немислимы без текста и призваны перенести ситуацию

из одной формы в другую. Таким образом, иллюстрации представляют собой средство переноса ситуации между формами искусства, полностью сохраняя при этом смысловую составляющую ситуации. Иллюстрации всегда сопровождаются текстом и вне текста они немислимы. Их главное отличие от исходной ситуации заключается во взаимозависимости не только с оригиналом, но и с переводом. Данный факт определяет дополнительные смыслы, которые иллюстрация транслирует репрезентанту, отсюда же выходит и отличие ситуации от исходной ситуации.

Четвертый уровень структуры стандартизации включает в себя произведения живописи и музыки, которые репрезентируют исходную ситуацию. Относительная удаленность по шкале от исходной ситуации обусловлена изменением формы по сравнению с оригиналом, что приводит к изменению исходной ситуации и продолжению процесса стандартизации. Приведем пример: Гамлет Высоцкого и Гамлет Смоктуновского представляют собой совершенно разные репрезентации роли, в сознании зрителя отличающихся друг от друга, однако объединенных исходной ситуацией — пьесой Шекспира.

Главная особенность данного уровня стандартизации — привнесение в исходную ситуацию качественно новых смыслов, благодаря специфике формы. Живопись привносит в восприятие репрезентантом ситуации такие маркеры как цвет, позиция, объем, силуэт, фактура. Эти маркеры фиксируются в сознании репрезентанта и отождествляются с исходной ситуацией. Данные маркеры напрямую не связаны с исходной ситуацией, они используются художником для изображения своего авторского замысла, в основе которого лежит сюжетная ситуация. Именно в сознании репрезентанта эти маркеры включаются в социокультурный контекст и стандартизируются в нем.

Процесс включения в социокультурный опыт стандартизации музыкальных произведений во многом схож с живописью. Здесь маркерами выступают тональность, тембр голоса, особенности композиции произведения. Так же как и картина, музыкальное произведение в сознании репрезентанта соотносится с исходной ситуацией и ассоциируется с ней. Сознание репрезентанта воспроизводит ситуацию комплексно, на всех уровнях стандартизации и во всех формах. Ограничением выступает лишь социокультурная компетенция. Поэтому, когда репрезентант вступает в отношения с произведением искусства, которое использует ситуацию стандартизации, он соотносит это произведение со своим социокультурным опытом, объединяя значения исходной ситуации, переводов, иллюстраций, маркеров произведений, живописи и музыки. [4]

Маркер — впечатление от произведения, которое нивелирует различия между исходной ситуацией и произведением, проходящим процесс стандартизации, приводя их к единому значению в сознании репрезентанта.

Маркеры выполняют важную функцию в механизме стандартизации. Благодаря им репрезентант может соотносить с исходной ситуацией визуальные, слуховые ощу-

щения и, в конечном счете, стандартизировать их, соотнеся их в своем социокультурном опыте с исходной ситуацией. Маркеры выступают связующими звеньями между формами искусства, поэтому их нахождение на IV уровне шкалы стандартизации закономерно.

Прежде, чем обратиться к пятому уровню структуры стандартизации, необходимо рассмотреть глобальные механизмы, которые функционируют в этом процессе. Ситуация стандартизации представляет собой линейный механизм, в котором компоненты связаны друг с другом последовательной связью. Однако части линейного процесса имеют свойство цикличности, наращивая тем самым пласты стандартизации. Ситуация исследования требует более пристального обращения к данному явлению.

Первый уровень стандартизации (исходная ситуация) превращается в базовую ситуацию, это связано с необходимостью фиксации мифа, что обусловлено изменением системы передачи культурных ценностей (от устной к письменной). Связь между вторым уровнем стандартизации (базовой ситуацией) и третьим уровнем стандартизации определяется нами как последовательная. Базовая ситуация нуждается в расширении, экстраполировании смыслов на можно большее количество репрезентантов. Данное противоречие удовлетворяется при переходе ситуации на третий уровень стандартизации, когда исходная ситуация обретает достаточное количество переводов на другие языки, становится узнаваема и обретает культурную ценность. Третий уровень стандартизации транслирует исходную ситуацию, оставляя ее неизменной или незначительно изменяя ее, на данном этапе мы практически не наблюдаем различий между формой исходной ситуации и транслятором, однако исходная ситуация развивается, становится все более узнаваемой, включая в себя переводы, переиздания, иллюстрации. Вопрос о включении иллюстраций в механизм трансляции требует дополнительной разработки, однако, как уже было сказано выше, иллюстрация не существует вне соотнесения с текстом. Она зависит от текста, детерминирована им, а значит ее функционирование в пределах ситуации ограничено точным репрезентированием тех смыслов, которые несет исходная ситуация. Однако изменение формы стандартизации (текст — иллюстрация) создает определенное количество маркеров, которые репрезентант соотносит с исходной ситуацией, тем самым привнося в свое восприятие ситуации стандартизации личностный смысл.

Развитие ситуации стандартизации не ограничивается лишь механизмом трансляции. На четвертом уровне стандартизации мы можем наблюдать изменение формы культурных артефактов, участвующих в стандартизации. На этом этапе в ситуацию включаются произведения живописи и музыки, роль маркеров, которые позволяют репрезентанту соотнести исходную ситуацию с ее измененной формой развития, увеличивается. На данном этапе происходит углубление ситуации стандартизации, за счет дополнительных форм происходит детальная проработка образов, в восприятии репрезентанта возникают допол-

нительные личностные смыслы. Стандартизация приобретает относительно устойчивую структуру в сознании репрезентанта (исходный текст — переводы, иллюстрации — художественные произведения по мотивам). Формы музыки и живописи играют значимую роль в процессе углубления стандартизации, наращивании смыслов, поскольку концентрируют внимание репрезентанта на персонаже базовой ситуации, наделяя его первыми чертами маски. Рассмотрев процесс стандартизации до его последнего уровня, подведем предварительные итоги. Развитие ситуации стандартизации носит линейный характер, уровни стандартизации связаны между собой последовательной связью и представляют собой ступени развития стандартизации. От мифа к его словесному закреплению в тексте базовой ситуации, от базовой ситуации к переводам и иллюстрациям, от переводов к изменению формы базовой ситуации наблюдается тенденция к конкретизации персонажей ситуации, развитию и углублению их характеров. Если в базовом тексте персонаж находится внутри ситуации, то на IV уровне стандартизации он выступает уже как маркер этой ситуации, ассоциируясь у репрезентанта с исходной ситуацией — мифом и базовой ситуацией — мифом, закрепленным в тексте. Текущее положение исследования позволяет нам сделать вывод о том, что действие механизма стандартизации обусловлено тремя процессами. Первые два — процессы трансляции и наращивания смыслов, третий процесс — процесс разработки ситуации вступает в действие на V уровне стандартизации, связанном с художественной литературой. Если ситуация стандартизации в процессе своей эволюции выступает относительно устойчивой структурой, то на V уровне, уровне разработки она существенно изменяется, отвечая потребностям автора. Именно на данном этапе рождается герой ролевой лирики, герой-маска. Потребность в разработке ситуации стандартизации, возникает в тот момент, когда накапливается достаточное количество культурных артефактов, которые в своей основе используют сюжет базовой ситуации и в целом соответствуют этому сюжету. Возникает уникальная ситуация — в сознании репрезентанта появляется устойчивое восприятие ситуации и персонажей, выступающих в ней. Это восприятие формируется под воздействием культурных артефактов, его полнота зависит от культурной компетенцией репрезентанта, однако базовая ситуация в целом свободна от культурной зависимости и узнаваема большинством репрезентантов, вне зависимости от их компетенции. Глобальным маркером в данном случае, который соотносится в сознании репрезентанта со всей ситуацией, выступает персонаж, который функционирует внутри ситуации. Примерами таких персонажей могут служить Гамлет, Орфей. Часто имена персонажей выносятся в название исходной или базовой ситуации, что формирует в сознании репрезентанта отождествление ситуации стандартизации с персонажем. Такой уровень стандартизации позволяет сделать вывод о том, что персонаж получил устойчивое закрепление в со-

знании репрезентанта и узнаваем им. В тот момент, когда в сознании персонаж выходит из ситуации, становится над ней и отождествляется с ситуацией, он начинает стандартизоваться не только в контексте сюжета, его связи с другими персонажами, но и как устойчивый носитель чувств, эмоций, ментальных состояний. Гамлет ассоциируется у репрезентанта с одиночеством, Орфей — с чувством вечной любви. [4] Данные ассоциации будут подробно разобраны в наших следующих работах, однако на текущем этапе исследования нас интересует то, как вос-

принимаются и как изменяются в сознании репрезентанта персонажи стандартизации. Таким образом, персонаж стандартизации выступает в сознании репрезентанта как носитель определенных ментальных состояний, личностных качеств, которые сознание репрезентанта присваивает ему и отождествляет с ним. Помещая свое сознание в такого персонажа, автор добивается расширения художественного образа и отождествления своего лирического Я с маской, тем самым перенося с маски целый ряд узнаваемых качеств, присущих ей.

Литература:

1. В. А. Зеленский Словарь аналитической психологии. — М.: Высш. шк., 2000.
2. К. Г. Юнг. Человек и его символы — Санкт-Петербург: Б.С.К., 1996, с. 451
3. Е.Ю. Мартыанов Герой-маска как тип репрезентации авторского сознания [Текст] / Е.Ю. Мартыанов // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. — Чита: Издательство Молодой ученый, 2011.
4. Е.Ю. Мартыанов Сознание как способ культурно-творческого преобразования действительности. Авторское сознание и формы его репрезентации [Текст] / Е.Ю. Мартыанов // Психологические науки: теория и практика: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. — М.: Ваш полиграфический партнер, 2012.

Деривационное развитие мифонимической лексики кумыкского языка

Муртазалиева Лайла Анваровна, соискатель, учитель
Дагестанский государственный педагогический университет

Основным источником создания новых терминов, обогащения терминологического фонда и усовершенствования отдельных терминологических систем любого национального языка является словарный состав этого языка. Процесс становления мифонимической терминологии кумыкского языка за счет его собственных ресурсов развивался в двух основных направлениях: 1) создание новых терминов при помощи словообразовательных возможностей кумыкского языка; 2) использование для выражения новых понятий уже существующих в языке слов.

На основании анализа имеющегося материала названия земледелия мы подразделяли на следующие структурные группы: 1) простые; 2) сложные.

Простые названия в языкознании называются также синтетическими и подразделяются на 2 группы: производные и производные. К простым (непроизводным) относятся корневые слова без словообразующих аффиксов: «небо» — «кек», «земля» — «ер». К этой же группе относятся и те названия, которые с точки зрения современного языка невозможно разложить на основу и словообразующий аффикс: «божество» — «тенгри», «бог огня» — «Алав», «вид, дух» — «сювдюр» и др.

Эти названия образованы в довольно древний период, аффиксы в процессе исторического развития успели выйти из активного употребления и с точки зрения сов-

ременного состояния языка они поддаются структурному расчленению.

Непроизводные слова — лексика первичного означивания, простые слова «симплексы», группирующиеся только по содержанию. Производные слова — лексика вторичного означивания, совокупность слов, созданных с помощью таких словообразовательных средств, как аффиксация, словосложения, конверсия и т.п., группирующиеся по форме и содержанию. Возникновение нового видения и понимания мира ведет к появлению новой производной лексики. Если в первичных обозначениях опыт человека не эксплицирован, то во вторичных мы, так или иначе наблюдаем отсылку к известной реалии. Через производное слово мы имеем возможность узнать, как был познан обозначаемый объект, с каким другим реальным объектом его сравнивали или ассоциировали.

Основная часть простых названий — производные, образованные путем аффиксации: «сабля» — «кыылыч» (кыыл+ыч), «волшебная птица» — «будайыкъ» (будайыкъ) и др.

Наименования, состоящие из 2 или более частей являются сложными. В современном кумыкском языке нами выделены следующие виды сложных наименований: 1. парные: «злые духи» — «арбак-жин» и др., 2. собственно-сложные (характеризующиеся спаянностью компо-

нентов): «гадание на картах» — «палсалыв» и др., 3. составные: «сглазить» — «гез тийдирмек» и др.

В рамках этих основных направлений для создания терминов в кумыкском языке применяются следующие способы: 1) лексико — семантический; 2) морфологический; 3) конверсионный; 4) синтаксический.

Подвергнутый анализу материал свидетельствует о том, что мифонимическая терминология формируется в тесной связи с религиозно-мифологическими представлениями народа. Термины мифологии и религии являются прежде всего частью общенародной лексики и только потом, в специальном употреблении, терминологией.

Главный способ обогащения мифонимической лексики — образование новых наименований на основе внутренних ресурсов кумыкского языка. Среди терминов встречаются все структурные типы слов, характерные для данного языка.

Наиболее продуктивным способом образования мифонимических наименований является лексико-семантический способ, в основе которого лежат разнообразные семантические сдвиги: новые лексические единицы возникают в результате видоизменения семантики слов, уже существующих в языке. Лексико-семантический способ создания слов заключается в использовании исконно кумыкских лексем в новом, специализированном, терминологическом значении, возникающем на базе одного из прежних значений. В образовании мифонимических лексем наиболее продуктивны следующие два направления: 1) специализация бытовых слов; 2) расширение значений слов.

1. Специализация бытовых слов заключается в использовании уже имеющегося в языке привычного бытового слова в качестве термина. Часто такие термины образуются по внешней аналогии, на основе сходства определенных признаков: «вера», «доверие» — «инаныв».

2. Расширение значений слов. В результате этого процесса многие кумыкские слова, употреблявшиеся ранее лишь в бытовой речи, перешли в разряд терминов, выражающих различные значения. Развитие, расширение значения слова связано с тем, что конкретное, частное значение приобретает обобщенный характер. Слово «тамур» — «корень», означающее «подземную часть растения, служащую для укрепления его в почве и высасывания из нее воды и питательных веществ», начало употребляться и в других терминологических системах как специфический термин. Путем расширения значения образованы слова типа «языв» — «судьба» от старого «языв» «записывание» и т.д.

Важную роль в формировании мифонимической лексики кумыкского языка играет аффиксальный способ словообразования, который издавна использовался в образовании лексем и остается активным до сих пор. В образовании мифологической лексики используется ряд аффиксов, при этом степень их продуктивности неодинакова.

Продуктивными аффиксами, образующими лексемы мифонимии от различных частей речи, являются следующие:

Аффикс *-лыкъ // -лик* является высокопродуктивным словообразующим формантом во всех тюркских языках (за исключением якутского). Это один из распространенных аффиксов, при помощи которого образуются новые слова, как в области терминологии, так и лексикологии. В тюркологии отсутствует единое мнение об этимологии данного аффикса. По мнению Дмитриева Н.К., «аффикс — *лыкъ* связан со словом «лик», встречающимся в новоуйгурском и других языках в значении «обильный, полный».

В области мифонимии аффикс *-лыкъ* образует термины, обозначающие: а) название местности: *ташлыкъ* — «каменистая местность» (от *таш* «камень»); *хумлукъ* — «песчаная местность» («от хум «песок»); *сазлыкъ* — «болотистая местность» (от саз «болото»), *чёллюк* — «степная местность» (от чёл «степь»), *къамушлукъ* — «место, заросшее камышом» (от *къамуш* «камыш») и др.; б) наименования со значением соразмерности и количества: *язлыкъ* — «яровой», *гюзлюк* — «озимый», *айлыкъ* — «месячный», *гюнлюк* — «рассчитанный на один день» и др.

Аффикс *-чы // -чи* встречается во всех тюркских языках с древнейших времен. Однако остается нерешенным вопрос о его происхождении. По мнению большинства тюркологов, «в определенное время развития тюркских языков при помощи данного аффикса образовались имена прилагательные, позднее этот аффикс из сферы прилагательных был перенесен в сферу существительных». В тюркских языках при помощи данного аффикса образуются существительные, обозначающие «лицо по характеру занятия, действий или привычек, социальную принадлежность, место жительства».

При помощи аффикса *-чы* образованы наименования профессий: *оракъчы* — «жнец», *сабанчы* — «пахарь», *чалгъычы* — «косарь», *мамукъчу* — «хлопкобор» и др.

Аффикс *-чылыкъ // -чилик* с ясным этимологическим составом (*-чы + -лыкъ*) окончательно стабилизировался на положении особого словопроизводного форманта в новейшее время и распространился во многих тюркских языках. Существительные на *-чылыкъ* называют в кумыкском языке род занятий лица по характеру значения исходной основы: *бавчулукъ* — «садоводство», *сабанчылыкъ* — «хлебопашество» и др.

Аффикс *-гъыч // -гич*, происхождение и развитие которого исследовали многие тюркологи. Н.А. Баскаков относит *-гъыч* со сложным аффиксом *-гъу + -чы*. При помощи этого аффикса от глагольных основ образуются имена существительные со значением инструмента, прибора, орудия, средства для совершения действия, указанного основой: *тырнавуч* — (тырна ~ «сгребать» + афф. -вуч) «борона; грабли», «булавка»; *гесгич* — «резец» (гес — «резать» + гич) и др.

Аффикс *-акъ // -ек* образует от переходных глаголов названия орудий, средств действия: *оракъ* — (ор ~ «жать»

+ акь) «серп»; *къайракъ* — (къайра — «точить» + -къ) «точило»; *кюрек* — (кюре — «сгребать» + -к) «лопата»; *элек* (эле — «просеивать» + -к) «сито» и др.

Аффикс *-ма // -ме* малопродуктивен, присоединяясь к глагольным основам, образует наименования продуктов питания, различных блюд: *ярма* — «крупа, сечка» (от яр — «раскалывать»); *къатлама* — «жареная слоеная лепешка» (от къатла — «слоить»); *яйма* — диал. «раскатанное тесто» (от *яй-* «расстилать»);

Аффикс *-ым // -им* — продуктивный, участвует в образовании от глагольных основ существительных с отвлеченным и предметным значениями: *обсюм* — (люк) «растение» (от *овс* — «расти»), *башам* — «вязанка» (от *байла* — «вязать»), *тилим* — «ломтик» (от тип — «резать ломтями»), *къошум* — «привесок, довесок» (от *къош* — «добавлять»), *гелим* — «доход» (от гел — «приходить») и др.

Аффикс *-лаш // -неш* — глаголообразующий, формально представляет собой сочетание афф. -па + -ш (залоговый аффикс). Присоединяясь к основам существительных, участвует в образовании новых производных: *тамурлашмакъ* — «укореняться» и др.

Аффикс *-ыш // -иш* образует глаголы взаимного залога. Однако в древнейшую стадию развития с его помощью создавались и имена: *абрьош* — «выпас, пастбище»; *ульош* — «доля, часть».

Непродуктивными и малопродуктивными аффиксами являются: аффикс *-гъан // -ген // -гъун* образует причастия прошедшего времени. Однако в кумыкском языке имеется значительное количество слов, где аффикс *-гъан* потерял свое временное значение, отмечается в структуре имен существительных с предметным значением: *къапгъун* — «капкан» (от къап «застрясть», «зацепиться») и др.

Аффикс *-гъыр // -гур // -гур* — непродуктивный, с его помощью от глаголов образуются прилагательные со значением активно проявляемого качества и существительные типа *талавур* — «грабеж» от тала — «грабить».

Аффикс *-къа // -ке* — восходит к имяобразующему аффиксу древнейшего периода — *гъакъ // -хек*. Производные на *-къа* имеют в основном орудийное значение: *булкъа* — «посиделки». Аффикс *-къа, -ке, -къы, -ки* придавал основе имени уменьшительно-ласкательное значение: *аркъа* «спина» от *ар, ары* «обратная сторона»; *къайгъы* — «печаль», «горе», «забота», «беспокойство», «тревога», «волнение»; *къумарткъы* — «завещание», «завет», «талисман».

Аффикс *-ыр // -ур* — непродуктивный, образует от именных и глагольных основ существительные со значением результата, предметности и качества: *тююр* — «крошка, крупинка» (от тьюй — «толочь»), *тамур* — «корень» — *тарум* (от тара — «разветвляться»), *такъыр* — «голое без растительности место» (корень *такъ* — со значением «истоптанный»).

Аффикс *-ча* образует существительные с уподобительно-уменьшительным значением, выражая в то же

время ослабленность признака, его неполноту. К таким наименованиям относятся: *яшылча* «овощи», *унмичи* диал. «клецки».

Аффикс *-къай* создавал имена с уменьшительным значением. В некоторых словах значение уменьшительности уже не улавливается, так как в них предметное значение заменено отвлеченным или значением качества. Уменьшительное значение терялось и тогда, когда данный аффикс присоединялся к глагольной основе. Материалы тюркских языков свидетельствуют о том, что он создавал имена от односложных именных и глагольных основ.

Аффикс *-ай*: *къырай* — название местности *-къыр* «поле» + афф. ай, *Патай-булак* — Пат (имат) + афф. -ай; *Умай* — *ума* + *-и*; *Мамай* — *Мама* + *-и*; *Сатанай от Сата* + *анай* — «матушка Сата». Отыменные существительные с *-ай, -ей* называют родство, животных, части тела, растения, предметы, собственные имена. Наше внимание, прежде всего, привлекают имена *Унанай* и *Орманесси*. Обычный, широко распространенный припев (рефрен) кумыкских песен: «Анай скажу — ананай» («Анай десем, ананай») по своему звучанию напоминает имя древнего языческого божества Унанай.

Аффикс *-мач*: *Халмач* — «колдовство», связано со старокыпчакским *колтха* «просьба», «моление» от кол — «просить», «молить», ср. кар. *холтка, холтха* «просьба».

Аффикс *-къ*. Особый интерес представляет демонологический персонаж *Къан-Тулукъ* («ублюдок», «незаконнорожденный», «плохой человек»), распространенный среди южных кумыков, который будто по ночам выходит из могилы злой женщины в поисках добычи. В кумыкском языке аффикс *-акъ, -ек, къ, -ик, -укъ, -ык, -к* присоединяясь к именным основам, образует существительные, называющие части человеческого тела, живые существа, растения, предметы, собственные имена: *Сосурукъ, Сосурукъа* — мужское имя и имя нарта. Имя нарта *Сосурукъ* встречается в различных фонетических вариантах у всех народов Северного Кавказа и абхазцев.

Аффикс *-ат // -ет // -ыт // -ит // -ут // -ют* образовывал существительные как от именных, так и от глагольных основ. Присоединяясь к именным основам, он создавал такие существительные с собирательным значением, в которых объединялось значение множества однородных явлений, предметов. Анализ материала показывает, что основы имен, к которым присоединялся исследуемый аффикс, в основном называли явления природы, форму, цвет, части тела, родство, качество, реже — предметы: *къувут* «толокно»; миф. «сказочная пища нартов, придающая им силы»; *къг-ет* «плоды», «фрукты», «зелень» от *кък* «голубой», «синий», «зеленый», «зазеленение травы» (деревьев), «молодая трава» + аффикс *-ет*, кар. т. *къгет*, л. *къгет* «зеленая трава».

Аффикс *-такъ // -тек* не подвергался специальному исследованию. Существительные, образованные с помощью этого непродуктивного аффикса, составляют древнейший пласт лексики. Общим для куманской под-

группы языков можно считать варианты рассматриваемого аффикса: *-такъ*, *-дакъ*, *-тек*, *-дек*, *-тыкъ*, *-дыкъ*; *-тик*, *-дик*, *-тукъ*, *-дукъ*, *-тюк*, *-дюк*, на основании которых с кумыкским языком сближаются куманский, караимский, дальше отстоит крымско-татарский, за ним следуют кыпчакские и древнетюркский языки: *Шил-такъ арх.* «наговор, заговор, клевета»: *шилта* — + — *къ*, ср. к.-балк. *сылта* — «причина», «повод», «случай», тат. *сылтав* «причина», «случай».

Аффикс *-з* // *-р*. Генетически единым с *-гъыр* *-гъыз*, по нашему мнению, является и *-дюз*, так как отмечены случаи чередования начальных данных аффиксов в караимском языке: т. *кюндюз*, г. *киигиз* «днем». Производных с *-нгыз* (<*-гъыз*) сравнительно мало, так как во многих случаях *-гъыз* перешел в *-ыз*. Сохранились в основном отыменные имена с *-нгыз*. Отыменные имена

с *-нгыз*, *-дуз*, как и отыменные имена с *-гъыр*, называют явления природы, живые существа и реже — количества и качества: *гюн-дюз* — *гюндю*-+ *з*; к.-балк. *кюн-дюз* «дневное время», «полдень», «днем» от *кюн* «день»; *денгиз* — *денги*-+ *-з*; балк. *тен-нгиз*, *тэниз*, *дениз*, *дэнгиз*, *тенггизь*, *теньгиз*, *тэнгиз*, крм. *денгиз* «море», видимо, от *тенг* «ровный», «гладкий». Типичными являются собственные имена, оканчивающиеся на *-маз*, *-мез* — аффикс отрицательной формы глагола будущего времени. Естественно, в именах он теряет свои временные и отрицательные значения.

Мужские имена: *Кесмез*, ср. *кесмез* «тот, который не будет резать» от *кес*-«резать»; *Къоркъмаз*, ср. *къоркъмаз* «тот, который не будет бояться» от *къоркъ* — «бояться»; женские имена: *Ёлмез*, ср. *ёлмез* «та, которая не умрет» от *ел* — «умереть» и т.д.

Литература:

1. Магомедов М.И. «Смысловые связи и отношения в лексике кумыкского языка (в сопоставлении с арабским) Махачкала, ДГПУ, 2004.

Концепт «переулок» в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита»

Неснова Тамара Александровна, учитель русского языка и литературы
НОУ «Медицинская гимназия» (г. Санкт-Петербург)

Слово «переулок» в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» носит концептуальный характер, оно связано с интерпретацией образов героев, пониманием их внутреннего состояния, проблемой выбора жизненного пути, выявлением глубинных мотивов поведения.

«Художественное пространство в литературном произведении — это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [1, 258]. Наряду с непосредственной функцией обозначения места совершения действия, художественное пространство моделирует и внепространственные отношения, обусловленные, кроме всего прочего, культурным смыслом локуса, который сложился в процессе литературного развития. Так, «переулок» в литературной традиции — это не просто короткая улица, связывающая две продольные — обитание в переулке является знаком особого положения героя, независимости его от общепризнанных установок, самостоятельности мысли. Кроме того, переулок — это особое, роковое место, где героя может ожидать встреча с неизвестной опасностью и даже гибель. Так, в былинке о Добрыне и Маринке чародейка Маринка, чуть не сгубившая Добрыню, жила и миловалась со Змеем в Маринкином, или Ипатьевском, переулке [2, 222]. Эта былина лежит в основе поэмы М.Цветаевой «Переулочки» [3, 270]. В переулках обретаются персонажи Гоголя и Достоевского, лирический герой Блока плутает в «кабаках, в переулках,

в извивах» страшного мертвого города [4, 143]. «Философия одного переулка» А.М. Пятигорского обогащает смысловое содержание концепта, усиливая его метафизическое звучание [5].

Словарь Даля так определяет значение слова «переулок»: «Переулок — поперечная улка; короткая улица, для связи улиц продольных. Он ходит улками да переулками, крадучись. Глухой переулок, зауллок, тупик, из коего нет выхода» [6, 94] Уже в самом определении слова, в его семантике явно ощущается отрицательный оттенок, усиленный примерами словоупотребления и сочетаемости. Переулок — топос опасного, «заколдованного» места, он подразумевает особые модели поведения героев, попадающих в пространство, управляемое нечистой силой. Эти участки проживания характеризуют обособленность, не только пространственная, но и социальная, и духовная; «лабиринтообразность» устройства, символизирующая сложный, а порой и смертельный путь героев к истине и прозрению; извилистость и изломанность как отражение жизненной линии персонажей и, наконец, малолюдность. Гибельное место для человека, тупик, в который загоняют его бесы, аберрация пространства и сознания — таково общее значение концепта в романе М.Булгакова.

Поскольку переулок — поперечная улица, связывающая две продольные, то с каждой из них образуется своего рода перекрестие. Символика перекрестка — это

выбор в целом и, в частности, выбор между жизнью и смертью. Напомним, что Маргарита вышла в этот день из дома, чтобы найти любовь — в противном случае она готова была умереть, то есть героиня находилась в ситуации выбора, обостренной безысходностью положения и готовностью прибегнуть к самым крайним мерам для разрешения жизненно важных вопросов.

Кроме того, одно из сильных символических значений перекрестка — это переход из одного пространства в другое. В качестве такового перекресток является носителем амбивалентного смысла: с одной стороны, это место является священным — греки и римляне считали его находящимся под защитой Гермеса и Меркурия — покровителей путников, а в христианстве перекресток, уподобляемый кресту, символизировал мученическую смерть Христа и был связан с его почитанием.

С другой стороны, перекресток считался средоточием вредоносных, нечистых сил, местом выполнения колдовских ритуалов. Перекресток — это место сборищ демонов и ведьм, в славянской мифологии — место обитания чертей. В. Даль пишет о перекрестке: «Перекрестки чтутся роковыми и нечистыми; тут совершаются чары, заговоры, хоронят самоубийц или найденные трупы, и ставят кресты, часовенки, для охраны. На перекрестке черти яйца катают, в свайку играют. На перекрестке нечистый волен в душе человека» [6, 61]. Древние греки посвящали перекрестки Гекате — там устанавливали её трёхликие статуи и приносили кровавые жертвы [7].

Переулочек в определенной степени соотносится, коррелирует с перекрестком (место пересечения дорог, улиц) и принимает на себя его символические смысловые формы. Но само значение слова переулочек тоже дает возможность истолкования его как имеющего маргинальный смысл, ведь переулочек — это некая не совсем полноценная улица: слишком короткая, находящаяся в промежуточном пространстве — между двумя улицами, да ещё и расположенная поперечным образом.

В романе Булгакова нечистая сила частенько выбирает для своих действий именно переулочки как некую пространственную среду, в которой она чувствует свое преимущественное положение. Так, убегая от Ивана Бездомного, сначала вся трое — Воланд-профессор, Коровьев, Бегемот, а потом оставшийся в одиночестве профессор передвигаются по маленьким переулочкам, причем движение происходит с невероятной быстротой (изменение физических констант в «заколдованном» месте), поражающей Ивана: «Тройка двинулась в Патриарший... мигом проскочила по переулочку и оказалась на Спиридоновке. <...>Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулочек с покосившимися тротуарами, где Иван Николаевич грохнулся и разбил колено. Опять освещенная магистраль — улица Кропоткина, потом переулочек, потом Остоженка и еще переулочек, унылый, гадкий и скупо освещенный. И вот здесь-то Иван Николаевич окончательно потерял того, кто был ему так нужен». [8, 317]. Профессор улизнул от Бездомного, обморочив его и исчезнув не где-нибудь, а именно

в переулочке. Сам Иван, лишившись на берегу реки своей одежды, предпочитает продолжать путь по переулочкам, справедливо рассудив, что там меньше народу, чем на широких и ярко освещенных улицах: «... он решил покинуть большие улицы и пробираться переулочками, где не так назойливы люди <...> Иван так и сделал и углубился в таинственную сеть арбатских переулочков...» [8, 320].

Сеть арбатских переулочков недаром названа таинственной. Арбат — особое место в столице. Овеянное легендами, облеченное неповторимой аурой, оно всегда воспринималось как самобытная, необычная часть города: «Здесь, в старых переулочках за Арбатом, // Совсем особый город...» [9, 271]. «Под Арбатом подразумевают не столько саму улицу, сколько окружающие её переулочки с их чарующим, неповторимым колоритом. Кто из москвичей ... не бродил без цели и плана по этому сказочному лабиринту...» [10, 101]. С давних времен это место связывалось в сознании и восприятии людей с нечистой силой. На месте Арбата с примыкающими к нему переулочками в древности был лес (в мифопоэтике — пространство, враждебное человеку, место обитания умерших предков), по которому протекал ручей со знаменательным названием Черторый. Поначалу Арбат — это предместье столицы, в котором селились ремесленники, использовавшие в своей работе открытый огонь, в частности, кузнецы. В мифологии кузнец обладает магической силой, которая заставляет окружающих испытывать страх, живет он обособленно и связан с нижним миром и подземными духами, во многих мифах он предстает хозяином подземного огня и властителем преисподней. Бог-кузнец языческой мифологии с утверждением христианства, как и многие другие языческие боги, приобретает бесовские черты и превращается в сатану или его приспешника [11]. Так, Мефистофель в «Фаусте» Гете представляется однажды именем хромого кузнеца Вёлунда, героя скандинавских сказаний: «Platz! Junker Voland kommt. Platz!» . Именно это имя использовал Булгаков в своем романе.

Название Арбат не имеет однозначной этимологии, но существующие версии в той или иной степени указывают на мистический фон топонима. Наиболее распространены следующие версии происхождения: 1) от арабского «арбад» («рабад») — пригород; 2) от русского «горбат» — улица имеет несколько изгибов, обусловленных, скорее всего, неровностями местности.

И наконец, улица Арбат впервые упоминается в 1493 году в связи с пожаром в находившейся здесь церкви Николая на Песках, от которой огонь перекинулся на другие деревянные строения, в результате этого пожара выгорела почти вся Москва. Это соотносится с сюжетом романа Булгакова, в котором нечистая сила, покидая Москву, устраивает серию поджогов. Сеть арбатских переулочков становится для Бездомного лабиринтом, в который вовлекает его сатанинская сила и из которого очень трудно, а иногда и вообще невозможно выбраться.

С переулочками связана жизнь многих персонажей романа Булгакова. Маргарита, превратившись в ведьму, на-

чинает свой полет в переулке, что вполне естественно, ибо переулок является местом её проживания. Но и в дальнейшем Маргарита не сразу покидает очарованное пространство, ограниченное московскими закоулками, — «заколдованное» место не отпускает героиню, способствуя более полному воплощению её в новое состояние, направляя полет и побуждая героиню к действиям: «Пора! Вылетайте, — заговорил Азazelло в трубке <...> — когда будете пролетать над воротами, крикните: «Невидима!» Потом полетайте над городом, чтобы попривыкнуть, и затем на юг, вон из города, и прямо на реку. Вас ждут!» [8, 501]. Минуя три переулка, Маргарита приближается к Арбату, перелетев через который, опять же оказывается в переулке, четвертом по счету, где и обнаруживает совершенно случайно (а может быть, и не случайно) дом с квартирой Латунского, которую она с наслаждением громит. И только после этого, выполнив предназначенное ей действие, покидает город. Передвижение по переулкам символизирует замкнутость, герметичность бытия героев, полное подчинение потусторонней силе и невозможность, а иногда и нежелание освободиться от её влияния.

Почти все герои романа проживают в переулках. Мастер, получив выигрыш, оставляет комнату на Мясницкой и добровольно поселяется в подвальчике (хтонический концепт), который находится к тому же в глухом переулке, тем самым, не только подтверждает свою независимость от господствующей в то время в литературе идеологии, но и полностью предает себя в руки нечистой силы задолго до личной встречи с Воландом. Маргарита Николаевна со своим мужем занимает часть особняка в саду в одном из переулков близ Арбата. Недалеко от Арбата и тоже в переулке проживает критик Латунский. И наконец, знакомство мастера с Маргаритой происходит после того, как герои свернули с Тверской улицы в безлюдный переулок.

В античной части романа концепт «переулок» связан с именами Низы и Иуды, которые живут в Нижнем Городе, состоящем из кривых и путаных улочек, их Булгаков называет то улицами, то переулками. Так, писатель сообщает, что Низа жила на улице, носившей название Греческой. Когда она покинула дом, чтобы по приказу Афрания встретиться с Иудой, тот вышел, как пишет Булгаков, из «другого переулка». Значит, улочка, на которой проживала Низа, на самом деле была переулком. Борис Соколов в книге «Тайны мастера и Маргариты», составляя тетрады персонажей, сопоставляет современный московский, древний ершалаимский и вечный потусторонний миры. Цепочка, в которую он включает Низу, имеет следующий вид: «Низа, агент Афрания, — Гелла, агент и служанка Фагота-Коровьева, — Наташа, служанка (домработница Маргариты) [12, 470]. Маргариту он выводит

за пределы соответствий и цепочек, утверждая её уникальное место в романе. Между тем мы видим в романе многочисленные переключки между Низой и Маргаритой, в то время как из цепочки Гелла — Наташа Низа явно выпадает — она госпожа, и у неё, как и у Маргариты, есть своя служанка. Муж Низы, как и муж Маргариты, находится в отъезде, Низа, пользуясь этим, назначает встречу Иуде в саду, а Маргарита отправляется в Александровский сад, где встречается с Азazelло. Иуда убит ножом в спину — любовь поразила мастера, как «поражает финский нож». Низа предает Иуду, Маргарита — мастера, передавая его во власть дьявола. Обе они живут в переулках. Все герои полностью находятся в зоне воздействия Воланда и его приспешников.

Эпитеты, которые подбирает М. Булгаков к слову «переулок» в эпизоде погони: темный, с покосившимися тротуарами, унылый, гадкий, скупосвещенный, скучный, кривой — имеют явно отрицательную коннотацию. Кривизна, слабое освещение, скука и тоска — все эти понятия в народной мифопоэтике связаны с нечистой силой. Переулок, по которому летит Маргарита, — заплатанный, заштопанный, кривой и длинный с покосившейся дверью нефтелавки. Метафорические эпитеты: заплатанный, заштопанный — не только создают выразительный образ закоулка, но и усиливают его опорой на ассоциативное восприятие: заплатанной — это прозвище Плюшкина, одного из героев «Мертвых душ» Гоголя. Нефтелавка, судя по всему, тоже появляется с определенной целью и намекает на последующие поджоги. Переулок, в котором обитает Иуда, — «изломанный, уступами сбегаящий к одному из городских прудов», а дом Иуды — неприглядный, выходящий слепой стороной в переулок. В описании дома и переулка автор собирает характерные для нечистой силы признаки — изломанные линии, пруд (зеркальный концепт перехода из одного мира в другой), слепота.

И бег Бездомного по переулкам, и полет Маргариты сопровождаются звуками музыки: Ивана преследует «хриплый рев полонеза» из оперы «Евгений Онегин», а затем мучает тяжелый бас, исполняющий арию Гремина; Маргарита улетает под звуки «громового виртуозного вальса», который к моменту её полета становится совершенно безумным — попадая в маргинальное пространство переулка, музыка искажается, меняет характер, приобретая inferнальное звучание.

Таким образом, концепт «переулок» в романе Булгакова играет особую роль — это место, полностью подчиненное сатане и его свите — оно меняет, искажает не только человеческую суть героев, но и любой объект, попавший в зону его действия, заставляет персонажей слепо повиноваться сатане и служить его орудием.

Литература:

1. Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. Для учителя. — М.: Просвещение, 1988. — 352 с.
2. Былины. Печоры. — СПб.: «Наука», М.: Издательский центр «Классика», 2001. — 772 с.

3. М. Цветаева. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.3: Поэмы. Драматические произведения. — М.: Эллис Лак, 1994. — 816 с.
4. А. Блок. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т.2. — М.: Библиотека «Огонек». Издательство «Правда», 1971. — 350 с.
5. А.М. Пятигорский. Философия одного переулочка. Древний человек в городе: Романы. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 408 с.
6. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т 1—4. — М.: Русский язык, 1978 — Т.3., 1980. — 555 с.
7. Д. Тресиддер. Словарь символов. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999—448 с.
8. М.А. Булгаков. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. — Минск. : «Юнацтва», 1988. — 669 с.
9. И.А. Бунин. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 1. — М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. — 595 с.
10. Ю.А. Федосюк. Москва в кольце Садовых. — М.: Астрель, АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. — 446 с.
11. Х. Кирло. Словарь символов. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 525 с.
12. Б. Соколов. Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты». — М.: Яуза, 2005. — 608 с.

Особенности перевода разносистемных языков (на примере английского и казахского языков)

Печерских Талия Фаязовна, кандидат филологических наук, доцент;
Амангельдина Гульсара Амангельдиевна, старший преподаватель
Карагандинский государственный технический университет (Казахстан)

Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них. Когда-то великий Абай призывал казахов изучать русский язык, понимая, что через русский язык и русскую культуру наш народ сможет приобщиться к мировой культуре [1, с. 39]. В XXI веке перед нами встают новые задачи: сохраняя верность собственным истокам, развивая родной язык и культуру, мы должны войти в динамичные общемировые процессы технологического и гуманитарного плана. Таковую возможность обеспечивает знание английского языка.

Президент в послании народу Казахстана подчеркнул: «Предлагаю начать поэтапную реализацию культурного проекта Триединство языков». Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованное государство население которой пользуется тремя языкам» [2]. В связи с этим необходимо последовательно осуществлять работу по развитию казахского языка как государственного, русского языка как языка межнационального общения и английского языка — языка успешной интеграции в глобальную экономику и рассматривать это как один из основных приоритетов государственной языковой политики. Это значит, что в рамках проекта «Триединство языков» предусмотрено решение вопросов обучения не только государственному и русскому языку, но и английскому языку, это необходимо для того, чтобы в будущем английский экономический перевод документации стал доступен любому человеку. Расширение рынка сейчас интересует многие крупные компании, а английский язык наиболее универсален для ведения деловых переговоров. Поэтому для установления партнерских отношений с иностранными компаниями часто требуется не просто качествен-

ный перевод, а именно английский экономический перевод или деловой английский перевод — то есть перевод с учетом терминологии, понимание специфики экономики и тонкостей деловой этики.

Целью данной статьи является рассмотрение грамматических и лексических проблем, с которыми приходится чаще всего сталкиваться при переводе английских текстов, не давая подробного изложения того или иного грамматического или лексического явления. В статье рассматриваются только некоторые стороны данного явления, которые представляют лингвокультурологический интерес в плане перевода на фонологическом, грамматическом или лексическом уровнях, и обучение навыку правильного понимания текста с целью нахождения эквивалента в родном языке.

Для начала обратим внимание на фонетику. По количеству гласных звуков в английском и казахском языке имеются различия: в казахском языке их — 15, в английском языке — 20, тем не менее, оба относятся к вокалическим языкам. Многие из фонем по произношению схожи, но все же в артикуляции можно заметить небольшую разницу, так как фонемный состав в этих языках различается не только количеством фонем, но и их качеством, в английском языке имеются корреляты по долготе и краткости гласных, а в казахском — по твердости и мягкости. Фонетическое противопоставление долгих и кратких гласных в английском языке имеет смысловозначительную функцию [3].

Фонема представляет собой необходимый материал для единиц морфологического уровня. На морфологическом уровне проявляется связь с фонетическим, так в казахском языке, как агглютивном, новые слова и раз-

личные формы слов образуются посредством последовательного присоединения к корню или основе слова словообразовательных и формообразующих аффиксов и флексий. Каждый аффикс имеет здесь только одно грамматическое значение, а каждое грамматическое значение выражается всегда одним и тем же аффиксом. Суффиксы и флексии зависят от мягкости и твёрдости гласных, напр.: *kitan* — *kitantar*, *dənter* — *dənterder*. В казахском языке корень остается без изменений, аффиксы гармонируют с корнем, т.е. образование слов происходит по закону сингармонизма — закону сочетания звуков основной части слова и аффиксов. Согласно этому закону все казахские слова могут сочетаться как преднеязычные мягкие или заднеязычные, твердые. Поэтому все слова делятся на твердые и мягкие: напр.; *көл, ән* — мягкие, *қол, жан* — твердые [4, с. 28].

Способы выражения категории числа существительного различаются, так в английском языке она отличается сложностью выражения, т.к. система грамматических средств выражения включает суффикс, артикль (неопределенный), внутреннюю флексию, а в казахском языке только одно окончание —лар / -лер и его корреляты. В тоже время во флективном английском языке, где отсутствует деление гласных на твердые и мягкие, окончания зависят не от гласных, а от согласных, напр.: *book* — *books*, *dish* — *dishes* или происходит внутренняя флексия, напр.: *tooth* — *teeth*. Как видим, во флективных языках развита и внутренняя флексия, состоящая в чередовании фонем в корневых морфемах. Однако английский язык, который считается флективным языком как и все индоевропейские языки, обладает и чертами агглютинативного, типа, например, суффикс -s в английском языке имеет только одно грамматическое значение, т.е. множественное число [5, с. 92]. На фонологическом уровне в английском языке суффиксы и окончания полностью независимы от основы, переднеязычные гласные могут сочетаться с заднеязычными гласными.

Количество согласных звуков в казахском и английском языках также практически не различается по количеству: в казахском языке их — 25, а в английском языке — 24. По способу образования согласные звуки в этих двух языках очень похожи: губные, языковые и небные. Точно так же как и в английском языке, в казахском языке неправильное произношение звука может изменить смысл слова.

В казахском языке самым распространенным словообразовательным аффиксом также как и в английском является суффикс, который придает слову новое лексическое значение. Он легко выделяется и участвует в образовании новых слов. Английские суффиксы *-er / -or* и казахские *-шы / -ші*, присоединенный к инфинитиву, в большинстве случаев обозначает лицо, производящее действие: *to teach* — *teacher* / *оқыту* — *оқытушы*, *to write* — *writer* / *жазу* — *жазушы* и т.д.

По специфике отражаемых сторон действительности система частей речи в казахском и английском языках об-

наруживает известное сходство, в тоже время они характеризуются рядом специфических особенностей, напр.: размытость границ частей речи в английском языке, нежели в казахском. Это связано с относительно меньшим развитием английской аффиксации, ведущим к меньшей формальной противопоставленности частей речи [5, с. 117]. В выделении основных частей речи нет различия, наибольшее сходство обнаруживают местоимения, как лексическим составом, так и делением их на подклассы. По характеру проявления значения в языке отличие заключается, например, в том, что значение определенности обязательно для английского языка, и необязательно для казахского.

Хотя в английском языке категория рода отсутствует у существительных, тем не менее существительные, обозначающие одушевленные предметы, личные местоимения, а также, в виде исключения, некоторые животные и предметы могут иметь мужской или женский род. Существительные, относящиеся к человеку (отвечающие на вопрос *Who is this?* — *Бұл кім?*), бывают мужского рода (соотв. мест. *he, his* — *ол, онікі*) или женского рода (соотв. мест. *she, her* — *ол, онікі*). Как видим из примеров, в казахском языке категория рода полностью отсутствует, поэтому одно и тоже прилагательное, местоимение или порядковое числительное, в зависимости от смысла предложения, могут переводиться на английский язык по-разному.

На синтаксическом уровне различия можно рассмотреть на употреблении английского глагола *to be*. Аналог этого глагола-связки в казахском языке не используется, а в английском языке в предложениях обязательно присутствует глагольное или глагольно-именное сказуемое, напр.: *I am a teacher* — *Мен оқытушымын*.

Порядок слов и в казахском, и в английском языках имеет большое значение, так как он постоянный, напр.: *The second boy is my son* — *Екінші бала менің ұлым*; *It is raining* — *Жаңбыр жауып тұр*; *The blue sky is large* — *Аспан ашық еді*. В казахском языке простом повествовательном предложении подлежащее обычно стоит в начале, сказуемое — всегда в конце, определение перед определяемым словом, обстоятельство времени — в начале предложения. Точно также, в английском языке есть определенный порядок членов предложения, где за подлежащим, сказуемым и т.д. закреплено свое место, напр.: *We live in Astana* — *Біз Астанада тұрамыз*.

Несоответствие систем казахского и английского языков порождает известные проблемы в переводе на английский язык казахских предложений типа: *Мен хат жазып болдым*; *Мен Астанада болдым* и т.д. Переводя такие предложения, необходимо уточнить, что имеется в виду: действие как факт, действие как таковое, или — результат того или иного действия: *Мен Астанада болдым* — *I was in Astana (last Monday)* (точное указание на время пребывания); *Мен Астанада болдым* — *I have been to Astana* (в моей предшествующей жизни был «опыт» посещения столицы Казахстана, и сейчас мы-

сленно или вслух подвожу итог, несмотря на то, что опыт этот может относиться и к прошлому понедельнику, как в первом примере).

При деловом переводе с английского языка на казахский язык или переводе отдельных лексем, возникают определенные трудности, связанные с особенностями языка. Следовательно, необходимо рассмотреть, с какими проблемами сталкиваются при переводе с английского на казахский, в частности при определении функции инфинитива.

Инфинитив в функции определения переводится на русский язык, как правило, определительным придаточным предложением с модальным глагольным сказуемым, выражающим возможность или долженствование, или же глаголом-сказуемым в будущем времени, напр.: *This question will be discussed at the conference shortly to open in Moscow* – *Бұл сұрақ Москвада ашылатын конференцияда қаралады*. После слова *the last* и порядковых числительных (если в данном предложении они выполняют функцию предикативного члена) инфинитив в функции определения переводится личной формой глагола в том же времени, что и глагол – сказуемое главного предложения, напр.: *The secretary general was the first to rise this question* – *Бұл сұрақты бірінші болып қойған бас хатшы болды*. Если эти слова выполняют какую-либо другую синтаксическую функцию, то инфинитив может также переводиться и причастием.

Инфинитив в функции дополнения не вызывает затруднений при переводе на казахский язык, он обычно переводится инфинитивом, иногда придаточным предложением, напр.: *They want to submit a new proposal* – *Олар жаңа ой кіргізгілері келеді*.

Инфинитив представляет трудности при переводе главным образом потому, что он ошибочно может быть принят за обстоятельство цели. Только смысл всего предложения, а иногда и более широкий контекст позволяют определить, является ли инфинитив, обстоятельством цели или результата, напр.: *To read well is very important in knowledge* – *Білімнің ең маңыздысы жақсы оқу*.

Инфинитив в функции подлежащего, предикативного члена, именной части составного сказуемого и обстоятельства цели не представляет трудности при переводе на казахский язык. В этих функциях он переводится инфинитивом (в функции подлежащего или обстоятельства цели) или существительным, напр.: *I want you to find me a place in the car* – *Көлікте сен маған орын тауып беруіңді қалаймын*.

В сочетании с глаголом *to fail* или существительным (*құлау, сәтсіздікке ұшырау*) инфинитив передает неудавшуюся попытку совершить действие или просто отрицание и часто переводится на казахский язык личной формой глагола в отрицательной форме, напр.: *The negotiators failed to come to an agreement* – *Келісімшарттың қатысушылары бір шешімге келген жоқ* [4, с. 53].

Часто не учитывается стилистическая окраска, литературный стиль инвертированного предложения и предложение переводится также с бессоюзным подчинением, что в казахском языке характерно для разговорного стиля, напр.: *I believe her to be a very good cook* – *Мен оның өте жақсы тамақ істейтініне сенімдімін*.

Несмотря на многочисленность приведенных и неприведенных в данной статье трудностей при переводе, необходимо понимать, что такого рода проблемы возникают при переводе практически в любых языковых парах. Значение системных расхождений между родным и изучаемым языками позволяют прогнозировать интерференцию, предвидеть трудности, какие места окажутся слабыми. Для выработки навыка правильного понимания текста недостаточно знать грамматику и теорию перевода. Опыт работы показывает, что для овладения техникой перевода необходимо выделение определенных грамматических и лексических трудностей и тренировка их перевода. Рассматривая языки мира с точки зрения грамматики, мы видим, что логические законы, регулирующие сам процесс человеческого мышления, одинаковы для всех языков, а законы грамматики для каждого языка различны.

Литература:

1. Кунанбаев А. Слова назидания (Книга слов). Издатель: Нигде не купишь, 2008. – 138 с.
2. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана от 28.01.2011 г. http://www.edu.gov.kz/ru/zakonodatelstvo/arkhiv/poslanija_prezidenta_rk_narodu_kazakhstanana/
3. Аракин. В.Д., Сравнительная типология английского, немецкого и русского языков. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
4. Жубанов Қ. Жаңа грамматиканың жаңалықтары жайында. – Алматы: 2001. – 24 с.
5. Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. – М.: Изд. дом Академия, 2004. – 248 с.

Способы выражения согласия/несогласия в русском языке на примере коммуникативного акта просьбы

Реброва Полина Владимировна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Любая коммуникация между людьми представляет собой последовательность речевых актов, минимальных единиц речевой деятельности. В этом процессе коммуникации человек часто использует речевой акт просьбы. Есть несколько факторов, от которых зависит, какие языковые средства использует говорящий для выражения одного и того же желания, просьбы и т.д. К таким факторам относятся формальность ситуации, внутреннее состояние говорящего, возрастная группа, к которой он принадлежит и т.п.

В жизни людей важное место занимает культура общения, некоторые правила, которые должны быть соблюдены для успешного проведения коммуникативных актов. Составной частью этой культуры общения, культуры речевого поведения, является речевой этикет. «Речевой этикет — это правила обхождения людей друг с другом, воплощённые в речи» [1, с. 5].

Речевой этикет — важная составляющая любой национальной культуры. Специфика речевого этикета в каждой стране неповторима. При обучении русскому языку как иностранному уже на начальных этапах обучения уделяется большое внимание речевому этикету. Есть мнение, что уже с самых азов нужно давать обучающемуся некий культурологический минимум, в который входят формулы речевого этикета, пословицы, поговорки, афоризмы, песни, стихи и т.д. Исследования показали, что студенты, начинающие своё обучение языку с таких вот культурологических минимумов, уже за три месяца достигли больших результатов, чем те студенты, которые обучались по общепринятой программе [2, с. 14].

В преподавании русского языка как иностранного уже с самого начала происходит ознакомление обучающегося с правилами коммуникаций между людьми разных социальных групп. Таким образом, выявляется описание способов выражения согласия и несогласия в русском языке при помощи некоторых признаков, описывающих конкретное коммуникативное общение. И иностранец, изучающий русский язык, может выбрать более приемлемую форму ответа на соответствующий акт просьбы, что позволит избежать так называемых коммуникативных неудач.

Во многих пособиях по изучению русского языка как иностранного анализируются только те формы речевого этикета, которые показались автору пособия наиболее частотными в конкретной коммуникативной ситуации.

При описании формул речевого этикета стоит уделять внимание не только наиболее вежливым и стилистически нейтральным формам, но и разговорным, чтобы избежать коммуникативных неудач. Нужно подробно расписывать

ситуации употребления ты- и Вы-форм, чтобы избежать этико-речевых ошибок. Также при обучении русскому языку как иностранному очень важна систематизированность при подаче материала. Так учащийся сможет лучше усвоить, где и почему лучше употребить ту или иную форму.

После изучения пособий по речевому этикету стало ясно, что необходимо исследовать способы выражения согласия/несогласия, реально употребляемые носителями русского языка. Основной целью моего исследования было выявление реально употребляемых ответов на различные формулы выражения просьбы.

Для исследования был выбран метод анкетирования. Для составления анкеты были выбраны 7 наиболее часто используемых способов выражения просьбы различной степени вежливости с учётом ты- и Вы-форм обращения, наличия или отсутствия актуализаторов вежливости типа «пожалуйста». Используемые стимулы: будьте любезны, сделайте (дайте...); не могли бы Вы сделать (дать...); сделай (дай...), сделайте (дайте...), пожалуйста; слышь, ты, сделай (дай...); Вас не затруднит сделать (дать...); мне хочется попросить тебя сделать (дать...).

Испытуемые должны были писать для каждой реплики способы выражения согласия и несогласия. В эксперименте приняли участие 60 человек, которые были разделены на три группы: школьники, студенты и взрослые. В каждой возрастной группе было по 10 лиц женского и мужского пола.

Испытуемые не были ограничены по времени, поэтому писали на каждый стимул столько ответов, сколько считали нужным. Количество ответов в одной графе колебалось от 0 до 6. Варианты ответов были очень разнообразны, анкетированные использовали различный лексический материал. Иногда ответы были достаточно стереотипны, а иногда испытуемые пытались выразить свою неординарность, отвечали более оригинальными способами. К примеру, на реплику «Слышь, ты, сделай» был следующий ответ: «положительный ответ будет возможен только при применении мер принуждения, к примеру, пистолета». Этот ответ приписывался автором к положительным, т.е. к согласию.

На этапе анкетирования были получены следующие результаты. Удалось оценить разнообразие полученных ответов (Таблица 1).

Самое большое количество вариантов ответа всегда приходится на школьников, на втором месте — студенты, на третьем — старшая возрастная группа. Со степенью вежливости стимула связано количество согласий и несогласий: на более вежливые реплики количество согласий

Таблица 1

Возрастная группа	Согласие	Несогласие	Общее количество
<i>1. Будьте любезны, сделайте (дайте и т.д.)</i>			
Школьники	40	46	86
Студенты	33	41	74
Взрослые	23	30	53
<i>2. Не могли бы Вы сделать (дать и т.д.)</i>			
Школьники	39	44	83
Студенты	32	31	63
Взрослые	23	28	51
<i>3. Сделай (дай и т.д.)</i>			
Школьники	33	35	68
Студенты	28	32	60
Взрослые	21	34	55
<i>4. Сделайте (дайте и т.д.), пожалуйста</i>			
Школьники	33	41	74
Студенты	32	33	65
Взрослые	21	18	39
<i>5. Слышь, ты, сделай (дай и т.д.)...</i>			
Школьники	34	49	83
Студенты	27	36	63
Взрослые	18	31	49
<i>6. Вас не затруднит сделать (дать и т.д.)...</i>			
Школьники	48	28	76
Студенты	33	34	67
Взрослые	27	22	49
<i>7. Мне хочется попросить тебя сделать (дать и т.д.)...</i>			
Школьники	43	43	86
Студенты	40	36	76
Взрослые	29	32	61

значительно больше, чем на менее вежливые. Например, больше всего согласий было на вежливую реплику «Вас не затруднит сделать (дать...)» – 48 вариантов, а больше всего вариантов несогласия на самую грубую из приведенных в анкете «Слышь, ты, сделай (дай...)» – 49 вариантов.

Дополнительным подтверждением того, что вежливость просьбы играет важную роль при выборе ответа на нее, является тот факт, что ряд испытуемых вообще не считал нужным реагировать согласием или несогласием на некоторые реплики. Например, отвечая на реплику «Слышь, ты, сделай (дай и т.д.)» анкетированные чаще всего не писали положительного ответа. Правда, на эту реплику некоторые не писали и несогласия. Обычно это было связано с тем, что испытуемые не считали нужным вообще реагировать на эту реплику, по-видимому, считая ее грубой.

Что касается наиболее часто встретившихся ответов, то самым распространённым положительным ответом было «Хорошо» (встретилось 74 раза). Также очень часто встречалось «Пожалуйста» (41 раз), «Да, конечно» (35 раз), «С удовольствием» (15 раз). Среди несогласий оди-

наковых лидирующих вариантов было не так много. Чаще всего повторялись ответы «Нет» (28 раз), «Затруднит» (19 раз). Очень часто встречались ответы типа «Не могу», «Не хочу», «Не буду». Самым частым из них был «Не могу». Также было много ответов, начинающихся со слов «Извини (-те)».

Ранее было сказано про ответ «Затруднит», который является одним из частотных. Но этот ответ не является показательным для абсолютной частоты употребления, так как это «спровоцированный» ответ на реплику «Вас не затруднит сделать (дать и т.д.)». Говоря о «спровоцированности» реплик, можно заметить следующую закономерность: чем возрастная группа становится старше, тем меньше число «спровоцированных» реплик в ответах испытуемых. Возможно, это происходит по той причине, что взрослые стремятся к более сложным, более развёрнутым ответам. Больше всего таких реплик на косвенные способы выражения просьбы, которые направлены на уточнение возможности адресата выполнить задачу или на определённые речевые «поглаживания» типа «будьте любезны», «будьте добры», на речевые обороты, делающие адресату некоторый ком-

плимент. В основном это самые вежливые формы. Были получены такие спровоцированные реплики, как «Буду любезен и сделаю», «Не буду любезен» на «Будьте любезны, сделайте», «Могли бы» и «Не могли бы» на «Не могли бы Вы сделать», «Слышу, делаю» и «Слышь, ты» на «Слышь, ты, сделай», «Попроси» на «Мне хочется попросить тебя сделать».

Все полученные ответные реплики были разбиты на ряд групп по смыслу и форме выражения.

Способы выражения согласий:

– реплики типа «пожалуйста», «охотно», «ладно», «ладно уж», «конечно». Также употребление некоторых из них с частицей «да»: «Да, пожалуйста», «Да, конечно»;

– указание времени: «Одну минуточку», «Момент», «Секундочку», «Сию минуту», «Сейчас-сейчас». Часто употребляется с уменьшительно-ласкательным суффиксом, методом повтора;

– различные междометия: «ага», «угу». Также частицы: «вот»; предлог: «на»; выражения типа: «да-да», «о да!». Метод повтора используется очень часто;

– слова с оттенком точной уверенности: «разумеется», «естественно», «обязательно», «безусловно»;

– реплики, выражающие радость положительно откликнуться на просьбу: «С удовольствием», «С радостью», «Всегда рада помочь», «Буду рада помочь»;

– заимствования: «Ок», «Гут», «One moment, please», «Why not?», «Warum nicht?»;

– глаголы, упомянутые в просьбе, в первом лице будущего времени: «Сделаю», «Могу», «Даю» и т.д.;

– глаголы первого лица настоящего времени со значением неуверенности: «Постараюсь», «Попробую». А также выражения: «Я приложу все усилия»;

– неуверенность также может выражаться вопросами: «Думаете, стоит?», «Зачем?», «А к какому сроку?»;

– ответы вопросом на вопрос, но с оттенком положительного ответа: «Что-нибудь ещё?»;

– выражения, означающие, что то, о чём просят, не затруднит адресата: «Без проблем», «Легко», «Запросто», «Без вопросов», «Никаких проблем», «С лёгкостью»;

– глаголы в форме 2го лица единственного или множественного числа настоящего времени: «Держи (-те)», «Возьми (-те)»;

– глаголы в сослагательном наклонении единственного числа: «Мог бы»;

– глаголы 1го лица настоящего времени: «Могу», «Буду». В сочетании с частицей «да». Иногда вместе с местоимением «я»;

– устойчивые выражения: «Считайте, что уже сделано», «Сказано — сделано», «О чём речь!»;

– важную роль для адресата играет тот, кто его просит: «Только потому, что хорошо к тебе отношусь», «Приму за честь», «Для тебя — всё, что угодно», «Для Вас — всегда пожалуйста»;

– сочетания предыдущих способов в различных комбинациях: «Могу, конечно», «Разумеется, для Вас — всегда пожалуйста» и т.д.

Способы выражения несогласий:

– начинается со слова «извини (-те)». Дальше может стоять «но», и после него либо указание на причину, по которой адресат не может совершить данного действия, либо оно просто ограничивается до: «..., но не буду», «..., но не могу», «..., но не хочу» и т.д. в эту же группу можно отнести реплики, начинающиеся со слов: «Прости (-те),...», а также такие обороты, как «Прошу прощения...» и т.д.;

– выражения с оттенком сожаления: «к сожалению», «к огорчению». Могут добавляться определения, к примеру, «К моему глубокому огорчению». А также фразы типа: «Мне жаль», «Жаль»;

– заимствования: «sorry»;

– ответ вопросом, при этом вопрос может быть точно таким же, как при согласии, но эмоционально нести уже другую окраску: «А зачем?», «А оно тебе надо?»;

– глагол 1го лица настоящего времени с частицей «не». Может быть вместе с местоимением «я». «Не могу», «Я не буду», «Не хочу» и т.д.;

– выражения, означающие, что при других обстоятельствах данная просьба была бы выполнена с радостью: «Был бы рад, но»;

– указания времени: «Не сейчас», «В другой раз», «Может быть потом?», «Нет времени», «Не сегодня», «Чуть позже»;

– краткие фразы, выражающие огорчение: «Увы, никак», «Никак нет», «Увы», «Вряд ли»;

– глагол «мочь» в сослагательном наклонении с частицей «не»: «Не мог бы»;

– устоявшиеся фразы: «ничем не могу Вам помочь», «Ни за какие коврижки»;

– предложения обратиться к другому человеку: «Обратитесь к кому-нибудь другому», «может лучше не я», «А самому слабо?»;

– слова «нет» или «не». Также возможен вариант «неа»;

– если фраза не достаточно вежливая, то появляются ответы типа «А волшебное слово?»;

– краткие прилагательные описывающие причину, по которой адресат не может выполнить просьбу: «Занят», «Я занят» (часто употребляется с местоимением «я»);

– а также сочетание описанных выше способов.

При сопоставлении данных результатов исследования с наиболее полной классификацией способов выражения согласия/несогласия, приведённой Натальей Ивановной Формановской, видно, что на самом деле реально употребляющихся в русском языке вариантов согласия и несогласия больше, чем указано в пособии по речевому этикету. Так, там не указаны способы выражения согласия междометиями («ага»), выражением радости откликнуться на просьбу («с радостью»), заимствованиями («гут»), глаголами в сослагательном наклонении («мог бы»), устойчивыми выражениями («сказано — сделано», «о чём речь!»), выражением отношения к просящему («Для тебя — всё, что угодно»). В случае с несогласием не указаны такие варианты, как заимствования

(«соггу»), краткие фразы, выражающие огорчение («увы, никак»), устоявшиеся фразы («ни за какие коврижки»), предложение обратиться к другому человеку («обратитесь к кому-нибудь другому»). Стоит заметить, что форма «Придётся + инфинитив», описанная Формановской, не встретилась в исследовании ни разу.

Также стоит упомянуть о том, что некоторые испытуемые пытались описать невербальное общение. Они описывали свои движения, эмоции, поступки. Чаще всего описывалось молчание, которое играет в диалоге тоже важную роль. Также описывались действия, которые идут друг за другом: «молчание — отрицательное покачивание головой и виноватое пожатие плечами». Таких прецедентов при заполнении анкет было немало. Это объ-

сняется тем, что человек во время диалога использует не только определённые речевые формулы речевого этикета, но и определённые формы поведения.

Здесь описан только начальный этап исследования, которое требует дальнейшего изучения. Следующая задача — классификация способов выражения согласия/несогласия по ряду критериев и оценку релевантности этих критериев. Следующим возможным путём исследования является методика «градуального эталона». Данная методика направлена на изучение внутренней структуры категории или признака, имеющих континуально-дискретный характер, и позволяет определить значимость каждой из отдельно взятых единиц в системе всей категории или признака [3, с. 23–26].

Литература:

1. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Рус. яз., 2002б
2. Риехакайнен Е.И. Способы выражения просьбы в русском языке: экспериментальное исследование. СПб, 2006.
3. Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.

О происхождении и путях трансляции английских имен и фамилий на русский язык

Смирнова Олеся Анатольевна, преподаватель

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР)

Исследованием имен и фамилий занимались многие ученые-лингвисты. К числу авторов наиболее известных трудов можно отнести имена А.В. Суперанской, А.В. Сусловой, А.И. Рыбакина, В.А. Никонова, О.А. Леоновича и многих других. В современной русской антропонимической системе каждый человек имеет личное имя (выбираемое из ограниченного списка), отчество, фамилию и иногда прозвище или псевдоним.

Имена являются первичным компонентом этой системы. Отчество — типично русская антропонимическая категория, производная от мужских имен и изменяющаяся в роде в зависимости от пола конкретного носителя.

Термин «фамилия» трактуется большинством ученых одинаково. Например, Большая Российская энциклопедия дает следующее определение: «фамилия (от лат. *familia* = семья), 1) родовое наименование лица, приобретаемое при рождении. Изменение первоначальной фамилии возможно при усыновлении, вступлении в брак и в некоторых других ситуациях. Фамилия стала наследственной еще в Древнем Риме, прежде всего в среде родовой знати. Она давалась, как правило, по названию места рождения или расположения «фамильных владений». В Западной Европе употребление фамилий вошло в обычай с XV века, в основном для высших сословий. В России фамилии были введены законом в XVI в. сначала для князей и бояр,

затем для дворян и именитых купцов. Среди крестьянства фамилии стали употребляться после отмены крепостного права. 2) Семья, род. 3) В Древнем Риме хозяйственно-юридическая единица, в состав которой, помимо кровных родственников, входили и рабы. Фамилия прибавляется к имени личному для уточнения именуемого лица; исторически имя личное — первично, фамилия — вторична; различие между личным именем и фамилией функциональное, социальное и отчасти структурное». Так определяет термин «фамилия» словарь русской ономастической терминологии Н.В. Подольской.

Но существуют и нетрадиционные версии трактовки этого термина. Например, доктор филологических наук А.П. Журавлев считает, что фамилия — некий подсознательный звуковой код, содержащий психологическую характеристику человека, которому она была присвоена. Фамилия — это определенная звуковая вибрация, которая несет в себе характер нашего далекого предка — основоположника рода. Рождаясь на свет, человек начинает отождествлять себя со своим именем и фамилией, с той энергетикой, которая заложена в его имени и передается по наследству в его фамилии....

Фамилия — это зашифрованный в звуках психологический портрет вашего рода, что, в общем, не противоречит предыдущим определениям.

До сих пор существуют антропонимические системы, в которых нет места фамилиям. Так, например, В.А. Никонов в работе «География фамилий» пишет, что даже в Европе целое государство не имеет фамилий — это Исландия (237 тыс. человек). Предложения об установлении фамилий поднимали и там, но общее обсуждение не только отвергло это, но и постановило запретить кому-либо принимать их. Нет фамилий и у сотен индийцев. Бесфамильны и многие другие народы.

О.А. Леонович выделяет ряд личных имен, употребляемых в качестве фамилий, которые при этом не претерпевают никаких изменений: Anthony, Allen, Baldwin, Dennis, Godfrey, Henry, Neale, Owen, Reynolds, Thomas, Walter. Многие из патронимических фамилий, употреблявшихся до норманнского завоевания, связаны с тевтонской мифологией, именами богов (Good, Goldwin, Goodiers, Godyears, Goddard), либо образованы от различных скандинавских личных имен (Swain, Swanson, Thurston, Thurlow, Thurkeltle от имени бога Thor). Пришедшие с норманским завоеванием имена легли в основу личных фамилий: Wallers, Watts, Watterson, Ralph, Hugh, и др. Имя Roland дало фамилии Rowland Rowlandson. От Richard пошли Richardson, Ritchie, Hitch, Rick, Nick, а также Dixon, Dickson, Rickett и др. Hudd (старое прозвище человека с именем Richard) дало Hudd или Hudson. В период позднего средневековья возрастает роль библейских имен, используемых в качестве фамилий. Так, от имени святого St Lawrence образовались фамилии Lawrence, Lawson, Larson, Larkin.

Многие английские антропонимические фамилии содержат в своем составе формант-son (Thompson), означающий «сын такого-то». Вставное -t — говорит о северном происхождении носителя фамилии: Johnston — уроженец севера Англии, Johnson — живет на юге страны. Отмечается сокращение этого форманта до-s, и наряду с Matthewson встречаем Matthews. Следует, правда, отметить, что наличие -s могло означать не только родственные отношения: Abbotson=Abbot's son «сын Эббота», но и «тот, кто работал на него или принадлежал к домовладению». Жители шотландского нагорья (Highlands) употребляют префикс Mac-«сын»: Macdonald, MacCarthy, MacGregor. Этот же фамильный префикс распространен и среди ирландского населения, но и в Ирландии также сильна традиция создавать фамилию по имени деда с помощью префикса O: O'Nara, O'Neal. Как гласит популярный стишок: *By Mac and O,*

*You'll always know
True Irishmen, they say;
For if they lack
Both O and Mac
No Irishmen are they.*

Ряд фамилий образуется при помощи префикса Fitz (искаж. норманское Fils «сын»: Fitzwilliam, Fitz-Gilber, Fitz-Hugh. По-валлийски «сын» — ap, отсюда пошли фамилии Powell от Ap Howell), Pritchard (от Ap Richard), Bunian (от Ap Onion), Blood (от Ap-Lloyd). В прежние

времена нередко можно было встретить валлийца, с гордостью произносящего свое имя: Evan-ap-Griffith-ap-David-ap-Jenkin «Эван, сын Гриффита сын Дейвида сын Дженкина». Это дало повод для появления многочисленных английских анекдотов о пристрастии валлийцев к подобным фамилиям.

В прежние времена английские имена собственные, в основном, транслитерировались при переводе. В очерках по истории и культуре Англии, написанных в XVI-XVIII вв. можно найти такие комичные для современного читателя английские фамилии и географические названия как «Невтон» *Newton*, «Стевинг» *Stewing*, «Гавкесбури» *Hawkesbury* и прочие.

В наши дни несомненный приоритет в передаче имен собственных признается за транскрибированием: считается, что следует передавать звуковую, а не буквенную форму имени.

Хотя большинство русских и английских звуков четко сопоставимо, очевидно, что фонетические системы имеют некоторые ощутимые различия, и ниже будут описаны варианты передачи безэквивалентных фонем, т.е. тех, которым нет прямого соответствия в русском языке. [1, с. 92]

Звук [θ] в словах типа *Heath, Smith, Thatcher, Thorn, Arthur, Heathrow* и передается обычно звуком [т]: «Хит, Смит, Тэтчер, Торн, Артур, Хитроу». Передавать его звуком [с] не рекомендуется. При передаче дифтонгов [εə] и [iə] в словах типа *Blair, Shakespeare, Yorkshire, Delaware* безударный элемент дифтонга игнорируется: «Блэр, Шекспир, Йоркшир, Делавэр» [4, с. 81].

Передача приведенных далее английских звуков, не имеющих эквивалентов в русском языке, может осуществляться по-разному. В одних случаях здесь сталкиваются традиции и требования современности, в других — звуковая и графическая формы слова.

Рассмотрим варианты «перевода» звука [w] в следующих именах собственных: *Winston, William, Winchester, Watson, Washington, Warner, Wendy, Wood*. Традиционно этот звук было принято передавать с помощью русского [в], и в современном языке есть прочно закрепившиеся формы с таким звуком: по-русски естественно звучит только доктор Ватсон, Винчестер, Вашингтон и пр. В то же время, в соответствии с требованиями современности, этот звук передается с помощью русского [у]: «Уинстон Черчилль, Уорнер Бразерз, Уолтер Траут» и пр. Исключения составляют лишь те случаи, когда за звуком [w] в оригинале следует [u], как в *Wood, Worcester*. Тогда единственный возможный вариант — использовать звук [в]: «Вуд, Вустер».

Таким образом мы имеем дело со столкновением традиций и требований сегодняшнего дня. Например, название графства и города *Warwick* раньше переводилось «Варвик», т.е. транслитерировалось. Сейчас оно транскрибируется — «Уорик». Какой вариант выбрать переводчику, если ему встретится имя собственное, содержащее звук [w]. Общий кругозор и начитанность

переводчика помогут ему определить, является ли данное имя в данном сочетании устоявшейся, принятой формой, известен ли данный конкретный человек или название грамотному носителю русского языка, или же это сравнительно новое заимствование. В первом случае следует выбирать традиционную форму — Доктор Ватсон, во втором — следовать современным правилам — Уитни Хьюстон [3, с. 78].

Ситуация со звуком [h] схожа с описанной выше. В соответствии с современными требованиями он передается русским [х]. Например, *Heathrow, Hewlett, Heart, Hue, Hugo* и должны звучать как «Хитроу, Хьюлет, Харт, Хью, Хьюго». Однако существует немало устоявшихся имен и названий, где этот звук передается с помощью русского [г]: *Harry, Herbert, Hyde Park, Huckleberry, Hudson* «Гарри, Герберт, Гайд Парк, Гекельбери, Гудзон». Здесь необходимо отметить особо, что в середине слова звук [h] не произносится, а потому и не «переводится»: *Graham Green* — это английский писатель «Грэм Грин» [3, с. 79].

Метод транслитерации остается применимым для некоторых безэквивалентных элементов английской графическо-фонетической системы и в наши дни. Например, звук [г] пишется даже там, где он не звучит: *Ford, Arthur,*

Baltimore, Moor, Darwin переводятся как «Форд, Артур, Балтимор, Мор, Дарвин».

Нейтральный [ə] передается той русской буквой, которая соответствует английской букве, образующей этот звук в английском слове: *Arthur, Eliot, Hampstead, Allan* звучат как «Артур, Элиот, Хэмпстед, Алан».

Удвоенные согласные обычно удваиваются и в переводе, причем отнюдь не для адекватной передачи звучания, а с целью сохранения графической формы. *Lloyd, Bennet, Bess, Willy, Rebecca* «Ллойд, Беннет, Бесс, Вили (или Уилли), Ребекка». Отметим, что и буквосочетание *ck* может трактоваться как удвоенная [к]: *Becky* «Бекки» [3, с. 84].

Приведенные варианты передачи безэквивалентных английских звуков помогут переводчику выбрать нужную графическую форму имени, фамилии или географического названия, с которыми он может столкнуться при переводе любого текста. В наиболее типичной ситуации перевода современного текста, несомненно, приоритет следует отдавать транскрипции собственных имен. Однако необходимо помнить, что современные требования относительно «перевода» имен и названий отступают перед устоявшимися десятилетиями, а иногда и веками, традиционными способами написания некоторых слов. [2, с. 113].

Литература:

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. — Изд.4-е. — М.: Р.Валент, 2009.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для институтов и факультетов иностранных языков / В.Н. Комиссаров. — М.: — Высшая школа, 1990.
3. Левицкая, Т. Проблемы перевода (англ.яз.) / Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. — М.: Международные отношения, 1976.
4. Леонович, О.А. В мире английских имен / О.А. Леонович. — Изд.2-е, испр. и доп. — М.: Издательство Астрель, 2002.

Диалоги в «Малине» – единство текста и музыки

Съёмщикова Елена Олеговна, аспирант

Елабужский Институт Казанского (Приволжского) Федерального Университета

Как известно, «Малина» — первое произведение из неоконченного цикла романов «Виды смертей» Ингеборг Бахман. По мнению А.В. Ерохина, это самая известная и сложная работа австрийской писательницы, написанная в лучших традициях «классического модернизма» [3, с. 253]. Основой сюжета романа является сплетение различных тематических мотивов. Он настолько многогранен, что в повествовании находят отражение многочисленные личностные и исторические проблемы, несмотря на то, что перечень действующих лиц невелик. Сама автор говорила, что «Малина» — ее «мнимая духовная биография» [1, с. 10]. Это роман о любви и смерти, насилии и свободе, чувстве и разуме. Зарождение, раз-

витие и крах любовных отношений безымянной героини («я») с неким Иваном происходит на фоне все более напряженного ее конфликта с реальностью [16]. С. Шлапоберская в предисловии к произведению отмечает, что временные пласты в повествовании то и дело смещаются, частые провалы в прошлое обличают зыбкость и неустойчивость настоящего [1, с. 10]. Внутренняя взволнованность автора дальнейшей судьбой всего мира выражена в монологах главной героини, в беседах с другими действующими лицами и даже во снах. Образ отца в книге является символом века, тысячелетия, человеческой истории [16]. Он — воплощение нацистского прошлого, поэтому сны главной героини наполнены ужасами прош-

лого, связанного с газовыми камерами и депортациями. Отец предстает перед рассказчицей то в образе палача, то в эсесовском обмундировании. Возможно, Бахман одной из первых удалось выразить странное ощущение «конца истории», настигшее Европу в конце восьмидесятых [3, с. 249]. Героиня борется с отцом за возможность выразить свое мнение, быть услышанной. Проблема слова в тексте тесно связана с темой языка. В монографии Е.В. Соколовой «Малина» проанализирован как роман о языке [6, с. 5]. У слова есть своя «черная магия», и произведение в немалой степени посвящено обнажению именно этой деструктивной ипостаси языка. Это прорывается наружу, в частности, в интервью, которое рассказчица дает представителю одной из популярных газет г-ну Мюльбауэру. В нем говорится о ремесле писателя — о буквах, словах, книгах, об «этих нечеловеческих, запечатленных и закрепленных знаках» [3, с. 249]. Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что роман «Малина» вобрал в себя основные грани тематики творчества Ингеборг Бахман, а именно: общественная и историческая память, проблемы языка и слова, поэтика умолчания, самоанализ и межличностные отношения.

На наш взгляд, еще один вопрос заслуживает внимания — это роль музыки на страницах книги. Именно она красной нитью опутывает все мотивы произведения. Она является элементом композиции, характеризует действующие лица, раскрывает их взаимоотношения и обнажает внутренний мир героини. Текст полон музыкальных аллюзий, в начале романа звучит тема «Лунного Пьеро» А. Шенберга, этот фрагмент, как отмечает сама Бахман, является одним из мотивов произведения [10, с. 75]. Мотет В. Моцарта «Ликуйте, возглашайте», упоминаемый в первой главе книги, несет на себе определенную смысловую нагрузку при анализе замысла всего произведения. В повествовании часто появляются ссылки на оперу Р. Вагнера «Тристан и Изольда». Помимо этого музыка возникает и в других различных проявлениях: мелодии из радио, песни, напевание главной героини, игра на музыкальных инструментах, ноты; музыка проникает в сны рассказчицы, проявляется в сочиненной ей исторической сказке «Тайны принцессы Кагранской». Наличие в литературном произведении такого рода примеров свидетельствует о проявлении тематической музыкальности обеих сфер: во-первых, сферы звука, к ней относятся упомянутые голоса, звуки телефона, шепот и крики, а также столь значимое для рассказчицы слуховое восприятие мира, и, во-вторых, сферы собственно музыкальных реалий — фортепиано, названия музыкальных произведений, ноты, имена композиторов [5, с. 104–106]. Стоит обратить внимание на другой подход к рассмотрению вопроса симбиоза двух искусств в рамках одного произведения. Он связан с понятием интермедальности. «Малина» соответствует примеру проявления внутрикомпозиционной интермедальности различных видов: множественной интермедальности (наличие в произведении связей различного рода искусств) и интермедальной референции

(взаимодействие разных видов искусств при условии, что произведение остается мономедийным) [15, с. 171–174]. Нельзя категорично утверждать принадлежность романа к тому или иному типу, поскольку сам автор классификации — В. Вольф — говорит о возможности анализа не только произведения в целом, но и его отдельных частей. Например, ноты, цитируемые на страницах книги, являются самостоятельным элементом, однако, этот фрагмент подвергается определенному подчинению общей тематике повествования, к тому же автор литературного текста оставляет за собой право выбирать угодный ему элемент музыкального произведения. Это и есть доказательство проявления множественной медиальности. А вот имитация средств другого искусства, например, использованная терминология, о чем мы будем говорить далее, относится к интермедальной референции.

Вопрос взаимодействия двух искусств в романе «Малина» не новый в современной науке. Исследованию данного аспекта посвящены книги Сюзанны Гройнер [10], Кати Шмидт-Вистофф [11], Корины Кадуф [9], Карла Солибакке [12], Гартмута Шписеке [13]. Все авторы сходятся во мнении, что музыка в произведении играет решающую роль, она возникает в переломные моменты и вызывает определенный диссонанс. Она напрямую связана с концепцией и проблематикой текста.

Такая форма повествования как диалог используется автором на протяжении всего романа. Однако разговоры главной героини и других действующих лиц нельзя назвать непринужденными беседами. Особый интерес представляет третья глава «Жизнь после смерти», которая, с начатым ранее пересказом и описанием сумбурных и зловещих сновидений, напоминает, по мнению А.В. Ерохина, клиническую картину истерии [3, с. 251]. Здесь собеседником «я» становится Малина. Именно их разговоры предоставляют возможность проникнуть в самые потаенные уголки сознания и внутреннего мира рассказчицы. На них мы и остановим наше внимание. Диалоги в «Малине» всегда носят ускользающий характер, они завязываются порой внезапно, и также неожиданно прерываются. Это может быть связано с прогрессирующими приступами героини, но также этот момент можно рассматривать как определенный прием некой недосказанности, умолчания. В диалогах третьей части Малина чаще является толкователем снов лирического «я», они часто обсуждают нерелевантные события, пытаются разобраться в причинах ее беспокойства. Главной проблемой рассказчицы является ее неспособность вспомнить: «В моем Воспоминании затер, всякое воспоминание для меня ломка» [1, с. 282]. Именно Малина своими беседами пытается ей помочь. У диалогов есть особая отличительная черта — их музыкальность. С. Гройнер считает, что на уровне конструкции данный текст сочинен как музыкальное произведение [10, с. 103]. Тем самым подтверждается единство обоих видов искусств. Главная героиня на протяжении всего романа особое значение придавала услышанному, и в этих диалогах именно использованная музыкальная терминология, требующая

определенной манеры произнесения написанных фраз, как нельзя лучше отображает то слуховое впечатление от текста, которое подразумевала сама автор. Бахман внедряет в текст лексику, применяемую в нотах для игры на музыкальных инструментах: *crescendo*, *accelerando*, *presto*, *piano* и др. Выбор этих терминов заслуживает особого внимания, ведь для определения характера речи героев было бы достаточно небольших пояснений, однако автор намеренно вводит эти понятия, указывая тем самым еще раз на сходство литературного и музыкального произведений. Голоса «я» и Малины являются самостоятельными, они даже в определенной степени представляют собой контраст, ведь на смысловом уровне герой часто оппонирует собеседнице. Необходимо также отметить, что музыкальными терминами автор характеризует лишь фразы, сказанные рассказчицей, Малиной же — никогда. Возможно, это связано с чрезмерной эмоциональностью героини, ведь ее друг — это «воплощенная дистанция» [1, с. 321]. Он более реален и рационален. Но, с другой стороны, их голоса настолько перекликаются между собой, что в звуковом отношении воспринимаются одновременно. Это сравнимо с контрапунктным методом в музыке, на что указывает в своем интервью сама Бахман: «*Der Schluss ist fast wie eine Partitur geschrieben. Es gibt nur noch zwei Stimmen, die mit — oder gegeneinander geführt werden und wie in der Musik Anweisungen bekommen (...)*» [7, с. 107].

Использованную автором специализированную лексику можно разделить на четыре группы:

1. Группа терминов, характеризующая темп высказывания: *accelerando* — постепенно ускоряя [4, с. 6], *presto* — быстро [4, с. 92], *prestissimo* — очень быстро [4, с. 92], *molto meno mosso* — медленнее [4, с. 73], *andante* — не быстро и не медленно [4, с. 10], *presto alla tedesca* — быстро (в немецком духе) [4, с. 92], *vivacissimamente* — в высшей степени скоро [4, с. 128], *allegro* — быстро [4, с. 9];

2. Группа терминов, характеризующая силу звука высказывания: *crescendo* — постепенно увеличивая силу звука [4, с. 33], *forte* — громко, сильно [4, с. 49], *piano* — тихо [4, с. 88], *pianissimo* — очень тихо [4, с. 88], *abbandonandosi* — стихая [4, с. 5], *sotto voce* — вполголоса, негромко [4, с. 109], *diminuendo* — постепенно ослабляя силу звука [4, с. 37];

3. Группа терминов, определяющая чувственную характеристику высказывания: *soavemente* — приветливо, нежно [4, с. 107], *agioso dolente* — певуче, жалобно [4, с. 12], *cantabile* — певуче [4, с. 24], *con sentiment ed espressione* — с чувством и выразительно [4, с. 104], *leggermente* — легко, непринужденно [4, с. 67], *con affetto* — с чувством [4, с. 30], *dolcissimo* — сладостнейший [4, с. 38], *lamentandosi* — жалобно [4, с. 66], *moderato* — умеренно, сдержанно [4, с. 77], *non troppo vivo* — не слишком живо [4, с. 82], *con fuoco* — страстно, пламенно [4, с. 51], *con brio* — живо, весело, возбужденно [4, с. 22], *pesieroso* — задумчиво [4, с. 87], *appassionato e con molto sentiment* —

страстно, с сильным чувством [4, с. 11], *mesto* — грустно, печально [4, с. 74];

4. Группа терминов, характеризующая способ исполнения музыкального произведения и определяющая манеру произнесения фраз: *senza pedale* — не применяя левую педаль [4, с. 104], *rubato* — указание на ритмически вольное, свободное исполнение [4, с. 100], *con sordina* — с сурдиной (в фортепианной музыке обозначает игру с поднятыми демпферами, т.е. с правой педалью) [4, с. 109], *tempo giusto* — темп, сообразный характеру произведения [4, с. 116], *quasi glissando* — подобно глиссандо (скольжение пальцев преимущественно по белым клавишам на фортепиано) [4, с. 93], *una corda* — с применением левой педали [4, с. 124], *tutte le corde* — играть, не применяя левую педаль [4, с. 123], *legato* — связанная игра на всех инструментах [4, с. 67].

Музыкальный эффект фраз обусловлен также влиянием значения понятий на структуру речи героев. Так, например, реплики с использованием той или иной группы терминов полностью соответствуют их характеристике. Если они обозначают быстрый темп, то его отражают часто короткие, обрывистые, нераспространенные и безличные предложения с большим количеством восклицательных знаков. С ними перекликаются также термины из второй группы, определяющие большую силу звука:

«Я (*allegro*): Но?... Вот видишь!» [1, с. 337].

«Я (*crescendo*): Перестань! <...> Ведь раздавили меня, а не тебя!» [1, с. 312].

Терминам, характеризующим медленный темп, а также меньшую силу звука, сопутствуют более полные и распространенные предложения, часто напоминающие размышления:

«Я (*molto meno mosso*): То, что ты и я можем сложить вместе, и есть жизнь. Тебе этого достаточно?» [1, с. 314].

«Я (*abbandonandosi*): Люби меня, нет, более того, люби меня больше, люби меня безоглядно, чтобы скорее пришел конец» [1, с. 318].

Фразы, определяемые музыкальными понятиями третьей группы, характеризующие эмоциональное состояние рассказчицы, которое, к примеру, можно было бы обозначить как возбужденное, — отрывистые, с восклицательными знаками. Они полны противоречий, героиня как будто путается в своих мыслях, перебирая фразу за фразой, задавая вопросы:

«Я (*con brio*): Победишь! Кто здесь еще говорит о победе, когда потерял знак, под которым можно было победить» [1, с. 336].

Применение терминов четвертой группы не так явно отразилось на структуре фраз, поскольку нелегко перенести в словесный текст столь узкие специализированные команды. Если, например, усилить звук читатель может за счет увеличения громкости голоса, ускорить темп более быстрым прочтением, то такое требование, как применение левой педали, например, предполагает более глубокое понимание музыкальной грамоты и не всегда в точности может соответствовать заявленным автором требованиям. Однако,

есть примеры и из этой группы, когда синтаксическая составляющая текста соответствует термину:

«<...> Я (quasi glissando): Потом все испортилось, сработалось, поизносилось, я исполнила то, чего мне особенно не доставало, и мне кажется, что я выздоровела. Так что я опять почти такая же, какой была <...>» [1, с. 332].

Требующие плавного и скользящего исполнения определения обуславливают наличие в тексте бессоюзных перечислений. Длинное распространенное предложение героиня произносит как бы на одном дыхании.

Проанализировав диалоги третьей части книги, можно сделать вывод о том, что этот фрагмент романа является ярким примером взаимодействия двух искусств в контексте одного произведения. Здесь можно говорить о явлении подражания (согласно классификации К. Брауна), поскольку автор особым способом построения фраз в диалогах пытается придать им эффект музыкальности [8, с. 35–36]. Впечатление усиливается за счет использования музыкальной терминологии, которая является определяющей при выборе синтаксической оболочки предложения. Упомянутый контрапунктный метод присутствует в диалогах, поскольку по определению он характеризуется статичностью темы [14, с. 35], а собеседники, Малина и «я» обсуждают интересующие их общие вопросы. Несомненно, на протяжении разговора, тема беседы может меняться, но всегда существует возможность рассмотрения диалога не на всем протяжении третьей главы, а частями. Да и сам текст последней части допускает, что

беседа может прерваться и в дальнейшем получить новое направление. Что касается полифонного характера контрапунктной вариации, то стоит отметить, что традиционной литературе чужда одновременная акустическая реализация нескольких голосов. По мнению Н.Н. Брагиной, не стоит употреблять термин «полифония» как синоним «диалога» [2, с. 67]. Однако, если графически представить это достаточно сложно, то на смысловом уровне и уровне слухового восприятия это вполне возможно, голоса Малины и «я» звучат одновременно. Особенно, если принимать во внимание использованные музыкальные термины, благодаря которым читатели имеют возможность почувствовать и сымитировать вложенный в них изначальный авторский смысл. Музыкальная лексика не оставляет место догадке, одни и те же фразы приобретают, благодаря им, совершенно разный смысл, но не за счет фантазии читателей, а вполне обоснованно и продуманно. Так, все эти приемы обостряют проблематику и конфликтность текста. Бахман часто говорила о кризисе языка, обвиняя слова в их недосказанности: «Если бы у нас было Слово, был язык, нам не понадобилось бы оружие», — заявила она в одной из своих франкфуртских лекций [1, с. 8]. Так, возможно, наделяя слово такими качествами, как музыкальность, заимствуя определенный арсенал терминов у другого искусства, обогащенный язык в полной мере начинает соответствовать требованиям автора, отражая всецело ее позицию и раскрывая все грани написанных произведений.

Литература:

1. Бахман И. Малина. Роман. Перевод с немецкого и вступление С. Шлапоберской. М.: «Аграф», 1998. 368 с.
2. Брагина Н.Н. О возможности анализа литературного текста методом, принятым в музыковедении // Вопросы филологии, 2010. № 1. С. 64–73.
3. История австрийской литературы XX века: в 2 т., М: ИМЛИ им. Горького РАН, 2010 – Т.2: 1945 – 2000 / отв. ред. В.Д. Седелник. 2010. 576 с.
4. Крутняева Т.С., Молокова Н.В. Словарь иностранных музыкальных терминов. Л.: Музыка, 1988. 136 с.
5. Мышьякова Н.М. Литература и музыка в русской культуре XIX века /Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения / Российский государственный университет им. Герцена. Санкт-Петербург, 2003. 234 с.
6. Соколова Е.В. Творчество Ингеборг Бахман. Понятия «язык» и «молчание» / Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Литературный институт им. А.М. Горького. М., 2001. – 25 с.
7. Bachmann I. Wir müssen wahre Sätze finden: Gespräche und Interview. München, Zürich: Piper, 1983. – S. 107.
8. Brown Calvin S. Theoretische Grundlagen zum Studium der Wechselverhältnisse zwischen Literatur und Musik (Übersetzung von Margaret P. Robinson) // Literatur und Musik. Ein Handbuch zur Theorie und Praxis eines komparativischen Grenzgebietes / Hrsg. Von Steven Paul Scher. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1984. S. 28–39.
9. Caduff C. «dadim, dadam» – Figuren der Musik in der Literatur Ingeborg Bachmanns. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998. 259 S.
10. Greuner S. Literatur im historischen Prozess. Schmerzton Musik in der Schreibweise von Ingeborg Bachmann und Anne Duden. Hamburg; Berlin: Argument Verlag, 1990. 171 S.
11. Schmidt-Wistoff K. Dichtung und Musik bei Ingeborg Bachmann und Hans Werner Henze: «der Augenblick der Wahrheit» am Beispiel ihres Operschaffens. München: Iudicium, 2001. 314 S.
12. Solibakke K. Geformte Zeit. Musik als Diskurs und Struktur bei Bachmann und Bernhard . Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 2005. 307 S.
13. Spiesecke H. Ein Wohlklang schmilzt das Eis. Ingeborg Bachmanns musikalische Poetik. Berlin: Norman Klaunig Verlag, 1993. 253 S.

14. Petri H. Literatur und Musik. Form und Strukturparallelen. Göttingen: Sachse E Pohl Verlag, 1964. 94 S.
15. Wolf W. Intermedialität: ein weiteres Feld und eine Herausforderung für die Literaturwissenschaft // Literaturwissenschaft: intermedial-interdisziplinär / (Hg.) Herbert Foltinek, Christoph Leitgeb. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaft, 2002. S. 163–230.
16. Соколова Е.В. Имя против любви. Журнал «Иностранная литература», 1999, №9. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/9/sred02.html> (дата обращения 01.02.2012)

Абзац – предложение в зачине художественного текста

Храмушина Людмила Максимовна, кандидат филологических наук, ст. преподаватель
Московский городской педагогический университет

Статья посвящена анализу композиционно-смысловых и функционально-стилистических особенностей однопредложенческих абзацев в зачине художественного текста.

Ключевые слова: *текстовая пресуппозиция, диктема, стилизация.*

The article deals with the analysis of composition-semantic and functional-stylistic peculiarities of one-sentence paragraphs at the beginning of a belles-lettres text.

Key words: *textual presupposition, dicteme, stylization.*

Текст представляет собой конечный продукт речевой деятельности человека. Письменный текст и его наиболее совершенная разновидность — книжно-печатный текст — есть продукт сознательной обработки, редакционной шлифовки. Будучи завершённым «речевым произведением», текст не может входить в систему языка во всей своей конкретности и непосредственной выраженности. С другой стороны, в тексте выделяются такие компоненты строя, как сегментные и внесегментные, которые наряду с другими, нижележащими элементами языка, служат для говорящего материальными средствами развернутого выражения его мыслей. Одним из таких компонентов, уже прочно попавших в поле зрения исследователей, является абзац — наиболее прозрачно и однозначно выделяемый сегмент письменного, и особенно книжно-печатного, текста, структурная модель которого имеет четкое семантико-функциональное назначение. Это назначение можно выразить формулой: «Тематическое развитие содержания текста».

Абзац как речевой сегмент сам по себе не является предельной, элементарной единицей строения текста: будучи органической принадлежностью письменной речи, он не имеет универсального характера в глобальных рамках языка как системы средств речемыслительной деятельности. На роль такой универсальной единицы, как известно, исследователями выдвигается сверхфразовое единство (в других терминах — кумулема, сложное синтаксическое целое, прозаическая строфа, складень и др. [1, с. 56]) — последовательность самостоятельных предложений, объединенных структурно и семантически в виде отдельного звена разворачивающейся речевой цепи.

Наблюдения над речевым материалом, однако, показывают, что предложения в тексте далеко не всегда фор-

мируют структурно спаянные группы; то или иное предложение может стоять в тексте особняком, коррелируя со сверхфразовыми единствами (структурно спаянными группами предложений) по своему информационно-коммуникативному назначению. На основании учета данной корреляции было установлено, что универсальной элементарной единицей текста (элементарной сегментарной единицей), обладающей особой текстостроительной функцией, является именно «двуликкая» единица, т.е. текстовый сегмент, формируемый либо объединением предложений (сверхфразовым единством), либо одним единственным предложением аналогичного коммуникативного назначения. Данное назначение определяется как «тематическое» («топикальное»): оно состоит в тематизации или тематической интеграции текста. Эта единица была названа «диктемой» (от лат. *dicere* — «говорить») [1, с. 58].

Сопоставление двух названных речевых сегментов — абзаца и диктемы — позволяет говорить о сложности и неоднозначности их соотношения. Во-первых, абзац принадлежит к письменной речи и выделяется в книжно-печатном тексте, а диктема (как и ее частная разновидность — сверхфразовое единство) выделяется в любом виде речи, как письменной, так и устной. Во-вторых, абзац является единицей композиции текста, и его оформление строго подчинено содержательно-экспрессивному замыслу произведения. В-третьих, поскольку фонетический признак раздела диктем в речи, а именно, пауза (диерема) протяженностью в две с половиной моры, не отличается от фонетического признака раздела абзацев (в устном воспроизведении), диктема, как правило, не выходит за пределы абзаца (если этот выход не продиктован особым экспрессивным заданием, т.е. если он не является транспониру-

ющим). Абзац же, с другой стороны, может содержать в своем составе несколько диктем разного объема.

Следовательно, абзац и диктема, в конечном счете, представляют собой текстовые сегменты, хотя и существенно различные, но сопредельные. Являясь синтаксико-композиционным элементом письменного (печатного) текста, абзац в своем пределе — минимуме формируется диктемой, которая оказывается построенной одним единственным предложением.

Письменная диктема данного типа, т.е. диктема, выраженная абзацем-предложением, выполняет в тексте важнейшую семантико-композиционную роль. В художественном повествовании (монологический текст) абзац-предложение отмечает либо исток развертывания действия (сюжета, рассуждения), либо его пик, либо его поворот, либо его остановку, иными словами, однопредложенческая диктема является предельно-элементарной единицей тематизации текста. Через диктему в рамках аспекта тематизации реализуются проспективные и ретроспективные связи текста, а также осуществляется действие текстовой пресуппозиции. Другой, не менее важной характеристикой диктемы является ее стилистическая охарактеризованность (стилистика), которая, подобно тематической охарактеризованности, собирается от диктемы к диктеме и отображается на целом тексте. В зависимости от соотносительной силы функционального воздействия стилистика диктемы может быть экспрессивной (сильной) или неэкспрессивной (слабой). Выявление в диктеме стилистических показателей имеет важное значение для раскрытия выразительности речи в каждом конкретном случае.

В композиционной структуре текста обычно выделяются три определяющие части со своей тематической ролью: начало (зачин), середина (медиальная часть) и конец (финал). Соответственно, трехчастной структуре композиции текста абзацы-предложения (далее — АП) могут быть подразделены на зачинные (инициальные), серединные (медиальные) и заключительные (финальные).

Функциональная специфика любого структурно-семантического типа АП обусловлена двумя факторами: с одной стороны, он представляет собой определенный самостоятельный сегмент текста, а с другой стороны, он включен в более широкий контекст и подчиняется композиционным законам, которые определяют построение произведения в целом. Особое значение в этой связи приобретают зачинный и финальный (заключительный) АП.

На основании анализа текстовых (тематических) функций, выполняемых зачинными АП выделяются следующие их информационные типы: АП — экспозиция, АП — псевдопродолжение («начало с середины»), АП — размышление и АП — обобщение. Каждый тип отличается особенностями своего строения, так что выделенные информационные типы зачинных АП являются одновременно структурно-семантическими типами.

Под экспозицией имеется в виду информация о широко понимаемом деятеле (субъекте, предмете высказывания), месте и времени действия.

Подобное начало — экспозиция строится на предположении, что читателю ничего неизвестно об описываемых событиях. В логически построенном начале текста такая информация вводится в экзистенциальном предложении, в котором утверждается факт существования объекта. «Идеальной» моделью введения этих основных координат моделируемой художником действительности является предложение с вводной конструкцией *there + be + N*. Другим типом предложения, близким по смысловому содержанию к названному выше, является предложение, построенное по модели: «существительное + глагол, обозначающий формы существования описываемого объекта». Описываемый объект (подлежащее) в обоих типах предложений обычно обозначается нарицательным именем существительным с неопределенным артиклем и вводится в повествование сообщением о его существовании или появлении на определенном участке пространства и времени. Например,

1. *There was a boy who lived in a small house in a small town in the centre of Africa. [Lessing]*

2. *A rather stout man with a pink face wears dingy trousers, a blue coat with a pink handkerchief showing, and a straw hat much too small for him, perched at the back of his head. [Mansfield]*

Выделение данных предложений в абзац является логически и тематически мотивированным: обе диктемы не выдержали бы теста на присоединение их к последующим абзацам, поскольку последние имеют другие темы, связанные с информацией о семье юноши (1-ый пример) и с описанием утра (2-ой пример).

Через диктему, в рамках аспекта тематизации, реализуются близкие и далекие связи текста, за которыми стоит и пресуппозиция в виде знаний различных реалий. В приведенных выше однопредложенческих диктемах выражается значение оценочности, которое нацеливает читателя на восприятие описываемого персонажа в определенном ракурсе, то есть с самого начала создаются элементы его образа. Очевидно, что по степени воздействия на воображение читателя стилизация второй диктемы является более сильной, чем стилизация первой: образ выцветших фланелевых штанов героя, синего пальто с розовым носовым платком, соломенной шляпы, сдвинутой на затылок, вызывает у читателя снисходительно-ироническое отношение к персонажу.

Типическими синтаксическими выразителями экспозитивного АП служат предложения с придаточными определительными или атрибутивными оборотами, содержащие в своем составе именные сказуемые или глагольные сказуемые с семой бытийности. Своеобразие семантики экспозитивного АП отражается на его актуальном членении таким образом, что в состав ремы включается подлежащее, поскольку главным назначением экспозитивного абзаца является сообщение о наличии объекта повествования в определенном месте.

В систему ориентиров экспозитивного АП, помимо персонажей, могут входить образы естественной и вещной

природы. Назначением такого АП является создание определенного фона для выражения эмоционально-психологического состояния персонажа, который появится в последующем тексте. Например,

3. Dusk — of a summer night. [Dreiser]

4. Hundreds of miles south were the gold-bearing reefs of Johannesburg; hundreds of miles north, the rich copper mines [Lessing]

Роль таких АП в тексте велика: природа, какие-то предметы могут сами становиться образами. Так, роман Т. Дрейзера заканчивается казнью Клайда, и в финале дается та же картина летних сумерек, спускающихся на город: предложение-диктема повторяется в конце романа и становится образом сумеречного внешнего облика Америки, за которым скрывается трагическая судьба простого человека.

Выделение предложений 3 и 4 в отдельные абзацы тематически обусловлено: следующие за ним абзацы имеют другие темы. Стилизация обеих диктем сильная; специфическое актуальное членение этих АП выделяет ключевые части синтагм и, тем самым, создает особую функциональную перспективу текста.

Итак, предложение-экспозиция, занимая сильную позицию в тексте, играет важную роль в смысловом (тематическом) развертывании текста. Являясь исходным информационным центром произведения экспозитивный АП побуждает читателя к продолжению чтения и нацеливает его на определенное восприятие текста.

Фактический материал свидетельствует, что в современном художественном произведении «идеальная» модель построения текста часто оказывается «нарушенной»: не всякое произведение начинается с экспозиции. Довольно типичен внезапный приступ (*ex abrupto*), когда изложение начинается с уже развивающегося действия, т.е. читатель вводится в центр события без предварительной подачи исходной ситуации. Зачинный АП такого рода характеризуется различного рода «нарушениями» законов интродукции и назван нами «АП-псевдопродолжение» (его принятое название «начало с середины»).

Для зачинных АП типа псевдопродолжения характерно употребление определенного артикля, притяжательных, указательных и некоторых неопределенных местоимений (таких, как *all, everything*), а также имен собственных для первичного введения объекта повествования. Использование названных языковых средств в зачинах носит не анафорический, а катафорический характер [3, с. 113].

Наибольшая смысловая недостаточность названных единиц проявляется при использовании местоимений *this, that, it* для проспективного замещения целой ситуации. Например,

5. After it happened, the neighbours all said they'd always known there was something queer about Mr. Markham: the way he came downstairs, hugging the walls as though <...>, the way he played organ music <...>. [Francis]

Автор как бы апеллирует к памяти читателя, исходя из псевдопрезумпции его предварительного знакомства

с происшедшим — самоубийством главного персонажа — поэта, тонкого музыканта, который не смог приспособиться к окружающей действительности. В современных произведениях зачинный АП может содержать прямое обращение автора к читателю — прием, известный в литературоведении под названием «фиктивный диалог». Зачин такого рода призван имитировать обстановку реального общения; автор превращает читателя в своего собеседника, создавая необходимую «презумпцию понимания», доверия к читателю. Например,

6. ...You see that big nail to the right of the front wall? [Mansfield]

«Пустующие семантические ячейки» (информационные зияния), связанные с использованием перечисленных выше языковых элементов, вызывают у читателя потребность читать дальше, естественное желание эти зияния закрыть. Выделение предложений 5 и 6 является тематически обусловленным: следующие за ним абзацы имеют другие микротемы. Параллелизм конструкций (5-ый АП), вопрос в монологическом тексте, данный в сочетании с предваряющим многоточием (6-ой АП), способствуют усилению перцептивного напряжения читателя.

К зачинам, характеризующимся «нарушением» законов интродукции, можно отнести АП-размышление. Смысловой особенностью такого АП является то, что он не вводит основных координат — персонаж, время, место действия. Основу его содержания составляет выражение мировоззрения автора, его точки зрения на какой-то факт действительности или вывод, сделанный им на основе собственного жизненного опыта или опыта, накопленного человечеством. Назначение такого зачина заключается в том, чтобы сообщить читателю индивидуально-авторское понимание причинно-следственных отношений между изображаемыми им явлениями действительности. Этим объясняется важная роль АП-размышления в раскрытии образа автора как организующей силы произведения. Например,

7. If there is anything worse than burn-cutting or breaking stones, it's putting corn in with a hoe. [Lessing]

Выделение данного предложения в абзац является тематически и логически обусловленным, так как последующий абзац представляет собой переход от размышления к повествованию, иллюстрирующему сделанное заключение. Стилизация диктемы форсированная, создающая через рассуждение образ напряженного труда земледельца. АП типа размышление представлены сложноподчиненными предложениями с придаточными условными, причинными, дополнительными, атрибутивными, в которых разными средствами выражаются послышки умозаключений.

Назначение АП типа обобщение — передача в краткой, сжатой форме квинтэссенции замысла произведения. Это важнейшая диктема в произведении: она может представлять собой аналог введения или предисловия и прямо коррелирует с заголовком. Зачин подобного рода по своему языковому оформлению может приближаться к зачинам в

публицистических и научных текстах; он может и пародировать их. Например,

8. The Tribulations of the Simple Husband Who Wanted Nothing More Than To Eat Goose but was Denied the Delight by His Unfaithful Wife and Her Arrogant but Probably Handsome Lover. [Saroyan]

Выделение данного предложения в обобщающий абзац прозрачно мотивируется последующим текстом: за обобщением следует конкретизация его содержания. Стилизация диктемы усиленно-экспрессивная: имена нарицательные, данные с заглавной буквы, должны были бы придавать АП и тексту торжественно-приподнятую окраску морального обвинения «на котурнах», однако тривиальный предмет обвинения сразу же сообщает повествованию иронический и пародийный характер. Доминирующими типами АП обобщения являются сложнопод-

чиненные предложения с придаточными атрибутивными, дополнительными, причинными, выдающими, как и все АП-рассуждения, посылки умозаключений, однако, как правило, в более скрытом виде.

Итак, анализ содержательных и языковых характеристик зачинных однопредложенческих абзацев свидетельствует о том, что АП представляет собой важнейшую диктему, играющую кардинальную роль в текстообразовании. Однопредложенческая диктема отражает существенные смысловые узлы сюжетного развития художественного текста. В силу такого функционально специфицированного назначения АП нередко оказывается эмоционально нагруженным. Набор языковых средств и само выделение предложения в отдельный абзац нацелено в каждом конкретном случае на усиленное экспрессивно-эстетическое воздействие на читателя.

Литература:

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка. Вопросы языкознания. — М., 2000. — №4. — с. 56–67
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. — М.: Высшая школа, 1981. — 374 с.
3. Дресслер В. Синтаксис текста / Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — Вып.8. — с. 111–138.
4. Текст и его компоненты как объекты комплексного анализа в вузе: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И.В. Арнольд — Л.: ЛЛГПИ им. А.И. Герцена, 1984. — 159 с.
5. Dreiser T. An American Tragedy. — NY, 1964. — 831p.
6. Francis D. Flying Finish — London and Sydney: Pan Books, 1968. — 223p.
7. Lessing D. Collected African Stories. This was the Old chief's Country. Vol. I. — St. Albans: Triad Panther Books, Frogmore, 1979. — 397p.
8. Mansfield K. The Garden Party — Harmonds-worth (Mx.): Penguin books, 1951. — 202p.
9. Saroyan W. Selected short stories — М.: Progress Publishers, 1975. — 464p.

Текстоорганизующая роль финального абзаца-предложения в художественном произведении

Храмушина Людмила Максимовна, кандидат филологических наук, ст. преподаватель
Московский городской педагогический университет

Художественное произведение представляет собой целостное, завершённое, структурно-смысловое единство, которое имеет формальные границы начала и конца; таким образом, актуальность проблемы «рамки» художественного текста представляется очевидной. Проблема «рамки» существует во всех видах искусства — в театре (роль «рамки» выполняет рампа, занавес), в кинематографе — кадры (каждый кадр имеет такие пространственные границы, которые заключают его в самом себе), в живописи — это рама, в которую вставлена картина.

В точности то же самое характерно и для литературного произведения, которое также имеет формальные границы начала и конца (это относится как ко всему тексту в целом, так и к его фрагментам — главам, частям). Принцип «начала» и «конца» четко прослеживается на текстовых по-

строениях: именно в рамках «начала» и «конца» происходит отмежевание пространственными и временными границами одного действия от другого. Начало и конец любого текста имеют большую смысловую нагруженность: они отделяют текст от нетекста.

Тексты некоторых жанров характеризуются клишированностью начал и концовок; это относится, прежде всего, к деловым бумагам (заявлениям, счетам, договорам, рапортам и пр.).

Зачины и концовки современных художественных текстов не характеризуются такой четкой клишированностью, и, тем не менее, исследователи единодушны в том, что их роль для восприятия художественного текста как законченного целого велика. А.П. Чехов писал, что для писателя особую трудность представляют финалы произ-

ведений. «Есть у меня интересный сюжет для комедии», пишет он Суворину 4 июня 1882 года, «но не придумал еще конца. Кто изобретет концы для пьесы, тот откроет новую эру. Не даются подлые концы! Герой или женись или застрелись; другого выхода нет»¹.

Признавая важное значение концовки произведений, следует сказать, что у ученых нет единства мнений относительно того, какую единицу текста относить к концовке. Это связано, очевидно, с субъективным характером восприятия художественного текста, что затрудняет определение точки повествования, с которой начинается концовка.

Г.Я. Солганин называет концовкой текста сверхфрагментное единство (СФЕ) [Солганин 1973], И.В. Арнольд подводит под это понятие несколько заключительных строк, которые имеют важное значение в осмыслении целого [Арнольд 1978].

Большинство современных ученых в качестве заключительной единицы текста называют абзац.

Утвердившийся в последние годы коммуникативно-функциональный подход к изучению текста предполагает исследование функциональных характеристик отдельных композиционно-тематических единиц текста, взятых в различных сферах коммуникации.

Среди композиционно-тематических единиц особого внимания, по праву последнего фрагмента текста, заслуживает его финал, концовка.

В настоящей статье под финалом (концовкой) текста понимается синтаксическое образование, занимающее финальную позицию в синтаксическом построении более высокого уровня — текста и входящее в это построение на положении составляющей его композиционно-тематической структуры. Такой единицей в данной работе является финальный абзац, представленный одним единственным предложением (далее сокращенно АП — абзац-предложение). Функциональная значимость финального АП определяется его конечной позицией в повествовательной монологической последовательности. Эта значимость проявляется также в виде его отношений к остальному тексту и его отдельным композиционно-тематическим частям — медиальной части и зачину.

Анализ композиционно-тематической и функционально-стилистической роли АП мы проводим в рамках теории диктемы, разрабатываемой в работах М.Я. Блоха и его последователей. Диктема является структурной, универсальной, элементарной единицей текста. В диктеме находят совокупное выражение четыре главных знаковых аспекта речи: название объектов и ситуаций (номинатив), установление их связи с действительностью (предикация), смысловое упорядочивание их отражения, отвечающее информационной цели сообщения (тематизация) и выбор языковых форм, соответствующих условиям и требованиям коммуникации (стилистика) (М.Я. Блох). Диктема может быть представлена СФЕ, либо одним

предложением аналогичного коммуникативного содержания, состоящего, в данном случае, в реализации организации макроструктуры текста.

Таким образом, информационное содержание финального АП, важное в текстоорганизации, изучается через диктеменный строй этой единицы текста, ее семантико-синтаксическую организацию.

В понятиях композиционно-речевых форм тематико-синтаксическое содержание финальных диктем (представленных абзацем-предложением) представляет собой «развязку действия», «резюме», «оценку». Данные концовки мы относим к концовкам «закрытого» типа. К концовкам «открытого» типа мы относим «кульминацию», «заявку на будущее» и «обманутое ожидание».

Заключительный АП типа «развязка» является формальным завершением художественного произведения (или его части); он совпадает с развязкой произведения. Наступает состояние равновесия, о котором Б.Томашевский писал: «Примиренная ситуация дальнейшего движения не вызывает, ожиданий в читателе не возбуждает» [Томашевский 1927, с. 135].

Приведем в качестве примера заключительный фрагмент из рассказа Лоуренса «Прусский офицер»:

He died in the hospital at night, without having seen again.

The doctors saw the bruises on his legs, behind, and were silent.

The bodies of the two men lay together, side by side, in the mortuary, the one white and slender, but laid rigidly at rest, the other looking as if every moment it must rouse into life again, so young and unused, from a slumber [Lawrence, P.29].

Структура данного рассказа имеет отчетливую завершенность, единую психологическую и фабульную развязку: смерть главных персонажей исключает возможность дальнейшего продолжения повествования. Чтобы выявить роль финального АП необходимо рассмотреть его на фоне всего текста. Реализация основной темы рассказа основывается на противопоставлении (контрасте) главных персонажей рассказа — прусского офицера и его денщика. Офицер вобрал в себя все худшие черты, это — военный манекен, бесчувственный человек, винтик прусской военной машины, целиком сосредоточенный на себе и на том, чтобы его денщик и подчиненные относились к нему с трепетом, страхом. В противоположность офицеру его денщик, молодой деревенский парень, никак не может угодить офицеру, ибо в нем проскальзывают какие-то личные побуждения, стремления, т.е. обнаруживаются обычные человеческие качества. Офицер не может превратить его в послушный автомат и поэтому начинает издеваться над ним. Измученный разного рода унижениями и побоями, денщик душит офицера и уходит. Когда находят денщика, то все с ужасом смотрят на его синяки и раны.

¹ Цит. по Горнфельд А.Г. «Чеховские финалы». — «Красная новь», 1939, №8, С.289.

Итак, темой рассказ является изображение бесчеловечности прусской военной машины, представителем которой является офицер, и противопоставление антагонистически настроенного по отношению к нему денщика (the one white and slender... the other looking as if...).

Все три предложения-диктемы объединяются тематически, образуя гипертему. Набор номенклатурных дескрипторов (термин Н.Е.Юдиной): he, the bruises on his legs, the bodies of the two men, the one, the other связывают эти АП и свидетельствуют об их принадлежности к одному тематическому полю. Все три АП можно было бы объединить в один. Однако автор, исходя из семантико-экспрессивной задачи выделяет каждое предложение в отдельный абзац.

Предложение-диктема, будучи предельной линейной единицей речи, является также наименьшим сегментом, характеризующимся стилистической охарактеризованностью; последняя обуславливается, прежде всего, его «выдвижением», а также приемом антитезы (параллельно с темой смерти возникает тема жизни, молодости).

Приведем еще два коротких финальных АП из рассказа К. Мэнсфилд «Барон»:

Next day the Baron was gone.

Sic transit Gloria Germani mundi. [Mansfield, P.23]

Логическая развязка дается автором в предпоследнем АП. Возникает вопрос: зачем автор в конце рассказа дает курсивом перефразированную латинскую пословицу «Sic transit Gloria mundi» («Так проходит земная слава»)? Здесь наблюдается как бы «диктемный разлом» (разлом диктемы), т.е. переход к совершенно иной микротеме. Но этот «разлом» эксплицирует сильное эмоциональное воздействие на читателя — ироничное звучание латинской пословицы усиливает сарказм автора в отношении «загадочности, таинственности» людей высшего общества, одним из представителей которого является барон.

Практический материал свидетельствует, что стилизация таких финальных АП сильная, степень экспрессивного воздействия — высокая.

Диктема финала — резюме¹ представляет собой высказывание в повествовательном тексте, цель которого образовать замкнутый текст (или фрагмент), пересекающийся или не пересекающийся с сюжетной фабулой.

АП — резюме, пересекающийся с сюжетной линией повествования, образуют его автономное завершение. Диктемы-резюме синсемантичны, т.е. они реализуют свое значение только в составе всего текста или его крупного фрагмента. Индикаторами синсемантики служат такие слова, как: all that, after all, those things, etc.

Заключительный АП может представлять собой диктему-резюме, не пересекающуюся непосредственно с фабулой художественного произведения. АП-резюме этого типа приближается по смыслу к терминам логико-фило-

софской системы, поскольку они полностью отходят от конкретных картин и персонажей и образным языком делают вывод онтологического характера, по отношению к которому конкретные судьбы людей и происшествия, случившиеся с ними, получают значение иллюстрации яркого, но частного характера.

В языковом отношении они представляют собой предложения-высказывания описывающего или повествовательного характера плана автора-рассказчика; глаголы-сказуемые употребляются в настоящем индифинитном времени, т.к. подобные резюмирующие АП-диктемы носят обобщающий, вневременной характер.

Например, АП-резюме из рассказа П. Уорунга «John Price's Bar of Steel»:

Fame is a product of accident, so is infamy.

В рассказе описывается жизнь ссыльных каторжан в Австралии. Документальный стиль рассказа, введение подлинных исторических персонажей придают правдивость изображаемому. С публицистической страстностью автор обвиняет общественную систему (слово «система» дается автором с заглавной буквы), которая безжалостно калечит души и людей и низводит их до положения животных. Каторжанин Данкен был незаконно обвинен в хранении запрещенного предмета «a bar of steel», который был ему подброшен. Тема резюмирующего АП связана с темой рассказа опосредованно, параллелизмом отношений с сюжетом рассказа без непосредственной связи с его фабулой. Авторское резюме гласит, что и «слава — дело случая, и позор тоже».

Приведем еще заключительный АП из рассказа Х. Портера «Кафе Флориа»:

The dead do not go; they sip at the unsugared black; they stay. [ASS, P.283]

Весь рассказ построен на подтексте. У действующих лиц нет имен — это безликие «он», «она», «они», которые изрекают отрепетированные, банальные фразы. Завсегдатаи кафе — анонимные фигуры — вульгарны в своих чувствах, лживы в помыслах, расчетливы в поступках, скучны и однообразны. Рассказ сатиричен, обобщение представлено как универсальное заключение о современной жизни. Данный АП-диктема образует тематическое единство с зачинным АП, вводящим тему рассказа — тему неизменности, вечности маленьких кафе, которые переживают королей и правительства, в которых однообразно течет своя жизнь.

Резюмирующие АП характеризуются не только логическим содержанием, но и довольно высокой степенью стилистической охарактеризованности, которая является следствием употребления различных языковых средств, таких как инверсия, оксюморон — they (the dead) sip at the unsugared black; they stay и пр. Иными словами, стилизация финальных резюмирующих однопредложенческих диктем сильная. Доминирующими языковыми типами

¹ Резюме — это «краткий вывод из сказанного, написанного» [Ожегов 1984: 601].

данных АП являются простые и сложносочиненные предложения с глаголами-сказуемыми в настоящем времени.

К однопредложенческим АП закрытого типа мы относим также АП — «оценка». Под оценкой мы понимаем «отражение мнения о чем-либо, установление степени чего-либо» [Кондаков 1975, с. 426].

Некоторые исследователи рассматривают оценку как модальность [Гальперин 1981, с. 119], причем они разделяют субъективно-оценочную модальность фразового порядка и текстовую оценочную модальность. Оценочная модальность имеет место тогда, когда читатель может составить себе представление о тексте в целом или его фрагменте.

Заключительный АП, имеющий оценочное значение «хорошо» или «плохо», близок по смысловому значению к АП-резюме, отличаясь, однако, от последнего наличием оценочного значения.

Приведем в пример следующий заключительный абзац из рассказа У. Сарояна «I know you good»:

The world was foo, the human race was foo, love was foo, hate was foo, and above all things a man himself was foo» [Saroyan, P.71]

Данный АП, выражая отрицательное суждение-оценку, замыкает рассказ, завершая одновременно его тему, данную в заголовке. Резко отрицательный смысл финального АП-оценки раскрывается ретроспективно. Предложение-диктема, содержащее отрицательно-оценочный окказионализм *foo*, соответствующий оценочному слову *bad*, способствует созданию экспрессивности текста, т.е. стилизация этой диктемы сильная, которая достигается использованием окказионального слова *foo*, а также параллелизмом синтаксических конструкций, т.е. мы имеем дело с субъективно-оценочной модальностью текста.

Итак, описанные выше типы заключительных АП закрытого типа завершают произведение не только формально, но и в композиционно-тематическом отношении, ставя последнюю точку в поступательном развертывании сюжета произведения или его глав, частей. Они не порождают возможного дальнейшего развертывания событий.

По мнению литературоведов, проблема «открытого» финала чрезвычайно важна для понимания специфики литературных произведений современных авторов. Эволюция финалов в сторону «открытости» выступает как устойчивая закономерность развития европейской литературы нового времени: «Конфликты все реже исчерпывают себя в изображаемом действии, перипетии оказываются не такими уж значимыми, финалы выступают как многоточия (*non-finito*)» [Хализев 1981, с. 192].

В произведениях (или главах, частях), имеющих конечный ААП «открытого» типа, автор намеренно оставляет вопрос нерешенным, предоставляя читателю возможность сделать это самому. Но именно подобный «открытый» конец соответствует авторскому замыслу: открытость оказывается знаменательной. М.А. Петровский писал по этому поводу: «Эффект неполной развязки в том, что смысловой центр тяжести рассказа ретроспек-

тивно переносится с фактов на отношения к ним. Фактически (сюжетно) узел не развязан, но архитектурно (формально) все компоненты налицо, только место развязки заполнено особым (нефактическим) смысловым содержанием» [Петровский 1927, с. 86].

В литературе все дело в тематическом завершении, а не в поверхностном речевом завершении изложения. Нередко прием недосказанности еще сильнее оттеняет глубинную тематическую законченность.

Среди заключительных АП «открытого» типа мы выделяем АП-кульминацию, АП-заявку на будущее, АП-обманутое ожидание.

Приведем пример из рассказа Стенли Эллина «The moment of decision»:

In that shadowy cellar, which the relentless seconds thundered louder and louder in our ears, we waited to see what he would do» [EAS, P.73]

Хью и Чарльз являются главными персонажами рассказа: самоуверенный Хью, всегда уверенный в себе, раздражал Чарльза. Чарльз однажды за обедом сказал Хью, что однажды перед ним встанет дилемма и ему придется заглянуть в себя (*into his own depths*) и прийти к откровениям, о которых он и не подозревает. И вот однажды они заключили пари, поставив на кон каждый свой дом: Чарльз сказал, что можно выйти из тюрьмы благодаря знанию человеческой природы. Чарльза помещают в сырой подвал, одевают на шею железный воротник, прикрепленный к стене подвала. Через час Чарльз должен выйти из подвала, используя все возможные средства. Тут Чарльз заявляет, что у него большое сердце и пребывание в подвале может стать роковым. Но Хью этому не верит. Началась проверка, потекли томительные минуты ожидания — 30 минут, 40, 45. Вдруг из подвала донесся слабый голос: «Doctor, aig!» Присутствовавший при этом доктор бросился к двери, но Хью с молотком в руке остановил его. Хью не верит Чарльзу, считает, что его крик является умышленным. Он хочет, чтобы ему открыли дверь и тогда пари будет выиграно Чарльзом. Хью замер в нерешительности, и теперь все поняли, что перед ним стоит та самая дилемма, о которой говорил Чарльз. Все ждут, как поступит Хью: открывает дверь, проиграв дом, или не открывает, выиграв пари, но сильно рискуя жизнью другого человека, за что ему придется понести серьезное наказание.

Этот мнимо не договоренный, незаконченный со стороны сюжета рассказ, со стороны изложения и композиции представляет собой законченное, «договоренное» целое. Финальный АП-диктема непосредственным образом участвует в тематическом завершении рассказа — темы иного осознания человеком своего «я» в экстремальной ситуации, когда приходится совсем нелегко принять нужное решение.

Стилизация АП-диктемы сильная: развернутая метафора громового звучания секунд превращает высказывание в ярко-образное и сильно-воздействующее.

Большой тематической значимостью и эмоционально-экспрессивной нагруженностью характеризу-

ются «открытые» финальные АП, представляющие собой внутреннюю произнесенную речь персонажа. Вмешательство автора в мысли и чувства героя продиктовано, как правило, необходимостью более достоверно донести эти мысли и чувства до читателя. В языковом отношении такие абзацы представляют собой риторические вопросы, восклицательные предложения, парцелированные и эллиптические конструкции и пр.

По характеру отражения в финальных АП-диктемах языковых норм стилизация этих диктем разговорная (имплицативная речь); по функциональному воздействию стилизация сильная. Специфицировать эмоции можно на базе предшествующего текста.

Другая разновидность финальных АП «открытого» типа названа нами АП-«заявка на будущее».

Эффект «открытости» в данных концовках достигается тем, что герой оставляется автором на пороге нового этапа жизни (после какого-то конфликта, завершения эпизода); новая фаза развития действия персонажа — потенциальный предмет продолжения повествования.

В качестве примера приведем следующий финальный АП из рассказа Д.Лессинг «Муравейник»:

The victory was entirely theirs, but now they had to begin again, in the long and difficult struggle to understand what they had won and how they would use it [Lessing I, P.397].

Белокожий мальчик Томми и чернокожий Дирк одержали победу: их обоих посылают в школу учиться; концовка АП характеризуется проспективной направленностью связи — неизвестно, как сложится их дальнейшая судьба. Читателю остается только строить свои предположения.

Подобные «открытые» финальные АП-диктемы намекают новые конфликты, которые потенциально могли бы быть изложены в дальнейшем повествовании. Такие АП представлены сложными предложениями с придаточными дополнительными, содержащими глаголы-сказуемые в будущем времени, модальные глаголы со значением будущности (will, would, should, must), различные лексические средства выражения будущего (next, after that, etc.).

Эффект незаконченности, незавершенности, «открытости» прослеживается в другом типе концовок, известных в литературе под названием «обманутое ожидание». Суть данного эффекта есть не что иное, как «нарушение субъективно-читательской перспективы» [Гальперин 1981, с. 112], создающееся в процессе линейного развертывания произведения.

Прогнозируемое читателем завершение художественного произведения оказывается ложным.

АП типа «обманутое ожидание» завершает, например, рассказ С.Моэма «Поэт»:

I had come to the wrong door [Maugham I, P.353].

Автор-рассказчик повествует о том, как однажды его друг Диего предложил ему встретиться с известным испанским поэтом Доном Калисто.

С большим интересом и трепетом Диего рассматривал жилище поэта. Пара пистолетов на стене гармонировала

в воображении Диего с обликом романтического поэта, в котором жил дух конкистадоров. В этот момент вошел хозяин — «Дон Калисто». Именно таким представлял его себе автор-рассказчик: он был поэтом с ног до головы (He was every inch a poet). Каково же было удивление и разочарование гостя, когда он услышал, что поэт Дон Калисто живет рядом.

Заключительная АП-диктема, приведенная выше, представляет собой совершенно неожиданное завершение рассказа. Читатель с нетерпением ждал описание встречи, беседы со знаменитым поэтом, а развязка оказалась совершенно иной — прозаической по своей сути.

Финальный абзац подобного рода мы относим к «открытым» концовкам вследствие того, что он, завершая тему рассказа, одновременно имплицитно подразумевает возможность продолжения повествования — описание долгожданной встречи автора-рассказчика с известным поэтом. Проспекция одновременно вызывает ретроспекцию — стремление обратиться к предшествующему тексту с целью найти причинно-следственные связи в изложении фабулы.

Стилизация АП рассматриваемого типа обычно очень сильная; появление АП с предельно простой синтаксической структурой (в приведенном примере после обширного предшествующего абзаца) создает особый ритм, который резко подчеркивает чувство разочарования автора-рассказчика.

Итак, в заключение следует сказать, что приведенная в данной работе классификация финальных однопредложенческих абзацев-диктем, анализ их содержательных и формально-языковых характеристик свидетельствует о том, что все отмеченные типы финалов отличаются собственной спецификой и в структурном, и в семантико-тематическом, и в экспрессивно-стилистическом, и в функциональном аспектах.

Выявленные закономерности и особенности в организации и функционировании в тексте финальной однопредложенческой диктемы (выделенной в абзац) расширяет представления о супрапропозематическом языковом уровне. Их необходимо учитывать в анализе конкретных текстов, дополняя новыми фактами, получаемыми на материале текстов разных жанров и типов.

Проанализированный нами материал свидетельствует, что абзац-предложение представляет собой важнейшую диктему, играющую кардинальную роль в текстообразовании. Однопредложенческая диктема в финале художественного текста отражает существенные смысловые узлы сюжетного развития художественного текста — развязку, резюме, оценку, кульминацию, обманутое ожидание, заявку на будущее.

В силу такого функционально специфицированного назначения финальный АП, как правило, оказывается эмоционально нагруженным. Набор языковых средств и само выделение последнего предложения в абзац нацелено в каждом конкретном случае на усиленное экспрессивно-эстетическое воздействие на читателя.

Литература:

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. — 1978, №4. — с. 23–31.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. — М.: Высшая школа, 2000.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 139 с.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. — М.: Наука, 1975. — 717 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — Изд.15. — М.: Русский язык, 1984. — 815 с.
6. Петровский М.А. Морфология новеллы // *Arg Poetica*: Сб.статей под ред. М.А.Петровского. — М.: 1927. — с. 69–100.
7. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). — М.: Просвещение, 1973. — 212 с.
8. Томашевский Б. Теория литературы: Поэтика. — 2-е издание. — М.,Л.: 1927. — 231 с.
9. Хализев В.Е. Драма как род литературы (Поэтика, генезис, функционирование). — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1986. — 259 с.
10. Юдина Н.Е. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств: Автореф. дисс. канд.филолог. наук. — М., 1974. — 18 с.
11. ASS. — Australian Short Stories. — Moscow: Progress Publishers, 1975. — 400p.
12. EAS — Eleven American Stories. — М.: Международные отношения, 1978. — 192 с.
13. Lawrence — Lawrence D.H. The prussian officer and other stories. — N.Y.: Penguin books, 1978. — 224p.
14. Lessing I. — Lessing D. Collected African Stories. This was the old chief's country. Vol.1. — St.Albans: Triad Panther Books, Frogmore, 1979. — 397p.
15. Mansfield K. The Garden party. — Harmondsworth (Mx.): Penguin books, 1951. — 202p.
16. Maughm I. — Maughm S. Collected Short Stories. Vol.1. — N.Y.: Penguin books, 1982. — 441p.
17. Saroyan W. Selected short stories. — Moscow: Progress Publishers, 1975. — 464p.

Лексико-семантическое поле «очистка сточных вод»

Хуррамова Дилобар Мухторовна, магистр
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Сточная вода является предметом многих наук: механики, физики, химии, биологии, экологии. Тема сточных вод и связанные с ней вопросы в отношении обеспечения водными ресурсами Узбекистан находится в наиболее неблагоприятных условиях. Особую тревогу в Центральной Азии, в частности в Узбекистане, вызывают развитие процессов опустынивания. В лингвистике до сих пор нет работ, в которых бы было полностью представлено лексико-семантическое поле (далее ЛСП) «Очистка сточных вод» в узбекском языке и в речевом разговоре. Тем не менее, некоторые области данного вопроса изучены очень основательно. Цель работы заключается в построении и системном описании ЛСП «Очистка сточных вод», в выявлении места и роли данного поля в языковой картине мира.

П.Н. Денисов подчеркивает, что существует целый ряд терминов, указывающих на число измерений семантического пространства языка или на число осей системы координат, позволяющих дать упорядоченное представление различных аспектов лексической системы. По его мнению, подсистемами лексики являются первые крупные деления классификационных сеток идеографических словарей: «Очистка», а также первые «этажи» этих подсистем.

Более низкие «этажи» деления могут рассматриваться как аналоги семантических полей. Подсистема «Очистка сточных вод» делится на два обширных объединенных, находящихся в сцеплениях семантических поля:

1) очистка и сточных вод 2) механическая очистка, физическая очистка, химическая очистка, биологическая очистка, атмосферных сточных вод, бытовых сточных вод и производственных сточных вод которые, в свою очередь, делятся на семантические поля разной степени сложности:

1) очистка; 2) сточные вод; 3) механические; 4) физические; 5) химические; 6) биологические; 7) биоинженерные сооружения; 8) атмосферные; 9) бытовые; 10) производственные.

Наименование способов очистки сточных в узбекском языке образуют лексико-семантическое поле (ЛСП) «Очистка сточных вод». Общий лексемный состав поля — 30 единиц, количество входящих в него семем-40

Составляющие лексико-семантическое поле семемы входят в группировки, образующие пять уровней иерархии:

1. лексико-семантическое поле
2. лексико-семантическая группа (ЛСГ) / лексико-семантическое микрополе

3. лексико-семантическая подгруппа
4. лексико-семантическая микрогруппа
5. тематический ряд

Лексико-семантическая группа (ЛГ) и лексико-семантическое микрополе принадлежат одному уровню иерархии; ЛСГ включает в себя наименования разнородностей способ очистки сточных вод, обозначенного центральным словом группы, микрополе образовано лексическими единицами, объединенными одним общим семантическим признаком. На любом уровне иерархии от тематического ряда до лексико-семантической группы могут встречаться функционимические ряды, границы которых могут совпадать с границами других группировок. («Биоплато» — ЛСГ и синонимический ряд; «Биоинженерные сооружения» — подгруппа и синонимический ряд), и лексические поля внутри ЛСГ, в большинстве случаев соответствующие уровню подгруппы и состоящие из лексических единиц, объединенных одним общим семантическим признаком. Необходимость образования таких полей возникает в случае, когда группируемые единицы невозможно обозначить одним центральным словом. Примерами могут служить группировки наименований биоинженерных сооружений, «ботанические площадки», «тростниковое ложе» образующие один уровень в структуре ЛСГ «Биоплато». Общее количество входящих в лексико-семантическое поле ЛСГ и лексико-семантических микрополей равно 10. Центральной группировки поля, включающей общие и родовые наименования способы очистки сточных вод является ЛСГ «Способы очистки сточных вод» (механическая очистка, химическая очистка, биологическая очистка, биоинженерные сооружения).

Выделение тематических групп находится в зависимости, прежде всего, от задач исследования: группы могут быть более широкими и более узкими, одни и те же слова могут попасть в различные группы в зависимости от того критерия, который будет положен в основу выделения тематической группы, выбор же критерия не дан в самом лексическом материале, а зависит во многом от субъективной воли исследователя.

Вопрос о том, что является семантическим идентификатором поля, является спорным. Существует два основных подхода к выделению семантических полей в лексике: первый, логический подход, при изучении поля исходит из понятия, второй, лингвистический, — из языка. Логический (концептуальный) подход предполагает анализ структуры определенной понятийной сферы, которой соответствует словесное поле. При лингвистическом подходе семантические поля выделяются не на понятийной, а на языковой основе. При этом семантическое поле трактуется как совокупность слов, находящихся в свободных связях по линии их лексических значений в тот или иной исторический период времени. Слова, конституирующие такие объединения, связаны или парадигматическими или синтагматическими (синтаксическими) отношениями. Задачей исследования в этом плане является определение характера семантических связей между сло-

вами поля, их разграничение и выделение тех из них, которые подлежат дальнейшему анализу.

Представляется, что в структуре семантического поля отражаются языковой и концептуальный аспекты. Вряд ли целесообразно резко противопоставлять лексико-семантические и понятийные элементы в составе поля.

Автор указывает на возможность сцепления семантических полей в более крупные объединения и их деления на микрополя, подчеркивая при этом, что точной терминологии здесь еще не установилось [1].

Исходная определяющая единица, лежащая в основе СП, детерминирует семантическую и словообразовательную деривацию его элементов, направление развертывания поля от исходной лексемы, его части речевой состав. Необходимо также учитывать роль части речевой характеристики единиц ЛСП и его главного слова.

Доминанта в составе поля организует его структуру, это заглавный элемент, который формирует семантические контуры лексико-семантической парадигмы и в которой вся парадигма в идеале может быть свернута. Одним из основных свойств структуры семантического поля является ее целостность, которая «обеспечивается, в частности, тем, что единица низшего уровня может быть представлена как предельный случай единицы более высокого уровня», то есть отношениями иерархии, предполагающими отношения вхождения менее сложных единиц в более сложные. Деление семантического поля на лексико-семантические группы, классы слов — это высшая ступень иерархии, но не единственная. Каждая лексико-семантическая группа также имеет свою индивидуальную структуру. Элементами структуры лексико-семантической группы являются лексико-семантические варианты, объединенные отношениями синонимии, партонимии, гипонимии и градуонимии. Интегрирующей семой в каждой группе, помимо архисемы поля, выступает инвариантная сема, дающая название всей группе. Набор дифференциальных сем индивидуален для каждой группы, он обозначает конкретные дифференциальные признаки, которые отличают одну ЛСГ от другой. Подобным обстоятельством объясняется и неоднородность семантического поля, как неотъемлемое его свойство, проявляющееся в наличии у поля ядерных и периферийных зон. Как ядро, так и периферия поля состоят из комплекса групповых образований и единичных элементов, лексико-семантических вариантов. Лексико-семантическое поле как особая система образующая единица обладает сложной и весьма своеобразной структурой, составные элементы которой связаны между собой парадигматическими отношениями. Анализируемое лексическое поле локальности многомерно, объемно. В основе организации лексико-семантического поля лежат упорядоченные классы, лексические парадигмы разного типа, структурирующие семантическое поле по вертикали и по горизонтали. Ядро лексического поля, как его семантическую доминанту, образует лексическая единица, выражающая общее инвариантное значение. Одним из основных свойств структуры лексико-

семантического поля является её целостность, которая обеспечивается отношениями, предполагающими вхождение менее сложных единиц в более сложные.

Центром поля локальности является многозначное слова «очистка» и «сточная вода». В семантической структуре этого обобщающего слова отражается весь спектр объема понятия «очистка» и «сточная вода».

1) «механическая очистка» (способы механической очистки: решетки, песколовки, усреднители, отстойники, гидроциклоны, фильтры, центрифуги, жидкостные сепараторы);

2) «физическая очистка» (способы физической очистки: коагуляция, сорбция, флотация, экстракция, ионный обмен и электродиализ);

3) «химическая очистка» (способы физической очистки: нейтрализация, окисление);

4) «биологическая очистка» (способы биологической очистки: аэротенк, метантенк, биофильтр, биопруды, поля фильтрация, окислительные каналы, иловые площадки);

5) «биоинженерные сооружения» (способы биоинженерной очистки: биоплато, ботанические площадки, тростниковое ложе, фитофильтрация, фитотехнология);

6) «загрязненные преимущественно минеральными примесями»

7) «загрязненные преимущественно органическими примесями»

На первом уровне членения лексико-семантического поля локальности выделяются два объемные функциональные сферы, конкретизаторами которых выступают слова: «очистка» и «сточная вода» — ограниченная протяженность (по методу обработки и составу загрязнителей, концентрации, кислотности, токсичному действию и действию загрязнителей на водные объекты).

Очень важной характерной особенностью слов одной группы является то, что дифференциальные семы, уточняющие категориальную сему, оказываются в них однотипными, «повторяющимися». Категориальная сема предполагает, «задает» не любые, а какие-то определенные аспекты своего уточнения.

В рамках этих аспектов формируются типовые дифференциальные семы.

В связи с каждой отдельной ЛСГ набор дифференциальных сем оказывается специфическим. Так категориальная сема «очистка» в соответствующих глаголах уточняется в следующих аспектах: «механическая», «физическая», «химическая», «биологическая» и некоторые другие.

Наличие однотипных, повторяющихся сем делает все слова в пределах группы связанными определенными оппозициями. Совокупность всех оппозиционных связей

формирует внутреннюю парадигматическую структуру таких групп. Структура имеет иерархический характер так как все элементы группы слов — привативно связаны с базовыми, опорными. Значение базовой единицы группы носит очень общий, малосодержательный характер. В нем, кроме категориальной семы, представлены не более одного — двух дифференциальных признаков.

Например, в семной структуре глагола очистка, помимо грамматических и лексико-грамматических сем, присутствует категориальная сема цели действия «механическая» и дифференциальная сема с помощью «песколовки». Иерархические цепочки привативно связанных слов не заканчиваются, в них включаются все более конкретные и специализированные обозначения действий приобщения. Например, очищать — доставать — извлекать. Эти цепочки слов, последовательно связанных привативными оппозициями придают внутренней структуре лексико-семантических групп слов вид многоступенчатой, иерархической системы.

Тематические группы — это объединения лексем, обозначающих определенную предметную сущность. Выделение этих групп основано на внеязыковых критериях, поэтому, как правило, у членов рассматриваемых рядов может не быть общих семантических признаков. Ф.П. Филин справедливо указывает на «нейтральные» или «нулевые» связи между словами, входящими в тематические группы. Чаще всего в составе тематических групп реализуются родовидовые связи денотатов, например: процесс — механический, химический, физический, биологический. Между родовым и видовым понятиями существуют инклюзивные отношения, т.е. отношения включения. В значении членов тематической группы имплицитно содержатся два семантических признака: обобщающий, интегрирующий, например, «биологическая очистка» и дифференцирующий, который отграничивает один экземплирующий член ряда от другого (биоплато, биопруды, фитотехнология, ботанические площадки, тростниковое ложе). Элементы тематических групп могут быть связаны как целое и его части.

Таким образом, поле представляет большой интерес для лингвистов. При описании языковых явлений полевого подход является весьма плодотворным, поскольку он помогает выявить системную организацию языка. Он оптимальным образом соответствует на современном этапе развития лингвистической теории задачам освещения объекта изучения в его универсальных и конкретно — языковых характеристиках с равноправным, взаимно уравновешенным учетом дискретности составляющих его «единиц» и континуальности языковой системы — одного из важнейших устоев ее целостности.

Литература:

1. Денисов, П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. Учебник — М.: Русский язык, 1980. — 253 с.
2. Кронгауз, М.А. Семантика. Учеб. для ВУЗов — М.: Рос. гос. гуманитарного ун-та, 2001. — 399 с.
3. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология. Учебник. — М.: Высшая школа, 2001. — 415 с.

Речевые средства воздействия на общественное сознание: языковое манипулирование в СМИ

Чиж Оксана Константиновна, аспирант
Московский педагогический государственный университет

Широкий спектр современных средств информирования, как свидетельствует практика СМИ, оказывает все более мощное воздействие как на свободный выбор каждым гражданской позиции, так и на размежевание социальных позиций отдельных групп граждан. Журналисты-практики и исследователи социально-идеологических проблем в истории журналистики обращают внимание на тот факт, что в вопросах «воздействия на сознание» и «манипулирования сознанием» едва ли не главенствующая роль принадлежит речевой форме подачи соответствующей информации. Именно в связи с этим одной из актуальных и практикоориентированных научных проблем в журналистике является проблема целенаправленного использования СМИ языка как инструмента воздействия на общественное сознание и ресурса для манипулирования им.

Исследователи отмечают, что к началу XXI века, в эпоху, характеризуемую активным развитием коммуникационной среды в медиaprостранстве, функция воздействия, убеждения начала вытеснять остальные функции речи, и средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия [1; 11]. А.П. Короченский отмечает, что интерпретация знаний об окружающем мире происходит в любом изложении событий, «пока происходит передача информации в обществе», однако «искажение нарастает на этапе потребления информации под влиянием коммуникативных условий ее приема и индивидуальных особенностей восприятия, свойственных получателем медийных посланий» [2; 22]. Намеренно или нет, но СМИ предлагают своей аудитории модели как речевого, так и социального поведения, которые потенциально могут исказить картину мира адресата.

Такая «лингвистика убеждения» постепенно становится неотъемлемой частью публицистического дискурса. При этом ввиду фактического отсутствия у аудитории российских СМИ рефлексии на продукт деятельности масс-медиа возможности воздействия на общественное сознание становятся особенно широкими [3; 9–10]. На этом фоне возникает естественный вопрос о том, в какой мере и с какими целями участники современных информационных процессов прибегают к речевому манипулированию. Под этим термином ученые понимают скрытое информационно-психологическое воздействие с помощью языковых средств, которое нацелено на побуждение человека к действиям, изначально не совпадающим с его воззрениями и системой ценностей общества в целом [4; 24]. По мнению О.Н. Быковой, в основе речевого манипулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы,

которые вынуждают слушателя или читателя некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных представлений об обсуждаемом предмете. В практическом аспекте журналистской работы речевое манипулирование сводится к отбору и использованию таких средств языка, с помощью которых становится возможным воздействие на реципиента [5; 99]. В данном случае происходит замена убеждения внушением, которая достигается созданием эмоционального подтекста высказывания. Подбор лексических средств позволяет расставить необходимые автору смысловые акценты, которые могут способствовать незаметному искажению действительности в представлениях адресата:

«Две программы с Анастасией Волочковой не пустили на ТВ (...) Стоит отметить, что после скандального увольнения из Большого театра несколько лет назад бывшая балерина *регулярно* оказывается *замешанной в сомнительных историях*. Желтая пресса, как маятник: то выступает в защиту балерины, как это было во время ее конфликта в Большом театре, то нападает на нее, упрекая в корыстолюбии и измене традициям классического балета. То с жаром смакует подробности свадьбы красавицы, то представляет *в образе страдающей матери-одиночки*» [6].

Контекст новости содержит оценочную лексику и завуалированные аргументы, причем эта «оценка» дается в формах-штампах, отсылающих сознание к архетипическим образам и моментально фиксируемых им. Такая организация речевой информационной «картинки» открывает возможности для формирования иллюзии самостоятельности сделанных адресатом выводов.

Способы речевого воздействия, свойственные языковому манипулированию, разнообразны: за ключевыми в тексте словами могут быть закреплены не характерные ранее для них коннотации, желаемое впечатление может быть достигнуто с помощью стилистических фигур:

«Михаил Прохоров заявляет, что сделает все, чтобы отправить в отставку Владислава Суркова. Он объявил ему *вендетту*. Он сказал, что пока в стране действует этот *кукловод*, который приватизировал всю политическую систему, политики в стране не будет. *Его озарило*» [7].

Ирония автора производит импонирующее читателю впечатление, создает определенную связь между адресатом и адресантом, а аллюзии только помогают автору достичь желаемого эффекта, провоцируя в восприятии реципиента яркие и нетипичные образы. В новостных материалах из-за специфических требований, предъявляемых к информационному тексту, стилистические фигуры

как форма влияния на сознания слушателя часто преподносятся в цитатах медиа-персон:

«Верхом политического цинизма» назвал высказывание Кудрина первый замсекретаря президиума генсовета «Единой России» Андрей Исаев. По его мнению, доводы бывшего вице-премьера «малоубедительны». Он напомнил, что на посту главы Минфина Кудрин был «одним из главных *тормозов* по поводу наращивания расходов на образование и здравоохранение». А теперь, по мнению Исаева, Кудрин льет «*крокодиловы слезы*» [8].

Прямая речь позволяет использовать в информационных жанрах изначально несвойственные им экспрессивную лексику и риторические фигуры. Цитирование делает возможным и применение ложной аргументации: комментатор намеренно использует в качестве аргументов для доказательства тезиса доводы, которые построены с нарушением логических законов. Типичный пример — сравнение, с помощью которого говорящий отступает от первоначального тезиса или же полностью заменяет его:

«Опасения министра природы РФ Юрия Трутнева относительно олимпийскихстроек в Сочи «небезосновательны», заметил пресс-секретарь Олимпийского комитета России: «Какие-то трассы уже переносились, видимо, это будет и дальше происходить. Нужно осознавать, что такого масштаба строительство — *это не ларек поставить возле аэропорта и торговать чебуреками* (...) оно не может быть блестяще и безупречно, потому что *строительство такого масштаба посложнее, чем пирамида Хеопса, Эйфелева башня и какие хочешь небоскребы вместе взятые*» [9].

Доказательство построено с созданием образно-видимой, но ложной логической связи между тезисом и аргументом. В качестве аргументации используется набор доводов, имеющих смысловую связь с тезисом, но никак его не подтверждающих.

Другим эффективным средством воздействия на сознание аудитории служит создание в тексте пресуппозиции. В этом случае, как отмечает А.Н. Баранов, семантическая информация, важная для говорящего, подается не как новое знание, которое требует рационального анализа, а как нечто заранее известное [10;193]. Такой прием

очень часто встречается в рекламных роликах: потребителю предлагается воспользоваться товаром, который обладает каким-то особенным качеством, по сравнению с *обычным* аналогом. В новостных материалах пресуппозиция становится своеобразным маркером, который акцентирует внимание на объекте и специфических характеристиках, которыми автор его наделяет:

«На станции «Комсомольская» на глазах у милиции развернулся настоящий подпольный рынок. Гастарбайтерам там предлагают фальшивые документы и работу, а всем желающим, возможно, и наркотики (...) Случайному человеку сразу и не увидеть особенной суеты, которая происходит на станции. А если понаблюдать, то можно заметить, что по залу мелкими группами рассредоточены десятки молодых людей азиатской внешности. Причем, *в отличие от обычных* запуганных гастарбайтеров, вида вполне довольного» [11].

Принцип навязывания пресуппозиции позволяет подавать часть информации как нечто само собой разумеющееся, не нуждающееся в критическом осмыслении: прием используется в целях подтверждения подозрений и оценок автора.

Языковое манипулирование уже стало неотъемлемой частью речевой практики средств массовой информации. Оно представляет собой мощнейший коммуникативный ресурс, и, как следствие этого, речь может идти о навязывании определенных стереотипов, суждений и моделей поведения исключительно в одностороннем порядке. Проблема интерпретации медиа события представляется чрезвычайно важной, поскольку именно под воздействием СМИ в сознании аудитории могут совершаться «медиаморфозы, внушающие ложные представления о жизненных явлениях и процессах» [12; 202]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что ими не исчерпываются механизмы речевого манипулирования сознанием, более того, их исследование необходимо и самим СМИ, чтобы не оказаться в «ловушке», ими самими и созданной. Как наиболее распространенный и эффективный вид скрытого воздействия на социум языковое манипулирование требует тщательного и разностороннего исследования.

Литература:

1. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
2. Короченский А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. — Ростов н/Д., 2002
3. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. — М., 2008
4. Михальская А.К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2001.
5. Быкова О.Н. Языковое манипулирование: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). — Красноярск, 1999
6. Новость «Радио России». Электронный ресурс. Код доступа (<http://rus.ruvr.ru/2011/02/14/44217408.html>)
7. Новость «Радио Свобода». Электронный ресурс. Код доступа (<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24328542.html>)

8. Новость радио «Финам ФМ». Электронный ресурс. Код доступа (<http://finam.fm/news/105192/>)
9. Сюжет радио «Эхо Москвы». Электронный ресурс. Код доступа (<http://www.echo.msk.ru/news/577023-echo.html>)
10. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.
11. Репортаж «Вести ФМ». Электронный ресурс. Код доступа (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=448670>)
12. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: англо-русский толковый словарь концепций и терминов. — М., 2004.

Система нефинитных форм глагола карбачимахинского говора даргинского языка

Шахбанова Патимат Гаджиевна, кандидат филологических наук, ассистент
Дагестанский государственный педагогический университет

Нефинитными формами глагола говора, как и в литературном языке, являются инфинитив, деепричастие, причастие и масдар, которые в плане выражения заметно отличаются от их литературных вариантов.

Инфинитив выражает действие или процессуальное состояние без указания на лицо, время и его отношение к действительности, ср.: карбач. биркый «делать», кайсий «брат», ищий «болеть» и т.д.

В форме инфинитива выражается вид и переходность, сохраняется управление именем, свойственным другим формам глагола, и классное согласование с субъектом или объектом.

Инфинитив образуется от первичной глагольной основы при помощи суффикса *-ий*, например в говоре: *гъайий* «поговорить», *луклий* «писать» и т.д.

Как и в литературном языке, в карбачимахинском говоре у инфинитива различаются формы совершенного и несовершенного вида. Противопоставление таких форм реализуется при помощи инфикса или аблаутного чередования гласных. Например, ср.:

совершенный вид	несовершенный вид
<i>батий</i> «оставить»	<i>балтий</i> «оставлять»
<i>биций</i> «продать»	<i>бирций</i> «продавать»
<i>баркый</i> «сделать»	<i>биркый</i> «делать»
<i>букый</i> «понести»	<i>бикый</i> «нести»
<i>берчий</i> «выпить»	<i>бучий</i> «пить»
<i>барккий</i> «найти»	<i>бурккий</i> «находить»

«Кроме своего основного значения — названия действия, инфинитив имеет значение цели (*учлий арагур* «поехал учиться»), в предложении выступает в роли объекта, дополнения, обстоятельства, подлежащего и основной частью составного сказуемого» [4: 79].

Масдар — это нефинитная форма глагола, обозначающая наименование действия и обладающая признаками имени и глагола.

В карбачимахинском говоре, как и в литературном языке, масдар маркируется показателем *-ни*, присоединяемым к первичной глагольной основе, сравним:

Карбач. говор	Лит. язык	
<i>белкIни</i>	<i>белкIни</i>	«написание»
<i>бахни</i>	<i>багъни</i>	«узнавание»
<i>аргъни</i>	<i>аргъни</i>	«понимание»
<i>бучIни</i>	<i>бучIни</i>	«прочтение»
<i>бурни</i>	<i>бурни</i>	«сказание»
<i>вахъни</i>	<i>вашни</i>	«хождение»

Масдарными формами, видимо, необходимо считать в литературном языке и в карбачимахинском говоре отглагольные формы, образованные в основном при помощи суффикса *-ни* (лит. яз. и гов.) Так, например, как пишет Магомедов А.А. [3: 73], в мегебском диалекте масдар регулярно образуется при помощи суффикса *-ри* вместо литературного *-ни*, ср.: лит. *вашни* «хождение» и мегеб. *вашири* «хождение»; лит. *векIни* букв. «умирание», т.е. «смерть» и мегеб. *векIри* «умирание», т.е. «смерть» и т.д.

Причастие. Наиболее распространенным во многих языках отглагольным образованием является причастие, которое обозначает «признак имени (лица и предмета), связанный с действием и употребляется атрибутивно» [2:363]. Как известно, причастие, как и другие отглагольные образования или вербодиды, совмещает в себе признаки двух частей речи, а именно признаки глагола и прилагательного.

Причастие даргинского языка, представленное в литературном языке и в ряде диалектов даргинского языка, в той или иной степени описано в соответствующей учебно-методической и научной литературе [4: 79].

Одной из ярких отличительных особенностей говора является то, что причастия прошедшего времени здесь имеют суффикс *-ци*, а в современном даргинском литературном языке данная форма образуется посредством, *-си* например:

Карбач. говор	Лит. язык	
<i>буцибил</i>	<i>буцибси</i>	«поймавший»
<i>вамсурил</i>	<i>вамсурси</i>	«уоставший»
<i>баркыйбил</i>	<i>барибси</i>	«сделанный»
<i>вачIибил</i>	<i>вакIибси</i>	«пришедший»
<i>батурил</i>	<i>батурси</i>	«оставленный»

<i>кабишибил</i>	<i>кабихьибси</i>	«положивший»
<i>акIубил</i>	<i>акIубси</i>	«родившийся»

Причастие с классными показателями в говоре, как и в литературном языке, изменяются по классам и числам, причем число выражается дважды — префиксально и постфиксально: *вачIубци гIуьхьул* — лит. *вакIубси гIавхIаьл* «пришедший гость» — *бачIубци гIуьхьли* «пришедший гости». По своему значению в карбачимахинском говоре можно выделить следующие виды причастий:

а) причастия совершенного вида (*батурци* «оставленный»);

б) причастия несовершенного вида (*балтуци* «оставляемый»);

в) причастия общего времени (*букан* «съедаемое, съедобное»);

г) причастие долженствовательное (*батийци* «такое, которое можно оставить», *балтийци* «такое, которое можно оставлять»);

д) причастия, выражающие степень достаточности (ср.: гов. *велкъаттай* лит. *велкъари* «досыта»).

По оформлению в карбачимахинском говоре выделяются оформленные и неоформленные причастия. Последние не содержат словообразовательного суффикса. Они по своей форме совпадают с теми или иными временными формами глаголов, чаще всего с формами прошедшего времени. Например, глагол *вачIуб* в речи карбачимахинцев употребляется в основном в значении «пришел». Но данный глагол нередко употребляется и в значении «пришедший» в роли причастия. О функционировании в даргинском языке подобных неоформленных причастий, совпадающих с теми или иными временными формами говорится и в существующей литературе [1:169]. Однако следует здесь указать на то, что подобные неоформленные причастия в карбачимахинском говоре отличаются от глаголов прошедшего времени при помощи ударения, что не наблюдается в литературном даргинском языке, где омонимичные оформленные причастия и форма прошедшего времени глагола дифференцируются только позиционно: неоформленное причастие занимает препозицию, а глагол прошедшего времени — постпозицию, например, ср.: лит. *вачIуб адми* «пришедший человек» и *адми вачIуб* «человек пришел».

Деепричастие. Исследование показывает, что некоторые отличительные черты карбачимахинского говора выявляются и в системе деепричастия.

Наиболее широко функционирующими и образующими наибольшую группу в говоре, как в литературном языке, являются деепричастия образа действия, которые в говоре образуются при помощи наречных суффиксов **-ли**, **-ни**. Деепричастия образа действия, как и глаголы, делятся на деепричастия совершенного и несовершенного вида, ср. *батур+ли* — *батурли* «оставив (сов.в.)» и *балтули* «оставляя» (несов.в.), *белкIунни* «написав» (сов.в.) и *лукIунни* «записывая» (несов.в.).

Как видно, форма данного деепричастия в говоре близка к исходному положению, в то время как в литера-

турном языке она в результате целого ряда фонетических процессов, имевших место на стыке морфем, значительно отличается от исходного состояния (ср.: лит. *белкIли* и *белкIунли* и гов. *белкIунни* и *белкIунли*).

Деепричастия карбачимахинского говора, как и литературного языка, имеют формы времени: прошедшего и настоящего.

Деепричастия образа действия прошедшего времени образуются на базе форм прошедшего времени изъявительного наклонения при помощи суффикса **-ли** (ср.: *батур* «оставил» и *батурли* «оставив»), а формы настоящего времени — на базе глагольной основы несовершенного вида (ср.: *балт+ий* «оставлять» и *балт+ули* «оставляя»). Основная особенность здесь заключается в том, что вместо формы деепричастия прошедшего времени литературного языка, образующейся от основы глагола прошедшего времени посредством суффикса **-и**, в говоре выступает форма с аффиксом **-ни**, например:

Карбач.говор	Лит. язык	
<i>беркунни</i>	<i>берки</i>	«покушав»
<i>белкIунни</i>	<i>белкIи</i>	«написав»
<i>бацунни</i>	<i>баци</i>	«вспахав»
<i>дуцIухъунни</i>	<i>дуцIухъи</i>	«побежавши»
<i>чарухъунни</i>	<i>чарухъи</i>	«вернувшись» и т.д.

Широко функционируют в карбачимахинском говоре деепричастия места, которые имеют целый ряд специфических особенностей в образовании, по которым они отличаются от литературного языка и от других отдельных говоров и диалектов даргинского языка. Деепричастия места в говоре образуются от глагольных основ совершенного и несовершенного вида при помощи суффиксов **-на** к которым наращиваются форманты местных падежей и показывают место, направление действия. Суффикс **-на** в говоре присоединяется, как и в литературном языке, как правило, к основам глагола несовершенного вида, ср.: *вах* — *ий* «ходить» и *вахъ+на* — *вахъна* «туда, куда ходит». Подобные деепричастия склоняются по местным падежам и имеют все четыре формы местных падежей, ср.:

Латив: *вахъна* «туда, куда ходит».

Эссив: *вахънаб* «там, куда ходит».

Следует отметить, что формы эссива изменяются по классам, числам и лицам, ср.: эссив: *вахънав* (Икл.ед.ч.) «там, куда ходят»

рахънар (Икл.ед.ч.) «там, куда ходят»

бахънаб (Шкл.ед.ч.) «там, куда ходят»

дахънаб (Зл.мн.ч.) «там, куда ходят»

Фразовые примеры: *Мурад вахънав ий дуччи калгунда* «Мы эту ночь остались там, куда ходит Мурад». *Аба рахънар ванацци мусади* «Там, куда мама ходила, теплое место было».

В структуре целого ряда деепричастий прошедшего времени в говоре присутствует морфема **-иб**, отсутствующий в литературном языке (в литературном языке ему соответствует редуцированный суффикс **-и**).

Однако сами деепричастия как в говоре, так и в литературном языке, образуются путем суффиксации **-ли** к основе глагола прошедшего времени. Например:

Карбач. говор	Лит. язык	
<i>буцибли</i>	<i>буцили</i>	«поймав»
<i>бакъибли</i>	<i>бакъили</i>	«услышав»
<i>баркъибли</i>	<i>барили</i>	«сделав»

Суффикс **-къилла** в других диалектах и говорах имеет различные фонетические варианты в виде **-къялла** (села Санчи, Баршамай), **-къя** (село Карацан), **-къел** (село Варсит), которые генетически восходят к слову **къел** «след, линия, черта» [6: 204]. Отмеченное выше свидетельствует о том, что в отличие от литературного языка и других диалектов и говоров, где функционирует только

один из суффиксов **-эле (-х1ели)** или **-къелле / -къялла**, образующих деепричастия времени, карбачимахинскому говору свойственно одновременное функционирование обоих суффиксов. Например:

Карбач. говор	Лит. язык	
<i>буцибкъилла</i>	<i>буцибх1ели</i>	«когда поймали»
<i>бакъибкъилла</i>	<i>бакъибх1ели</i>	«когда услышали»
<i>баркъибкъилла</i>	<i>барибх1ели</i>	«когда сделали»
<i>вач1ибкъилла</i>	<i>вак1ибх1ели</i>	«когда пришли»
<i>кассибкъилла</i>	<i>касибх1ели</i>	«когда взяли»

Таким образом, в карбачимахинском говоре, нефинитные формы глагола не имеют существенных отличительных особенностей в сравнении с литературным даргинским языком.

Литература:

1. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). — Махачкала, 1954.
2. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
3. Магометов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. — Тбилиси, 1982.
4. Мусаев М.-С. М. Даргинский язык // Государственные и титульные языки России. — М., 2002, — С. 83–95.
5. Сулейманов А.А. Морфология даргинского языка. Махачкала, 2003.
6. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. — Махачкала, 2004.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики

Ермакова Юлия Григорьевна, магистрант
Белгородский государственный университет

Определение и установление «внутренних» пределов осуществления субъективного гражданского права — одна из наиболее запутанных, сложных для понимания и разрешения правовых проблем. В этом механизме установления юридических границ ярко выражена цель права — предоставить обществу средство для цивилизованного разрешения возникающих противоречий и конфликтов. Определяя с помощью комплекса юридических средств для субъектов права «стандартные» внешние границы, переход за которые начинает затрагивать конкретные субъективные права других участников правоотношений, законодатели всегда пытались воплотить одну из ярких правовых идей, лежащих у истоков законотворчества: право само не должно быть орудием для бесправия.

Несмотря на то что вопросы границ правоосуществления исследуются столько же, сколько существует само гражданское право, вопрос об осуществлении гражданских прав не в соответствии с их действительным назначением (злоупотребление правом) всегда решался через призму власти того или иного государственно-правового устройства. В частности, в СССР попытки изучить указанную проблему в 60–80-х годах XX века неизменно наталкивались на «авторитет» государства и ограничивались «социалистическим» назначением права. Вследствие чего одни ученые потеряли интерес к этой проблеме, а другие просто вывели ее из области гражданского права. Однако сегодня с развитием экономики и с усложнением правоотношений развиваются и учащаются различные формы злоупотреблений гражданскими правами. Практика показывает, что неправомерным может быть поведение, не только нарушающее конкретные нормы позитивного права, но и внешне законное, а по существу, нарушающее основополагающие системные связи (принципы) гражданского права.

Между тем, несмотря на то, что представления о злоупотреблении правом с точки зрения советского гражданского права уже обнаружили свою несостоятельность, новое знание в этой области права еще не приобрело раз-

витой формы. В науке гражданского права нет единства взглядов на юридическую природу феномена злоупотребления правом (действия субъекта злоупотребления признаются как правонарушением так и особой формой реализацией права; намерение — как умышленное так и неосторожное; вред — как материальный так и нематериальный); отсутствует унифицированное научное определение понятия «злоупотребление гражданским правом»; мало изучены формы и виды злоупотреблений правами; идут горячие дискуссии об условиях применения последствий (отказ в защите права) за злоупотребительное поведение; не получен ответ на вопрос о средстве злоупотребления гражданским правом (субъективное право, субъектное право, формализм права, несовершенство норм и т.п.); недостаточно изучены субъективные пределы осуществления гражданских прав через критерии добросовестности и разумности и т.д.¹

Таким образом, в теории и практике гражданского права существует проблема понимания и распознавания юридического феномена «злоупотребление правом», которая требует своего разрешения. При этом необходимы не только фрагментарная проработка и комментарий гражданского законодательства по указанной проблеме, но и скрупулезный научный анализ доктрины о злоупотреблении правом с привлечением таких смежных областей знания, как философия, социология, психология.

По избранной теме нет каких-либо разъяснений Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ (в дальнейшем соответственно ВС РФ и ВАС РФ), за исключением незначительных упоминаний о злоупотреблении правом в п. 5 постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 1 июля 1996 г. 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»² и в п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».³ Инфор-

¹ Уваров И.А. Проблемы распознавания злоупотреблений гражданскими правами // Закон и право. — 2010. — № 5. — С. 43–44.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 6/8 от 1 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1996. — № 7. — С. 7–11.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2005. — № 3. — С. 14–16.

мационным письмом Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 до арбитражных судов был доведен «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 ГК РФ»,¹ который содержит ряд спорных положений.

Отсутствие единого научно-теоретического фундамента для определения субъективных пределов осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей негативно сказывается на правоприменительной практике: в практической деятельности происходят значительные колебания при квалификации недобросовестных актов правоосуществления в форме злоупотреблений правами, вследствие чего возникают и трудности, связанные с применением сопутствующих гражданско-правовых норм. А отсутствие единого методологического подхода к применению санкций за недобросовестное использование гражданских прав приводит к коллизиям с иными гражданско-правовыми санкциями.

Вопросы злоупотреблений правами характерны для процессуальных, налоговых, трудовых, семейных, земельных, административных и других правоотношений и, в том числе, в деятельности лиц, обладающих властной юрисдикционной компетенцией.

Следовательно, проблема злоупотребления правом имеет межотраслевой характер и ее решение может иметь общетеоретическое значение для науки российского права.

Развитие гражданского права (с римского права до современного) обусловлено, в частности, необходимостью воспрепятствовать многочисленным злоупотреблениям, связанным с недобросовестным использованием устаревших, но еще действующих норм права. Иски по «доброй совести» (римское право), «добрые нравы» как возражение недозволенному осуществлению права (параграф 826 ГГУ), «дух закона» во французской доктрине, «право справедливости» в Англии свидетельствуют о постоянной борьбе гражданского права за то, чтобы его нормы и правовые конструкции использовались строго по функциональному, т.е. системному назначению.²

Правовой смысл субъективных гражданских прав в гражданско-правовой системе регулирования общественных отношений определяется не только возможностью «я могу», «я вправе», но и в предикате «я должен», в котором субъективный аспект в праве дополняется его объективным дубликатом — юридическим назначением, смыслом. Свобода действий, свобода выбора юридических механизмов реализации права, свобода усмотрения обладателя субъективного права в гражданско-правовом поле должна быть дополнена его объективным аспектом — ответственностью. Субъект права (правообладатель) в этом смысле свободен быть ответственным, и он ответствен в том числе за надлежащее осуществление своего субъек-

тивного гражданского права именно таким образом, который совпадает с общим смыслом и назначением гражданского права.

Для правового лица — субъекта гражданского права — добром является разумное, гармоничное сочетание своих интересов и интересов других лиц и общества. Злом в его истинном значении и применительно к гражданскому праву (в контексте злоупотребления правом) будет являться вознесение субъектом права своих индивидуальных эгоистических интересов в ущерб интересам других равных ему лиц.

Суть субъективного гражданского права в этой параллели состоит в том, что оно является результатом компромиссов интересов индивида и общества, т.е. необходимой мерой возможного поведения управомоченного лица с учетом субъективных прав и интересов окружающих лиц и только в таком режиме охраняется (санкционируется) законодательством.

Намерение при осуществлении субъективного права (о котором говорит ст. 10 ГК РФ³) представляет собой не мотив, а непосредственную установку субъекта на действие с идеально выработанным планом поведения. Намерение — это гражданско-правовая, пограничная категория, отвечающая за средства для достижения поставленной цели. В намерении проявляются средства и, наоборот, избранные средства говорят о намерениях субъекта. Незаконное средство (злоупотребление правом) аннулирует и цель-благо (законный интерес). С этой точки зрения злоупотребление гражданским правом есть действие без законного интереса с целью, противной смыслу гражданского права и прежде всего принципу добросовестного осуществления прав.

Статья 10 ГК РФ имеет определяющее значение для установления возможного правоосуществления при реализации субъективного права. Она преследует цель исключить злоупотребление правом недобросовестными правообладателями. И эта цель включается в любую предметную цель нормы, определяющей формы и порядок осуществления субъективного права или иным образом воздействующую на правовое поведение правообладателя. Сбалансированная правовая система исключает такое взаимодействие норм, воздействующих на формы, виды и порядок осуществления субъективных прав, при котором эти права могут использоваться в качестве средства для достижения запретного результата.

Единство правовой цели и санкционированного законодателем средства реализации права образуют целостную (неразделимую на содержание и форму) сущность любого субъективного гражданского права. Игнорирование этого положения может привести к тому, что для разных субъек-

¹ Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 года № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2008. 29 ноября.

² Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики / В.А. Волков. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — С. 29.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 405-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. №53 (часть I). Ст. 7041.

ектов одно и то же конкретное гражданское право может иметь разные смыслы: для одного субъекта предоставленное гражданское право является законным средством для достижения правовой цели; для другого — лишь формально законным средством для достижения незаконной, скрытой противоправной цели. Подобный «формальный оборот» гражданских прав вне целостной сущности субъективного гражданского права и составляет суть проблемы злоупотребления правом.

Содержание концепции целостности субъективного гражданского права — это воплощаемое в нем осмысленное и разумное отношение субъекта права к предоставленному ему юридическому средству — субъективному гражданскому праву. Право становится действительно «субъективным» и обретает жизнь только тогда, когда становится разумно сбалансированным инструментом для реализации интересов каждого участника гражданских правоотношений.¹ Субъективное гражданское право с этой точки зрения проявляется как отношение единства (целостности) субъекта и объекта (средства права), права и обязанности, духа и буквы, возможности и действительности.

Следует различать доктринальные понятия «субъективное гражданское право» и «субъектное гражданское право» как признаваемая законодателем абстрактная юридическая возможность правоосуществления (дозволения), как детализированная правоспособность, закрепленная в объективном праве за теми или иными субъектами. Субъективное гражданское право несет в себе самостоятельное смысловое юридическое значение, прямым образом влияющее на проблему злоупотребления правом. Мысленное, идеальное «программирование» субъектом своих будущих действий оживляет «матрицу» субъектных прав и при возникновении правоотношения (наличия юридического факта) порождает искомое субъективное гражданское право. При этом, если участником правоотношений внутренние (субъективные) пределы его свободы (возможностей) не соблюдаются (хотя остается видимость правоосуществления), то не представляется возможным говорить о целостном субъективном гражданском праве в полном диалектическом единстве своего содержания и своей формы. Следовательно, средством злоупотребления выступает не субъективное, а субъектное гражданское право (либо просто гражданское право) в его строго формальном, изолированном от всей системы гражданского права смысле (включая условия договора как ненормативного права), извлеченное в результате злоупотребительного мышления из естественного формализма и неизбежного несовершенства гражданско-правовых норм.

Субъективное гражданское право — это целостная правовая конструкция, наполненная персонифицированным субъектом (лицом), идентифицированным объ-

ектом права (благом), определенной правовой целью, специфичной системной обязанностью осуществлять право добросовестно и разумно и, самое главное, ценностным и уважительным отношением к правам и законным интересам лиц, противостоящих правообладателю в соответствующем правоотношении. В конструкции субъективного гражданского права места для злоупотребления правом нет.

Пределы осуществления гражданских прав — это внутренние, субъективные границы действий для носителей права, которые управомоченное лицо определяет для себя в границах дозволенного соответствующим правовым режимом через категории добросовестности и разумности. Разумность и добросовестность являются необходимыми, однако не общими, а специальными пределами для поведения правообладателя при реализации им своего субъективного гражданского права. Разумность представляет собой структурную сторону добросовестности, а добросовестность — собирательную форму здорового, адекватного, честного поведения.

Следовательно, необходимо различать нарушение границ субъективного права от нарушения пределов осуществления права, которые соотносятся как общее и частное. При этом, общее изменчиво, а частное постоянно. И границы права, и пределы правоосуществления, актуализированные в конкретном лице, есть содержание каждого субъективного гражданского права. Поэтому норма ст. 10 ГК РФ носит двойственный характер: по своей внешней форме — это императивная, запрещающая норма, но по занимаемому месту в системе гражданского права — это норма-гарантия, отвечающая за качественное использование элементов гражданско-правовой системы в условиях неопределенности правового регулирования, когда невозможно или затруднительно применить специальную норму права (с конкретными границами) либо когда эта норма сама стала «жертвой» своего формализма.

Злоупотребление правом — всегда умышленное, сознательное, намеренное действие, но никак не неосторожное. Если для применения правовых мер при недобросовестности в ее субъективном смысле психическое отношение лица к своему поступку безразлично, то при злоупотреблении правом прямой умысел образует вину нарушителя, а недобросовестность проявляется в скрытой эксплуатации норм гражданского права, в извращении содержания предоставленных лицу правовых возможностей, в знании того, что он нарушает закон. В недобросовестном злоупотребительном акте управомоченное лицо всегда действует лицемерно, т.е. под прикрытием реализации своего субъективного права.

К действиям, определяемым ст. 10 ГК РФ, могут относиться только акты правоосуществления, правопользования, правореализации. Они являются отличительными

¹ Диденко А.Г. Признаки злоупотребления гражданским правом. Злоупотребление обязанностями // Статьи. Комментарии. Практика. Гражданское законодательство. Вып. 30. — Омск: Институт правовых исследований и анализа. — 2008. — Вып. 2. — С. 182.

признаками злоупотребления правом, поэтому, будучи по своему характеру формальными, т.е. внешне легальными, они тем не менее недобросовестны, недействительны, неправомерны по своей функциональной сути, поскольку действительная правовая цель здесь сведена к формальному средству.

Термин «злоупотребление правом» включает в себя равным образом и осуществление права, и исполнение обязанности, и бездействие.

Материальные последствия злоупотребления правом в виде наличия реального вреда не являются необходимым признаком злоупотребительного поведения нарушителя, поскольку его умысел в своих различных формах направлен на внутреннюю сущность права — создание средствами гражданского права неравенства, а не на конкретный имущественный ущерб.

Отказ в защите права является системной охранной мерой (санкцией) гражданского права, т.е. своеобразной защитой от злоупотреблений субъектов с помощью средств (форм) самого гражданского права и применяется (в том числе по собственной инициативе суда) как к истцу, так и к ответчику. Отказ в защите права — это системное защитное средство гражданского права, содержащее в себе возможность суда ограничить охранную составляющую субъектного гражданского права в целях пресечения злоупотребительного использования гражданских прав и обязанностей.

Злоупотребление гражданским правом — это особый вид гражданского правонарушения, связанного с умышленным выходом управомоченного лица в ситуации правовой неопределенности за внутренние пределы (смысл, назначение) субъективного гражданского права (определяемые в том числе критериями разумности и добросовестности) для достижения своей незаконной скрытой цели с использованием формализма и недостатков гражданского права, как-то: абстрактность, узость, пробелы, оговорки, ошибки, противоречия правовых норм и договорных условий и т.п. Иными словами, злоупотребление гражданским правом — это недобросовестное правоупотребление в условиях правовой неопределенности.

Классификацию злоупотреблений правами образуют

следующие злоупотребления: а) правом собственности; б) обязательственными правами (требованиями), в особенности правом на свободу заключения договоров и формирование их условий; в) гражданско-правовыми обязанностями; г) правом на защиту (в том числе, и возможностями ст. 10 ГК РФ). В зависимости от цели различаются: а) злоупотребление правом с единственным намерением, т.е. с исключительной целью причинить вред другому лицу (шкана); б) в целях обогащения, т.е. для получения имущественной выгоды (наживы); в) в целях избегания выполнения своих обязанностей; г) в целях воспрепятствования реализации субъективных прав кредиторов на их защиту и восстановление. Средства злоупотреблений подразделяются на объективные и субъективные. Объективные средства для злоупотреблений гражданскими правами подразделяются на косвенные (юридико-технический формализм норм гражданского права) и прямые (несовершенство гражданско-правовых норм). Субъективные средства для злоупотреблений гражданскими правами подразделяются на социальные предпосылки (пробелы воспитания и образования, правовой нигилизм) и индивидуальные формы умысла (злоупотребительные суждения, умозаключения, схемы).

На основе вышеизложенного целесообразно внести предложения по совершенствованию ст. 10 ГК РФ, текст которой предлагается изложить в качестве системного принципа гражданского права в следующей редакции:

«Статья 10. Принцип добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей

1. Ничто, включая юридический формализм и недостатки закона, не может служить основанием для недобросовестного использования прав и обязанностей. Злоупотребление правом недопустимо.

2. В случае несоблюдения требований, предусмотренных в пункте 1 настоящей статьи, суд может ограничить защиту прав недобросовестной стороны вплоть до полного отказа в защите.

3. Квалификация судом поведения лица в качестве злоупотребления правом (обязанностями) может служить самостоятельным основанием для применения способов защиты, предусмотренных статьей 12 настоящего Кодекса».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (в ред. поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. 21 января.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 405-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. №53 (часть I). Ст. 7041.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 6/8 от 1 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1996. — №7. — С. 7—11.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — №3. — С. 14—16.

5. Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 года № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2008. 29 ноября.
6. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики / В.А. Волков. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — 464 с.
7. Диденко А.Г. Признаки злоупотребления гражданским правом. Злоупотребление обязанностями // Статьи. Комментарии. Практика. Гражданское законодательство. Вып. 30. — Омск: Институт правовых исследований и анализа. — 2008. — Вып. 2. — С. 182—184.
8. Уваров И.А. Проблемы распознавания злоупотреблений гражданскими правами // Закон и право. — 2010. — № 5. — С. 43—44.

Особенности законотворческого процесса в зарубежных странах (на примере Франции)

Иванов Кирилл Константинович, аспирант
Московский новый юридический институт

В парламентах мировых государств законотворческий процесс — весьма сложная и трудоемкая деятельность по производству и воспроизведению законов, формированию правового поля для всех сфер жизнедеятельности общества, населения [1, с. 117].

Оптимизация законотворческого процесса и, в первую очередь, деятельности по выработке и принятию качественных законодательных актов приобретает особое значение не только в Российской Федерации, но и за рубежом.

Законотворческий процесс в зарубежных странах четко регламентирован. Причем данное условие касается не только самой процедуры, но и формы законодательных актов. Законотворчество за рубежом протекает в различных политических системах, имеет особую форму выражения, как процесс имеет свои процедурные особенности, которые четко закреплены в конституциях, законах, регламентах парламентов. В этом процессе все же есть идентичные или схожие действия законодателей, правила, принципы нормы и соответствующие им технологии и парламентские процедуры.

Субъектами права законодательной инициативы в большинстве зарубежных стран являются: глава государства, правительство, федеральные исполнительные ведомства, депутаты парламента, комитеты палат. Основное сосредоточение функций по осуществлению законодательной инициативы принадлежит в большинстве своем правительству, хотя «на бумаге», юридически принадлежит депутатам парламента. Как утверждает Романов А.Г., «наиболее перспективной, демократической и эффективной системой законотворчества является парламентская система и парламентаризм как принцип организации законодательной власти» [1, с. 117—118]. С ним можно согласиться частично, так как данную систему организации законодательной власти можно применять в России, так как эта система более ответственна перед на-

селением за принятие законов. В то же время, основным фактором для критики служат отношения между законодательной и исполнительной ветвями власти в связи с тем, что она дает исполнительной власти большие полномочия.

Например, во Франции законодательная инициатива принадлежит только «Премьер-министру и членам Парламента» [2, с. 55]. Как утверждал Ф.Ардан, что до 2008 г. преобладал строгий правительственный контроль над всем законодательным процессом, протекающим в Парламенте Франции [3, с. 7]. Но в 2008 г. (23 июля), в результате принятия проекта поправок к Конституции на Конгрессе Палат Парламента возросло значение Парламента Франции, путем предоставления ему новых компетенций по отношению к Правительству, а также установление определенного равновесия в отношениях Парламента с другими органами государственной власти [4, с. 4—5].

В конституционно-правовой системе Французской республики законодательной инициативой подразумевается право внесения акта, который после принятия становится законом [5, с. 509—510].

Правительство Франции имеет право вносить в Парламент законодательные инициативы в форме законопроектов в отличие от депутатов, которые вносят их в форме законодательных предложений, и которые ограничены двумя условиями:

во-первых, данное законопредложение должно отвечать определенным вопросам, строго отнесенных к компетенции Парламента Франции;

во-вторых, оно не должно затрагивать изменение в большую или в меньшую сторону государственных ресурсов.

Как пишет в своей работе Ф. Ардан, что «Ст. 40 (Конституции Французской республики. — прим.авт.) значительно ограничивает инициативу парламентариев» [3,

с. 115], соответственно из-за того, что нет такого большого количества законов, которые не потребовали бы изменение сметы расходов, и действует также в отношении тех поправок, которые вносятся в парламент во время обсуждения будущих законов. Предусматривает, что «предложения и поправки, внесенные членами Парламента, не могут быть приняты, если следствием их принятия явится сокращение государственных» доходов, либо создание или «увеличение государственных расходов» [2, с. 41]. Регламент Национального Собрания Франции (пункт 2 статьи 89) гласит, что данные инициативы будут считаться неприемлемыми [6, с. 37].

Причем, Правительство, а также Председатель палаты имеют право на основании статьи 41 настаивать на исключение из повестки дня вопросов, не входящих в компетенцию законодательных предложений либо если имеется противоречие делегированным полномочиям [7, с. 18], что также указано в Регламенте Национального Собрания в статье 93. В современной французской теории права преобладает особое мнение, что итогом реализации права законодательной инициативы парламентариев не всегда является рассмотрение законопредложения Парламентом. На практике именно правительство вносит пакеты законопроектов в Парламент, корректируя и контролируя повестку дня заседаний [8, с. 57].

Все-таки большинство законодательных инициатив и принятых законов во Франции имеют правительственное происхождение [3, с. 115]. То есть, правительство Франции выступает в роли «мотора» политической системы, а сами законопроекты становятся наиболее вероятным и надежным инструментом воздействия на общество. Характерной особенностью парламента Французской Республики является то, что и законопроекты, и законодательные предложения направляются в специализированную комиссию (в специальную или постоянную), которая по итогам обсуждения выносит свое заключение по поступившему законопроекту или законопредложению, а также корректирует поступивший проект с учетом замечаний. Обсуждение законопроекта или законопредложения до конституционной реформы 2008 г. проводилось по тексту, который предоставило Правительство и оно имело право оказывать на Парламент непосредственное давление (в случае необходимости) в виде проведения одного голосования в целом по законопроекту, без изменений следуя по тексту, а также по тем поправкам, которые были внесены Правительством или, как указывал А.Д. Керимов, так называемую процедуру «блокированного голосования» [9, с. 5]. В настоящее время обсуждение законодательных инициатив Правительства и членов Парламента происходит на основе текста, принятого соответствующей комиссией, а уже в случае отсутствия текста комиссии — на основании представленного в палату первичного текста [10, с. 1–2], хотя процедура «блокированного голосования» в частично измененном виде осталась в абзаце 3 статьи 44 Конституции Франции [11, с. 97]. Фактически, данная процедура направлена в

большинстве своем на не определившееся парламентское большинство, которому может не нравиться обсуждаемый акт. В итоге Правительство вынуждает Парламент принять законопроект в правительственном варианте с поправками, также предложенными Правительством.

Как пишет в своей статье А.Н. Пилипенко, данные изменения в Конституцию Франции имеют под собой конкретную направленность на ускорение времени на прохождение законопроектов и уменьшение проволочек по обсуждению со стороны оппозиции [12, с. 47].

И все же, в данном случае это еще раз показывает особую роль Правительства в законотворческом процессе, хотя и уже частично усеченную. Это обусловлено еще и тем, что ни Правительство, ни Парламент не заинтересованы в том, чтобы провести законопроект или законопредложение через специальную комиссию, хотя и в статье 43 Конституции Французской Республики указано такое условие, но только по требованию [11, с. 98]. Процедура довольно сложна для эффективно-оперативной работы с Актами, а Правительство остерегается беспристрастной оценки и мнения специалистов, которые будут состоять в данной комиссии. Как утверждает Ф.Ардан, практически все законопроекты и законопредложения обсуждаются и согласуются в постоянных комиссиях, минуя специальные, что естественно противоречит воле составителей Конституции [3, с. 117]. Харламова Ю.В. в своей работе утверждает, что преобладание исполнительной власти в законотворческой практике Парламента обеспечено не только Конституцией Франции, но и с помощью практики внесения законопроектов именно Правительством, в связи с чем теряется своеобразная инициатива Национального Собрания [8, с. 58]. Как итог — и формально, и в силу практики исполнительная власть установила ведущую роль в определении повестки дня заседаний.

А.Н. Пилипенко указывает, что в новой редакции статьи 42 Конституции Французской Республики регламентировано условие, при котором при внесении и скорейшем рассмотрении законопроектов в Парламенте Франции, может быть предложен альтернативный вариант законопроекта, уже исходящий от Парламента, а также у него появилась возможность обращения в Государственный Совет за получением заключения в отношении законопроектов [12, с. 48]. При внесении поправок в текст законопроекта или законопредложения, Правительство на основании статьи 44 Конституции Франции, а также статьи 100 Регламента Национального Собрания, имеет право возражать против поправок, внесенных на рассмотрение палаты без рассмотрения в комиссии.

Все законопроекты и законопредложения рассматриваются в обеих палатах французского Парламента (на основании статьи 45 Конституции Франции), чтобы в итоге выработать идентичный текст. В случае, если при обсуждении возникают определенные противоречия (если законодательный проект акта не был принят после двух чтений в обеих Палатах Парламента или Правительство предлагает использовать ускоренную процедуру голосо-

вания), то создается смешанная паритетная комиссия для выработки текста, в котором должны быть решены все разногласия по отдельным положениям. Причем в данном случае есть определенное условие, которое указано в статье 45 Конституции Франции, определяющее, что в случае таких противоречий если рассматривается законопроект, то право создания паритетной комиссии принадлежит Премьер-министру, в случае же законопредложений — «председателям обеих палат, действующих совместно». Возможность также создавать паритетную комиссию председателями палат было введено только конституционной реформой 2008 г. До этого применялось условие, описанное А.Д.Керимовым, как «стремление рационализировать деятельность парламента, поставить парламент в жесткую зависимость от исполнительной власти» [13, с. 102]: инициатива создания смешанных паритетных комиссий принадлежала только правительству, а парламент таким правом не наделялся. В настоящее время этот пробел устранен, тем самым открыта дорога Парламенту в отношении создания паритетной комиссии в части законопредложений (так как они вносятся депутатами) для дальнейшей корректировки текста между обеими палатами. Сам текст, определенный паритетной комиссией, направляется на одобрение обеих палат, с условием принятия поправок к нему только по согласию Правительства [11, с. 99]. Если паритетная комиссия не приходит к единому мнению и не принимает новый доработанный законопроект или законопредложение, то после нового чтения в обеих палатах Правительство требует от нижней палаты Парламента — Национального Собрания — принять окончательное решение по данному вопросу: либо принять акт, выработанный смешанной комиссией либо вернуться к акту, который принимался Национальным Собранием, с возможным включением поправок, поступивших от Сената.

Тем самым, Правительство дает право последнего слова за Национальным Собранием. Это отчетливо показывает, что во Французской двухпалатной системе присутствует неравноправный характер законотворчества. Как указывает в своей статье Е.В.Коврякова, в силу исторических причин исполнительная власть преобладает над остальными властями, поэтому и компетенция и полномочия Национального собрания носят ограниченный характер [14, с. 11]. Фактически, сложившаяся модель взаимоотношений между законодательной и исполнительной властью во Франции определяется нежеланием повторять ошибки 3-ей и 4-ой Французских Республик.

В отношении законов, которые Конституция Франции относит к органическим, были внесены изменения, которые ускоряют (при предложении ввода ускоренной процедуры) процесс передачи рассмотрения законопроекта или законопредложения в нижнюю палату Парламента Франции «до истечения срока в пятнадцать дней с момента их внесения» [11, с. 100].

Парламент Франции также рассматривает и принимает законопроекты, предусматривающие организацию

и финансирование налоговых поступлений, социального обеспечения, а также расходов государства. Финансовые законопроекты занимают особое место в законодательстве, и, как пишет Филипп Ардан, «символизируют готовность закона платить налоги» [3, с. 121]. Сроки принятия решения в первом чтении для Национального собрания при принятии законопроектов, связанных с налогами и расходами государства, составляют до 40 дней, в то время как на финансирование социального обеспечения отводится не более 20 дней. Если Национальное собрание не принимает решения в установленные сроки, Правительство направляет проект закона в Сенат для принятия решения в 15-тидневный срок. В случае же, если и верхняя палата не принимает решение по законопроекту, то в течение 70-ти с момента внесения законопроекта (например бюджета на следующий год), а в отношении социального обеспечения — 50-ти дней, «положения могут быть введены в силу путем издания ордонанса» [11, с. 101].

В процессе формирования правовых инициатив, построения структурированного законодательного обеспечения активно используются формы общественного воздействия. В Конституции Французской Республики предусмотрено, что для оказания помощи и содействия законодательной, исполнительной и судебной власти учреждаются вспомогательные государственные органы, как, например, экономический и социальный совет, состоящий из представителей союзов предпринимателей, профсоюзов, Правительства и предоставляющий консультации последнему по его вопросам [15, с. 340]. Законопроекты, непосредственно связанные с предпринимательской деятельностью, должны рассматриваться представителями деловых кругов, а также профсоюзными организациями, чтобы обеспечить стабильное развитие государства в условиях рыночной экономики.

Данные нововведения в Конституцию Французской республики и, в частности, Парламента имеют под собой основу для дальнейшей демократизации и открытости прохождения законопроектов и законопредложений в обеих Палатах. Реформа повлияла на сам законотворческий процесс, либерализовала его.

Как можно увидеть, французские парламентарии обладают значительным опытом как в организации парламентской деятельности, так и в управлении своим Парламентом.

Новейшая история Парламента Пятой Французской Республики служит ярчайшим примером противостояния законодательной и исполнительной власти. Использование зарубежного опыта, в том числе и Парламента Франции в отношении законодательной техники, может выполнять особую роль в развитии и унификации российского законодательства.

Опыт, полученный французскими парламентариями за последние десятилетия, является бесценным для всех развивающихся в демократическом плане стран, в том числе и для России. Конституционный опыт Франции нашел

определенное отражение при разработке ныне действующей Конституции Российской Федерации. В связи с этим крайне необходимо его внимательное и скрупулезное

изучение для дальнейшего совершенствования законодательного процесса Федерального Собрания Российской Федерации.

Литература:

1. Романов Р.Г. Процедурные и технологические проблемы законотворческого процесса в Федеральном Собрании Российской Федерации // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. Майкоп – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС. 1999;
2. Конституции зарубежных стран / Сост. Дубровин В.Н. – М.: Издательство Юрлитинформ, 2001;
3. Ардан Филипп. Франция: государственная система: Пер. с франц. – М.: Юрид. Лит., 1994;
4. Projet de Loi Constitutionnelle de modernization des institutions de la V Republique 21 juillet 2008. Информация взята с официального сайта Национального Собрания Французской Республики: http://www.assemblee-nationale.fr/13/congres2/texte_adoptee_congres_210708.pdf;
5. Duhamel O., Meny Y. Dictionnaire constitutionnel. P.: Presses Universitaires de France, 1992;
6. Rules of procedure of the National Assembly. February 2010. Информация взята с официального сайта Национального Собрания Французской Республики: <http://www.assemblee-nationale.fr/english/8ac.asp>;
7. De la Constitution en vertu de la loi constitutionnelle n° 2008–724 du 23 juillet 2008. Информация взята с официального сайта Национального Собрания Французской Республики: http://www.assemblee-nationale.fr/13/congres2/Constit_Juillet08_version__consolidee240708.pdf;
8. Харламова Ю.В. Государственная Дума в политической системе России: конституционные основы и политическая практика. – Saarbrücken: Lap Lambert, 2010;
9. Керимов А.Д. Парламентское право Франции. – М.: Издательство Норма, 1998;
10. The Coming into Effect of the New Constitutional Provisions and the Reform of Parliamentary Procedure. Информация взята с официального сайта Национального Собрания Французской Республики: http://www.assemblee-nationale.fr/english/new_constitutional_provisions_may-2009.asp;
11. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия : учеб. пособие / [сост. Сб., пер., авт. введ. и вступ. Ст. В.В.Маклаков]. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010;
12. Пилипенко А.Н. Франция: усиление роли парламента. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения» №5 (24), 2010;
13. Керимов А.Д. Смешанные паритетные комиссии в парламенте Пятой французской республики // Правоведение. № 6, 1991;
14. Коврякова Е.В. Особенности парламентского контроля во Франции (часть 2) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. Журнал – научно-практическое издание. 2003, №4;
15. Осавелюк А.М. Конституционное право зарубежных стран: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

Источники правового регулирования гражданско-правовых договоров в исполнительном производстве

Курбангалеева Людмила Александровна, старший преподаватель
НОУ «Институт экономики и права» – филиал в г. Набережные Челны

Договоры в исполнительном производстве, в частности, поручение, комиссия и хранение как особый вид услуг, нуждающихся в самостоятельной правовой защите, имеют большую правовую базу регулирования. Названные виды договоров по ныне действующему гражданскому законодательству находят свое закрепление и правила регулирования.

Договор поручения относится к числу ранее известных договоров. Его правила содержались в ГК 1964. Тем не

менее в новом Гражданском кодексе данный институт получил дальнейшее развитие и пополнился целым рядом новых правил. Новеллы связаны, в частности, с тем, что новый Гражданский кодекс ввел в оборот коммерческое представительство, что обусловило необходимость установления правил, связанных с этим представительством.

Договор комиссии является институтом, давно известным российскому гражданскому праву. Его нормы содержались и в ГК 1964. Не изменилось и само понятие

договора. Вместе с тем и в статьях ГК РФ, излагающих сущность комиссии, и во всех последующих статьях, относящихся к данному институту, содержится довольно много новых положений, свидетельствующих о весьма существенном развитии договора комиссии.

В ст.990 ГК РФ есть ряд новых положений, направленных на более четкое определение юридических признаков данного договора. Договор комиссии относится к числу договоров, направленных на предоставление юридических услуг. В этом смысле он довольно близок к договору поручения. Вместе с тем между ними имеются существенные различия.

Особенности комиссионной продажи непродовольственных товаров, принадлежащих гражданам, юридическими лицами и гражданами-предпринимателями установлены Правилами комиссионной торговли непродовольственными товарами, которые утверждены постановлением Правительства РФ от 20 сентября 1994 г.¹

Приведённое в ст. 886 действующего ГК РФ, определение договора хранения воспроизводит то, которое содержалось в ст. 422 ГК РСФСР 1964 г. Оно сводится к тому, что «по договору хранения одна сторона (хранитель) обязуется хранить вещь, переданную ей другой стороной (поклажедателем) и возвратить эту вещь в сохранности»².

Нормы о договорах в исполнительном производстве содержатся также в иных нормативных актах федерального уровня. Так, Федеральный закон «Об исполнительном производстве»³ регулирует деятельность судебного пристава-исполнителя по оценке и реализации имущества должника.

Ст. 87 ФЗ «Об исполнительном производстве» содержит положения о реализации имущества, которое возможно осуществить посредством договоров поручения и комиссии. Реализация имущества должника осуществляется путем его продажи специализированными организациями, привлекаемыми в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Функции по реализации имущества, арестованного во исполнение судебных решений или актов органов, которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество, а также функции по реализации конфискованного имущества осуществляет Федеральное агентство по управлению государственным имуществом⁴.

Приказом ФССП РФ № 347, Росимущества № 149 от 25.07.2008 утвержден Порядок взаимодействия Федеральной службы судебных приставов и Федерального агентства по управлению государственным имуществом по вопросам организации продажи имущества, арестованного во исполнение судебных решений или актов органов, которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество⁵.

Действующее законодательство РФ не содержит подзаконных нормативных актов, посвященных именно договорам в исполнительном производстве, многочисленные подзаконные акты регулируют договоры поручения, комиссии и хранения в гражданском обороте. По сути, к подзаконным нормативным актам, регулирующим деятельность судебного пристава-исполнителя при реализации договоров поручения, комиссии, хранения являются многочисленные приказы, информационные письма ФССП России.

Так, одним из таких приказов является приказ ФССП России от 28 ноября 2008 г. «Об утверждении Порядка оценки и Порядка реализации имущества должников». Согласно положениям данного приказа ФССП России приказало утвердить Порядок оценки имущества должников (порядок № 1), Порядок реализации имущества должников (Порядок № 2).

Согласно положениям Порядка № 1 деятельность сторон по исполнению условий государственных контрактов на оказание услуг по оценке арестованного имущества регулируется Гражданским кодексом РФ, ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»⁶, «Об исполнительном производстве»⁷, а также стандартами оценки, утвержденными постановлением Правительства РФ «Об утверждении стандартов оценки»⁸, приказами Министерства экономического развития и торговли РФ «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО № 3)»⁹, «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Цель оценки и виды стоимости (ФСО № 2)»¹⁰, «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы к оценке и требования к проведению оценки (ФСО № 1)»¹¹.

В целях установления единой практики применения территориальными органами ФССП России действующего законодательства в сфере оценки, организации хра-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, №23, ст. 2569.

² Гражданское право. Часть 2. Учебник. /Под общей ред. А.Г. Калпина. — М.: Юристъ, 2001. — С.362–363.

³ Федеральный закон РФ от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

⁴ Указ Президента РФ от 12.05.2008 N 724, Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 N432.

⁵ Приказ ФССП РФ N 347, Росимущества N 149 от 25.07.2008.

⁶ Федеральный закон РФ от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

⁷ Федеральный закон РФ от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

⁸ Постановление Правительства РФ от 06.07.2001 № 519 «Об утверждении стандартов оценки».

⁹ Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 20.07.2007 г. № 254 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО № 3)».

¹⁰ Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 20.07.2007 г. № 255 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Цель оценки и виды стоимости (ФСО № 2)».

¹¹ Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 20.07.2007 г. № 256 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы к оценке и требования к проведению оценки (ФСО № 1)».

нения и реализации арестованного имущества должников действуют методические рекомендации по порядку оценки, организации хранения и реализации арестованного имущества, разработанные Управлением организации работы по реализации имущества должников Федеральной службы судебных приставов¹.

Указанные методические рекомендации по порядку оценки, организации хранения и реализации арестованного имущества содержат положения Гражданского кодекса РФ, Федеральных законов «Об исполнительном производстве»², «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»³, «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»⁴, Стандартов оценки, утвержденные постановлением Правительства РФ «О реализации арестованного, конфискованного и иного имущества, обращенного в собственность государства»⁵, Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы к оценке и требованиям к проведению оценки (ФСО № 1)»⁶, утвержденные приказом Минэкономразвития России⁶, Федерального стандарта оценки «Цель оценки и виды стоимости (ФСО № 2)»⁷, утвержденные приказом Минэкономразвития России⁷, Федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО № 3)»⁸, утвержденные приказом Минэкономразвития

России⁸, распоряжения специализированного государственного учреждения при правительстве РФ «Российский фонд Федерального имущества» «Об утверждении порядка организации и проведения торгов по продаже арестованного и изъятого имущества, а также конфискованного, бесхозяйного и иного имущества, обращенного в собственность Российской Федерации»⁹.

Деятельность судебного пристава-исполнителя по розыску должников и их имущества и реализации имущества регулируется также в настоящее время Приложениями № 5, 6 к приказу ФСССП России от 15.04.2008 № 226, которые содержат в себе ряд методических рекомендаций: Методические рекомендации по заполнению содержательной части формы № 2–1 «Сведения о переданном на реализацию и реализованном имуществе»; Методические рекомендации по заполнению содержательной части формы № 2–2 «Сведения о результатах деятельности территориальных органов ФСССП России по розыску должников и их имущества».

Все положения по договорам в исполнительном производстве, указанные в ранее действовавшем гражданском законодательстве, нашли свое отражение в ныне действующем законодательстве Российской Федерации, однако многие нормы были расширены и дополнены с учетом практики по данному вопросу.

Проблемы исполнения исполнительного документа в случае введения в отношении сторон исполнительного процедуры банкротства

Курбангалеева Людмила Александровна, старший преподаватель
НОУ «Институт экономики и права» – филиал в г. Набережные Челны

В соответствии с действующим законодательством, в соответствии со статьей 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» несостоятельность (банкротство) — признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кре-

диторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Согласно статье 7 названного Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом обла-

¹ Информационное письмо ФСССП России от 22.01.2008 г. № 12/02-594-АП «О порядке оценки, организации хранения и реализации арестованного имущества».

² Федеральный закон РФ от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

³ Федеральный закон РФ от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон РФ от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

⁵ Постановление Правительства РФ от 19.04.2002 г. № 260 «О реализации арестованного, конфискованного и иного имущества, обращенного в собственность государства».

⁶ Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 20.07.2007 г. № 256 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы к оценке и требования к проведению оценки (ФСО № 1)».

⁷ Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 20.07.2007 г. № 255 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Цель оценки и виды стоимости (ФСО № 2)».

⁸ Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 20.07.2007 г. № 254 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО № 3)».

⁹ Распоряжение специализированного государственного учреждения при правительстве РФ «Российский фонд федерального имущества» от 29.11.2001 № 418 «Об утверждении порядка организации и проведения торгов по продаже арестованного и изъятого имущества, а также конфискованного, бесхозяйного и иного имущества, обращенного в собственность Российской Федерации».

дают должник, конкурсный кредитор, уполномоченные органы.

Однако в исполнительном производстве бывают случаи когда, банкротом становится не только должник, но и сам взыскатель. Более того иногда бывает, что в отношении взыскателя не только введено конкурсное производство, но и принято решение о завершении конкурсного производства и внесении записи в единый государственный реестр ликвидации данной организации.

В соответствии со статьей 96 ФЗ №229 « Об исполнительном производстве» предусматривается порядок обращения взыскания при введении в отношении должника-организации процедур банкротства, а также при ликвидации должника-организации. Во — первых на основании определения арбитражного суда о введении процедур наблюдения, финансового оздоровления или внешнего управления судебный пристав-исполнитель приостанавливает исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям, за исключением исполнительных документов, выданных на основании вступивших в законную силу до даты введения указанных процедур судебных актов, в том числе судебных приказов, о взыскании задолженности по заработной плате, выплате вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, компенсации морального вреда, а также о взыскании задолженности по текущим платежам. Во — вторых при приостановлении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель снимает аресты с имущества должника и иные ограничения по распоряжению этим имуществом, наложенные в ходе исполнительного производства. Судебный пристав-исполнитель вправе не снимать арест с имущества, стоимость которого не превышает размер задолженности, необходимый для исполнения требований исполнительных документов, исполнительное производство по которым не приостанавливается. Имущество, арест с которого не снят, может быть реализовано для удовлетворения требований по исполнительным документам, исполнение по которым не приостанавливается. В — третьих, при введении процедуры финансового оздоровления или внешнего управления новые аресты на имущество должника могут быть наложены и иные ограничения по распоряжению указанным имуществом установлены исключительно в рамках процесса о банкротстве. И в четвертых, при получении копии решения арбитражного суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства (а также когда должник находится в процессе ликвидации) судебный пристав-исполнитель оканчивает исполнительное производство, в том числе по исполнительным документам, исполнявшимся в ходе ранее введенных процедур банкротства, за исключением исполнительных документов о признании права собственности, компенсации морального вреда, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о применении последствий недей-

ствительности сделок, а также о взыскании задолженности по текущим платежам. Одновременно с окончанием исполнительного производства судебный пристав-исполнитель снимает наложенные им в ходе исполнительного производства аресты на имущество должника и иные ограничения по распоряжению этим имуществом.

Более того в соответствии с Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Москва № 59 от 23 июля 2009 г. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве, если исполнительный документ (за исключением исполнительных документов, указанных в части 4 статьи 96 Закона об исполнительном производстве, по которым исполнительное производство не оканчивается) поступает в службу судебных приставов после принятия судом решения о признании должника банкротом, судебный пристав-исполнитель в трехдневный срок со дня поступления к нему исполнительного документа выносит постановление об отказе в возбуждении исполнительного производства на основании абзаца шестого пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве применительно к пункту 8 части 1 статьи 31 Закона об исполнительном производстве. Но данное положение на практике практически не применяется судебными приставами-исполнителями в виду отсутствия сведений и документов, подтверждающих на момент возбуждения исполнительного производства введения в отношении должника процедуры банкротства.

Однако в действующем законодательстве не предусмотрено действие судебного пристава-исполнителя при исполнении исполнительного документа в случае завершения конкурсного производства в отношении взыскателя. Так в соответствии со статьей 43 ФЗ № 229 «Об исполнительном производстве». прекращение исполнительного производства и исполнительное производство прекращается судом в случаях: 1) смерти взыскателя-гражданина (должника-гражданина), объявления его умершим или признания безвестно отсутствующим, если установленные судебным актом, актом другого органа или должностного лица требования или обязанности не могут перейти к правопреемнику и не могут быть реализованы доверительным управляющим, назначенным органом опеки и попечительства; 2) утраты возможности исполнения исполнительного документа, обязывающего должника совершить определенные действия (воздержаться от совершения определенных действий); 3) отказа взыскателя от получения вещи, изъятой у должника при исполнении исполнительного документа, содержащего требование о передаче ее взыскателю; 4) в иных случаях, когда федеральным законом предусмотрено прекращение исполнительного производства.

Таким образом получается, что в случае смерти гражданина-взыскателя исполнительное производство прекращается, если нет правопреемников, а в отношении взыскателя-организации такой нормы в законе не предусмотрено. Поэтому если провести аналогию между фи-

зическим и юридическим лицом, то завершению конкурсного производства и внесении записи в единый государственный реестр о ликвидации лица в соответствии действующим законодательством не предусматривает наличия правопреемника как это предусмотрено при реорганизации юридического лица. Так в силу статьи 44 ГПК В случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. В соответствии со ст. 387 ГК РФ права кредитора по обязательству переходят к другому лицу на основании закона и наступления указанных в нем обстоятельств: — в результате универсального правопреемства в правах кредитора; — по решению суда о переводе прав кредитора на другое лицо, когда возможность такого перевода предусмотрена законом; — вследствие исполнения обязательства должника его поручителем или залогодателем, не являющимся должником по этому обязательству; — при суброгации страховщику прав кредитора к должнику, ответственному за наступление страхового случая; — в других случаях, предусмотренных законом. Вследствие вышеуказанных обстоятельств, когда взыскатель становится банкротом, и в отношении него завершено процедура конкурсного производства, то данное правовое положение юридического лица можно приравнять к смерти гражданина — взыскателя. И применить те правовые последствия, которые предусмотрены ст. 43 ФЗ № 229 «Об исполнительном производстве».

емства в правах кредитора; — по решению суда о переводе прав кредитора на другое лицо, когда возможность такого перевода предусмотрена законом; — вследствие исполнения обязательства должника его поручителем или залогодателем, не являющимся должником по этому обязательству; — при суброгации страховщику прав кредитора к должнику, ответственному за наступление страхового случая; — в других случаях, предусмотренных законом. Вследствие вышеуказанных обстоятельств, когда взыскатель становится банкротом, и в отношении него завершено процедура конкурсного производства, то данное правовое положение юридического лица можно приравнять к смерти гражданина — взыскателя. И применить те правовые последствия, которые предусмотрены ст. 43 ФЗ № 229 «Об исполнительном производстве».

Криминологическая характеристика преступлений, наиболее часто совершаемых посредством других лиц, и меры по их профилактике

Луньков Дмитрий Александрович, старший помощник военного прокурора, майор юстиции
Военная прокуратура Ярославского гарнизона

Преступность — один из главных факторов, отрицающих общественное устройство и общественную безопасность. Не удивительно, что поиск путей избавления от нее является одной из главных составляющих государственной деятельности. Исторический опыт свидетельствует, что за все время существования человечества уничтожить преступность не удалось ни в одной стране мира. Ни сверхжесткими, ни гуманными социальными реформами избавить общество от преступности никому не удалось. Главной причиной существования преступности является тот факт, что она — явление социальное. Это означает, что преступность обусловлена не биологической природой человека, хотя последняя может оказывать определенные криминогенные влияния на генезис преступного поведения, а природой и содержанием общественных отношений и противоречий [9, с. 75]. Пока существует общество, будут существовать созданные им законы, а значит, и люди, их нарушающие.

В равной степени сказанное относится и к проблемам совершения преступлений чужими невиновными руками. В связи с этим посредственное причинение вреда рассматривается российским уголовным правом и криминологией как особая форма совершения преступления, характеризующаяся более высокой степенью общественной опасности. Повышенная общественная опасность обуславливается тем, что в подобных случаях происходит не просто привлечение к совершению преступления другого лица, а целенаправленная деятельность, направленная на достижение преступного результата «чужими руками», соединенной с попыткой внешне остаться не причастным

к совершению преступления.

Нельзя забывать о том, что степень общественной опасности преступлений, совершенных с использованием других лиц, заведомо не подлежащих уголовной ответственности, повышается еще и потому, что в этом случае усложняется причинная связь между действиями злоумышленника и наступившим преступным результатом путем искусственного ввода между ними фигуры невиновного причинителя вреда. Вследствие этого увеличивается возможность сокрытия следов преступления и уклонения преступника от уголовной ответственности. В первую очередь, сказанное справедливо для преступлений, к совершению которых привлекаются несовершеннолетние либо невменяемые лица.

Вопрос доказательственной силы показаний граждан данной категории относится к предмету уголовно-процессуального права и криминологии, в связи с чем выходит за рамки настоящей статьи. Однако отрицать, что посредственный совершитель преступления не придавал никакого значения подобным специфическим свойствам личностей невиновных исполнителей его замыслов, в том числе с позиций последующей дачи ими показаний против него, неверно. Применительно к совершению преступлений путем использования невменяемых лиц эта проблема усложняется тем, что большинство психических заболеваний имеет тенденцию усиливаться, что, в свою очередь, ведет к различным видам амнезий и, как следствие, к дополнительным трудностям в воспроизведении лицом происшедших событий в ходе предварительного следствия и в суде.

К сожалению, приходится констатировать, что определенная категория дееспособных лиц в силу своих личностных особенностей в наибольшей мере подвержена тому, чтобы стать невиновным исполнителем чужих замыслов. Как показывает следственная и судебная практика, даже после освобождения невиновного лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным Уголовным кодексом РФ, и привлечения к уголовной ответственности истинного виновника преступления, невиновные причинители для себя должных выводов не делают, а лишь озлобляются на окружающих либо, в худшем случае, приобретают психическое или неврологическое расстройство.

Разрабатывая мероприятия по предупреждению преступлений, совершаемых посредством других лиц, за основу примем позицию С.М. Иншакова, относящего к числу сдерживающих элементов социального контроля: совесть, возможность уголовного наказания, общественное осуждение, стереотипы правомерного поведения и отсутствие условий для совершения преступления [9, с. 106]. Однако в случае с посредственным причинением вреда первые четыре элемента отсутствуют, поскольку совесть, угроза уголовного наказания, общественное осуждение и стереотипы правомерного поведения для посредственного совершителя преступлений особого сдерживающего значения не имеют. Главным препятствием к совершению преступления «чужими руками» является отсутствие подходящего исполнителя. Как только такое лицо появляется в поле зрения преступника, ситуацию следует считать потенциально криминогенной. Таким образом, посредственная преступность имеет ряд отличительных особенностей, которые проявляются в первую очередь в причинном комплексе и мотивации выбора способа преступного поведения и, как следствие, в ее уровне и тенденциях развития. Вместе с тем, перечисленные особенности обусловлены особенностями личности невиновного причинителя вреда, поскольку последние, не являясь субъектами уголовной ответственности, отличаются от преступника как личностными характеристиками, так и мотивами поведения при причинении вреда.

При этом составной частью проблемы преступлений, совершаемых посредством другого лица, является подпроблема их латентности. По справедливому замечанию А.Ж. Кетле, обществу становится известной лишь часть совершающихся преступлений [6, с. 262]. Продолжая эту мысль, В.М. Коган отмечал, что «...тенденция к латентности так же свойственна преступности в целом, как стремление скрыть совершенное преступление свойственно отдельному преступнику» [7, с. 46]. Сказанное особенно актуально для преступлений, связанных с посредственным причинением вреда.

Традиционно латентные преступления разделяются на незаявленные, неучтенные и нераскрытые. К последним относятся те, о которых правоохранительным органам стало известно, они были зарегистрированы и расследованы, однако не были раскрыты надлежащим образом. Применительно к преступлениям, совер-

шенным посредством другого лица, это означает следующее. Должностные лица правоохранительных органов, как правило, ограничиваются изучением личности непосредственного исполнителя преступления и вопросов его причастности к противоправному деянию. В большинстве случаев посредственный совершитель преступления сумеет избежать уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным уголовным законом, а его уголовное преследование будет прекращено. При этом, как правило, возможны два пути развития событий, в основе которых лежат следующие типичные ситуации.

В первом случае следственные версии о причастности к преступлению других лиц исследуются слабо или не исследуются вовсе. По этому пути ситуация развивается, как правило, при использовании для совершения преступлений невменяемых или малолетних лиц. Их пояснения о случившемся (разумеется, при наличии таковых) о воздействии на них других людей, как правило, в расчет не принимаются, поскольку использовать их в качестве улики весьма затруднительно. Иные доказательства, как правило, отсутствуют, или чрезвычайно скудны. Следовательно, установление истинных виновников преступлений, совершаемых посредством других лиц, связано со значительными трудностями в доказывании его вины, оцениваемые большинством следователей как несообразные с конечным результатом. Подобные преступления раскрываются лишь благодаря удачному стечению обстоятельств или случайно, во всех остальных случаях признаваясь казусом либо несчастным случаем. С учетом этого, основываясь на классификации преступлений по степени их латентности, предложенной С.М. Иншаковым, преступления, совершаемые посредством других лиц, следует отнести к особо высоколатентным [4, с. 8].

В подобных ситуациях гораздо легче «назначить» преступника, что встречается чаще всего при исполнении противоправных приказов либо действия лица под заблуждением или принуждением. Эти случаи составляют вторую категорию латентных преступлений, совершаемых посредством других лиц. Их особенность заключается в том, что исполнителями здесь являются, как правило, вмняемые лица, которые обладают уголовной правосубъектностью. При этом их личности не имеют устойчивых противоправных наклонностей, а факт наступления от их рук общественно опасных последствий является для них сильным потрясением, в связи с чем совершенное они не отрицают. Их подавленное состояние позволяет отдельным недобросовестным правоприменителям без труда склонить их к признательным показаниям, взяв вину на себя, и счесть преступление раскрытым, что в конечном итоге позволит истинному преступнику избежать наказания.

Между тем, проблемы изобличения лиц, причастных к совершению преступления чужими руками, выходят далеко за пределы настоящей работы, в которой они рассматриваются лишь в уголовно-правовом и криминологическом аспектах. По нашему мнению, преступления,

совершаемые чужими руками, уже в силу своей сущности обладают чрезвычайной латентностью и намного превышают средний уровень сокрытия преступлений. Истинный преступник, который совершил преступление, в силу халатности или недостаточного профессионализма оперативных, следственных или судебных работников, имеет реальные шансы избежать уголовной ответственности за содеянное чужими руками. Ситуация усугубляется массовым оттоком квалифицированных кадров в предпринимательские структуры из правоохранительных органов, влекущим за собой рост их штатной неуккомплектованности. В результате этого все увеличивающейся изощренности посредственных причинителей вреда, проявляемой ими при совершении преступлений, противопоставлен снижающийся профессионализм сотрудников правоохранительных органов, что, в свою очередь, провоцирует рост следственных и судебных ошибок.

Между тем, чрезвычайная латентность преступлений, совершенных посредством других лиц, противоречит интересам общества, поскольку в этих случаях настоящий преступник остается безнаказанным, что, в свою очередь, способствует совершению им новых преступлений, поскольку, как справедливо заметил З. Карабец, «...помимо суммы действий правонарушителей преступность обьёмлет социальные, психологические и некоторые иные компоненты, определяющие действия конкретного преступника» [5, с. 143].

Рассматривая систему мер по борьбе с преступлениями, совершаемыми посредством других лиц, уместно вспомнить высказывание Г.А. Аванесова о том, что «...в систему борьбы с преступностью входят: раскрытие преступлений и розыск преступников, расследование преступлений, назначение и исполнение наказания, прокурорский надзор за всей этой деятельностью, а также обеспечение законности в данной сфере. Сюда, таким образом, вливаются профилактика, предотвращение и пресечение преступлений» [1, с. 335]. Поддерживая комплексный подход, С.В. Бородин отмечает: «Мы исходим из того, что борьба с преступностью как социально-политическая категория есть целенаправленная деятельность, проводимая государством и обществом на основе материалистического понимания преступности и ее причин» [2, с. 13].

Следовательно, первостепенной мерой по борьбе с преступлениями, совершаемыми посредством других лиц, является улучшение качества и полноты предварительного следствия, всесторонняя проверка и оценка всех следственных версий, а не только самых перспективных с точки зрения минимальных затрат времени и усилий, выявление и доказывание истинного мотива преступления. Проведенный нами анализ следственной и судебной практики показывает, что латентные преступления, совершенные посредством невиновных лиц, распределены в отказных материалах о возбуждении уголовного дела, в прекращенных уголовных делах за отсутствием события или состава преступления и даже в делах с оправдатель-

ными приговорами. С уголовно-правовой и уголовно-процессуальной точки зрения эта часть латентной посредственной преступности в значительной мере является формально законной. С криминологических позиций это реально совершенные, но не доказанные преступления.

Очень важно обращать внимание как на наиболее распространенные, типичные характеристики преступлений посредственного причинения вреда, так и на единичные, неповторимые, а затем выяснять природу и источники последних. Следственная и судебная практика показывает, что преступник, привлекая невиновных лиц к выполнению своих противоправных замыслов, уже проявляет незаурядную фантазию и организаторские способности, что само по себе свидетельствует о необходимости более тщательно расследования и судебного рассмотрения подобных уголовных дел. В случаях посредственного причинения вреда неповторимое может быть результатом случайного стечения обстоятельств, и тогда при анализе посредственной преступности в целом им можно было бы пренебречь. Но не исключено другое: нечто неповторимое и неожиданное служит проявлением какой-то новой, нарождающейся тенденции. Если в совершении общественно-опасного деяния задействованы два и более лица, мотивы действий которых неясные или не вполне обычные, их необходимо тщательно проанализировать. Это позволит вовремя выявить истинного преступника, который в подобных случаях старается остаться незамеченным вовсе либо замаскироваться под окружающих.

Учитывая специфику преступлений, совершаемых посредством других лиц, на первое место выходят меры специального предупреждения данного рода преступности, которую большинство авторов определяет как «...целенаправленный процесс использования криминологических знаний и навыков для регулирования поведения людей в целях соблюдения уголовно-правовых норм» [3, с. 106; 10, с. 118–120]. А.И. Долгова уточняет это определение и под специальным предупреждением преступности понимает «систему воздействия на процессы детерминации и причинности преступности, касающиеся отдельных социальных групп, сфер деятельности и объектов, характеризующихся повышенной вероятностью совершения преступлений» [8, с. 449].

Подводя итог настоящей статье, отметим, что все подходы к организации борьбы с преступлениями, совершаемыми посредством других лиц, можно разделить на две группы: во-первых, идущие по пути дополнения общей программы борьбы с преступностью разделом, посвященным борьбе с преступлениями, совершаемыми посредством других лиц; во-вторых, следующие по пути разработки специальной программы либо плана с конкретной целью воздействия на посредственную преступность. Сильной стороной первого подхода являются, во-первых, комплексный взгляд на проблему посредственной преступности, неразрывно связанной с другими криминологическими проблемами; во-вторых, более зна-

чительные возможности координации и взаимодействия различных субъектов профилактики, в том числе не занятых непосредственно решением проблемы посредственной преступности. Положительные моменты другого подхода заключаются в возможностях максимальной детализации и конкретизации разрабатываемых мер, отсутствующих, как правило, в общих программах вследствие опасности их разрастания.

При этом узкоспециальные меры предупреждения данного рода преступлений, как то: улучшение качества дознания и предварительного следствия, массовая и индивидуальная профилактическая работа с лицами, склонными к совершению преступлений, способны устранить либо ослабить влияние частных, обусловленных спецификой посредственного причинения вреда криминогенных факторов, но устранить полностью причины посредственной преступности не способны.

В итоге, наиболее перспективным нам представляется сочетание обоих вышеназванных методов, предполагающих:

- выделение новых форм и методов индивидуальной профилактики;
- усиление социального контроля за малолетними и невменяемыми лицами, комплексные меры по профилактике привлечения их к совершению преступлений;
- меры по совершенствованию информационного обеспечения борьбы с посредственной преступностью;
- повышенное внимание к выявлению и анализу причин и условий, способствующих преступлениям, совершаемым посредством других лиц, в том числе данных, характеризующих личность осужденного, а также лиц, против своей воли или сознания привлеченных к выполнению общественно-опасных действий.

Данные меры должны быть систематизированы и максимально конкретизированы применительно к различным контингентам преступников, совершающих общественно-опасные действия посредством других лиц. Эффективная борьба с посредственным причинением вреда возможна лишь на основе долгосрочной стратегии и единой государственной политики.

Литература:

1. Аванесов Г.А. Криминология. М.: Академия МВД СССР, 1984.
2. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990.
3. Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР. Львов, 1976.
4. Иншаков С.М. Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности // Криминологический журнал БГУЭиП. 2008. № 4.
5. Карабец З. Некоторые вопросы криминологического прогнозирования // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. № 25. М., 1976.
6. Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей / Пер. с изд. 1869 г. студентов Киевского коммерческого института под ред. А. Русова Т. 1 — Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1911.
7. Коган В.М. Социальные свойства преступности. М., 1977.
8. Криминология. Учебник для вузов под общей ред. А.И. Долговой. М.: Изд. НОРМА, 2005.
9. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, М.: Юристъ, 2006.
10. Шестаков Д.А., Бурлаков В.Н. Специальная профилактика преступлений: проблемы и перспективы // Вестник Ленинградского университета. Сер. 6. Вып. 4. Л., 1990.

Специальные универсальные международные договоры в сфере прав человека как источники международных избирательных стандартов

Луць Оксана Николаевна, аспирант
Российский университет дружбы народов

Специальные универсальные международные договоры закрепляют международные избирательные стандарты в отношении отдельных групп индивидов, чьи права в виду исторических или иных причин подвергаются в мире наибольшей дискриминации. Специальные договоры уточняют и расширяют международные избирательные стандарты общего характера и включают такие международно-правовые акты как: Конвенция о полити-

ческих правах женщин 1952 г., Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., Конвенция о правах инвалидов 2006 г.

Отличительной особенностью указанных конвенций, за исключением Конвенции о политических правах женщин

1952 г. (далее — Конвенция 1952 г.), является наличие специального квазисудебного механизма контроля для чего на основе конвенционных положений или факультативных протоколов учреждаются соответствующие комитеты. Отсутствие в Конвенции 1952 г. упомянутого механизма обусловлено, на наш взгляд тем, что она являлась одним из первых международных договоров, принятых на начальном этапе становления системы защиты прав человека ООН.

Появлению в международном праве Конвенции 1952 г. предшествовал продолжительный процесс борьбы женщин за свои политические права на национальном уровне, результатом которой стало признание международным сообществом необходимости закрепления политических прав женщин в отдельном международно-правовом договоре.

В Конвенции 1952 г. на основе принципа равноправия мужчин и женщин, указанного в преамбуле Устава ООН 1945 г. и Всеобщей декларации прав человека 1948 г., впервые были закреплены такие международные избирательные стандарты — политические права женщин как:

- право голосовать на всех выборах, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо денонации (статья 1);
- право избираться без какой-либо дискриминации, во все установленные национальным законом учреждения, требующие публичных выборов (статья 2);
- право занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом (статья 3) [1, с. 44–46].

Участниками Конвенции 1952 г. стали 122 государства, включая РФ [2].

Вместе с тем по прошествии нескольких десятилетий с момента принятия Конвенции 1952 г. мировое сообщество вынуждено было констатировать, что, несмотря на международные конвенции, резолюции, декларации и рекомендации, принятые ООН и иными специализированными учреждениями в целях содействия равноправию мужчин и женщин, «по-прежнему имеет место значительная дискриминация в отношении женщин» [3, с. 85–91]. В этой связи был поднят вопрос о создании в сфере защиты прав женщин нового международного договора, предусматривающего учреждение специального механизма надзора за соблюдением его положений. Таким договором стала Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. (далее — Конвенция 1979 г.), рассматриваемая в совокупности с Факультативным протоколом к ней от 6 октября 1999 г. [4, с. 3–8].

Характерной чертой Конвенция 1979 г. в отличие от Конвенции 1952 г. является то, что она не только определила сущность дискриминации в отношении женщин, но и установила юридические обязательства для государств-участников, с тем, чтобы положить конец такой дискриминации [5, с. 3].

Так в соответствии статьей 7 Конвенции 1979 г. государства-участники обязались «принимать все соответ-

ствующие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной жизни» [6], а также обеспечить женщинам политические права на равных с мужчинами условиях. Кроме того, статья 7 Конвенции 1979 г. расширила международные избирательные стандарты в отношении женщин, подтвердив за ними не только право голосовать, быть избранными, занимать государственные посты, но и закрепив новое по отношению к Конвенции 1952 г. право «принимать участие в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций, занимающихся проблемами общественной и политической жизни страны» [7]. Эта новелла корреспондирует статьям 20 Всеобщей декларации 1948 г. и 22, 25 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее — Пакт 1966 г.) и отдельно признает право женщин на создание общественных и политических организаций.

В силу статьи 17 Конвенции 1979 г. для рассмотрения хода осуществления ее положений государствами-участниками был учрежден специальный контрольный орган — Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее — Комитет по дискриминации), схожий по процедуре мониторинга с Комитетом ООН по правам человека, действующим на основе норм Пакта 1966 г.

Как и в случае с Пактом 1966 г., механизм Конвенции 1979 г. по рассмотрению жалоб описан в Факультативном протоколе от 6 октября 1999 г. в соответствии с которым Комитет по дискриминации уполномочен принимать и рассматривать сообщения, поданные лицами, утверждающими, что они являются жертвами нарушения государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Конвенции 1979 г. Результатом рассмотрения указанных жалоб по существу являются соображения и рекомендации (views and recommendations) Комитета, которые он направляет соответствующим сторонам.

При помощи рекомендаций Комитет по дискриминации уточняет содержание международных избирательных стандартов, закрепленных в статье 7 Конвенции 1979 г. Интересным в этой связи представляется содержание принятой Комитетом по дискриминации в 1997 г. Рекомендации № 23 относительно политической и общественной жизни [8].

В частности пункт 5 указанного документа детализировал международные избирательные стандарты Конвенции 1979 г., указав на то, что «в соответствии со статьей 7 государства-участники обязаны принимать все соответствующие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной жизни и обеспечивать им на равных условиях с мужчинами право принимать участие в политической и общественной жизни. Данное обязательство, предусмотренное в статье 7, охватывает все области общественной и политической жизни и не ограничивается областями, указанными в подпунктах «а», «b» и «с». Понятие политической и общественной жизни страны является широкой концепцией. Оно касается осуществления политической власти, в частности осуществления законодательной, судебной,

исполнительной и административной власти. Этот термин охватывает все аспекты государственного правления и формулирования и осуществления политики на международном, национальном, региональном и местном уровнях. Данная концепция также включает многие аспекты жизни гражданского общества, в том числе общественные комиссии и местные советы и деятельность таких организаций, как политические партии, профессиональные союзы, профессиональные или промышленные ассоциации, женские организации, общинные организации и другие организации, занимающиеся проблемами общественной и политической жизни» [9].

Кроме того, в соответствии со статьей 8 Факультативного протокола к Конвенции 1979 г. Комитет вправе по своей инициативе проводить расследования, если получает достоверную информацию, свидетельствующую о серьезных или систематических нарушениях государством-участником прав, изложенных в Конвенции. К использованию подобной процедуры Комитет прибегал лишь однажды в связи с систематическими убийствами женщин в Мексиканском городе Сьюдад-Хуарес [10]. В своем докладе по результатам расследования Комитет по дискриминации указал на нарушение Мексикой принятых в соответствии с Конвенцией 1979 г. обязательств в связи с чем предложил национальным властям принять конкретные меры, направленные предотвращение нарушений [11].

На сегодняшний день участниками Факультативного протокола к Конвенции 1979 г. являются 103 государства, в том числе и Российская Федерация [12]. В связи с тем, что протокол вступил в силу сравнительно недавно 22 декабря 2000 г. [13] Комитет по дискриминации принял всего десять сообщений по индивидуальным жалобам, ни одна из них не затрагивает вопрос дискриминации женщин в отношении международных избирательных стандартов [14].

Ранее в 1965 г. международные избирательные стандарты были закреплены в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее — Конвенция 1965 г.). В соответствии со статьей 5 (пункт «с») Конвенции 1965 г. государства «обязуются запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и обеспечить равноправие каждого человека перед законом, без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, в особенности в отношении осуществления ... политических прав, в частности права участвовать в выборах — голосовать и выставлять свою кандидатуру — на основе всеобщего и равного избирательного права, права принимать участие в управлении страной, равно как и в руководстве государственными делами на любом уровне, а также права равного доступа к государственной службе» [15, с. 51–61].

На базе статьи 8 Конвенции 1965 г. был создан институциональный механизм контроля за соблюдением конвенционных прав — Комитет по ликвидации расовой дискриминации (далее — Комитет по расовой дискриминации).

Система мониторинга Конвенции 1965 г. основывается на предоставлении государствами-участниками периодических докладов Комитету по расовой дискриминации «о принятых законодательных, судебных, административных или других мерах, с помощью которых проводятся в жизнь положения настоящей конвенции» [16]. В соответствии со статьей 14 Комитет по расовой дискриминации уполномочен рассматривать межгосударственные жалобы, а также сообщения от лиц, считающих себя жертвами нарушений государством конвенционных прав. Подобная квазисудебная процедура применяется лишь в том случае, если соответствующее государство является участником Конвенции 1965 г. и сделало заявление о признании компетенции Комитета по расовой дискриминации в отношении рассмотрения упомянутых жалоб. Российская Федерация заявила о признании такой компетенции Комитета по расовой дискриминации наряду с 54 другими государствами. В общей сложности Конвенцию 1965 г. ратифицировало 175 государств [17].

На сегодняшний день Комитет по расовой дискриминации в рамках рассмотрения по существу сообщений, поданных в порядке статьи 14, не устанавливал нарушений пункта «с» статьи 5 Конвенции 1965 г. [18]. Вместе с тем в своих докладах Генеральной Ассамблеи ООН, а также в заключениях (concluding observations), принятых по результатам изучения докладов государств-участников, Комитет нередко высказывал озабоченность относительно соблюдения международных избирательных стандартов Конвенции 1965 г. в отношении национальных меньшинств Франции, Эстонии, Чехии, Латвии [19, с. 2], Индии [20].

В 1990 г. под эгидой ООН была принята Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (далее — Конвенция 1990 г.). В соответствии со статьей 41 Конвенции «трудящиеся-мигранты и члены их семей имеют право участвовать в общественной жизни государства своего пребывания, избирать и быть избранными в этом государстве в соответствии с законодательством этого государства», «государства, которых это касается, содействуют, по мере необходимости и в соответствии со своим законодательством, осуществлению этих прав» [21, с. 96–104].

По существу Конвенция 1990 г. направлена на обеспечение равных прав для трудящихся-мигрантов и граждан принимающей страны и не создает в отношении трудящихся-мигрантов новых международных избирательных стандартов — прав человека, как они определены в статье 25 Пакта 1966 г. Вместе с тем международные избирательные стандарты Конвенции 1990 г. включают в себя правовую норму, закрепляющую обязанность государств-участников содействовать осуществлению прав статьи 41 Конвенции.

На наш взгляд, заслуживает внимания и тот факт, что международные избирательные стандарты по смыслу Конвенции 1990 г. гарантируются не только трудящимся-мигрантам, находящимся и работающим на тер-

ритории принимающего государства в соответствии с национальными законами, но и так называемым «нелегальным» мигрантам [22, с. 76]. Именно расширительное толкование термина «трудоустроенный-мигрант», по нашему мнению, стало главным препятствием на пути к широкому признанию Конвенции 1990 г. международным сообществом. На сегодняшний день Конвенцию ратифицировали 45 государств (из них 14 — с оговорками или заявлениями), подписали, но не ратифицировали 16 [23]. Ни одно из государств, которые являются крупными реципиентами иностранной рабочей силы, в том числе и РФ, сторонами Конвенции 1990 г. не являются.

В силу статьи 72 Конвенции 1990 г. для целей наблюдения за применением ее положений был учрежден Комитет по защите прав всех трудоустроенных-мигрантов (далее — Комитет по защите) и членов их семей, уполномоченный анализировать доклады государств, а также при соответствующем заявлении сторон получать и рассматривать:

- межгосударственные сообщения о нарушении Конвенции (Статья 76) [24, с. 492—515];
- сообщения от индивидуальных лиц, утверждающих, что государство-участник нарушило их личные права, предусмотренные настоящей Конвенцией, при условии, что десять государств сделают соответствующее заявление (Статья 77) [25].

В настоящий момент индивидуальные жалобы в соответствии со статьей 77 Конвенции 1990 г. не рассматриваются Комитетом по защите в связи с тем, что только два государства сделали заявление о признании соответствующей компетенции [26]. Таким образом, контрольный механизм Конвенции 1990 г. в полном объеме не функционирует.

В начале XXI века под эгидой ООН был принят уникальный специальный международно-правовой договор, закрепляющий, в том числе международные избирательные стандарты — Конвенция о правах инвалидов 2006 г. (далее — Конвенция 2006 г.).

По мнению некоторых ученых, уникальный характер Конвенции заключается в том, что ее появление для международного права прав человека означало окончательный переход от концепции формального равенства к концепции так называемого «многоаспектного равенства» (multidimensional disadvantage equality) [27, с. 41]. Последняя в самом общем виде подразумевает эволюцию от общего принципа недопустимости дискриминации к его различным частным аспектам: например, недопустимость дискриминации в отношении женщин, этнических групп, трудоустроенных-мигрантов, инвалидов, иных наименее защищенных групп населения [28, с. 89—108].

Конвенция вступила в силу 3 мая 2008 г. [29] и получила широкое признание международного сообщества. На сегодняшний день ее подписали 156 государств, ратифицировали 106, включая Европейский союз и Россию [30, с. 10—11].

Международные избирательные стандарты Конвенции 2006 г. нашли отражение в статье 29 (участие в полити-

ческой жизни) в соответствии с которой «государства-участники гарантируют инвалидам политические права и возможность пользоваться ими наравне с другими и обязуются:

а) обеспечивать, чтобы инвалиды могли эффективно и всесторонне участвовать, прямо или через свободно выбранных представителей, в политической и общественной жизни наравне с другими, в том числе имели право и возможность голосовать и быть избранными, в частности посредством:

i) обеспечения того, чтобы процедуры, помещения и материалы для голосования были подходящими, доступными и легкими для понимания и использования;

ii) защиты права инвалидов на участие в тайном голосовании на выборах и публичных референдумах без запугивания и на выдвижение своих кандидатур для выборов, на фактическое занятие должностей и выполнение всех публичных функций на всех уровнях государственной власти — при содействии использованию ассистивных и новых технологий, где это уместно;

iii) гарантирования свободного волеизъявления инвалидов как избирателей и с этой целью — удовлетворения, когда это необходимо, их просьб об оказании им каким-либо лицом по их выбору помощи с голосованием;

б) активно способствовать созданию обстановки, в которой инвалиды могли бы эффективно и всесторонне участвовать в управлении государственными делами без дискриминации и наравне с другими, и поощрять их участие в государственных делах, включая:

i) участие в неправительственных организациях и объединениях, работа которых связана с государственной и политической жизнью страны, в том числе в деятельности политических партий и руководстве ими;

ii) создание организаций инвалидов и вступление в них с тем, чтобы представлять инвалидов на международном, национальном, региональном и местном уровнях» [31].

Признание международных избирательных стандартов статьи 29, путем ратификации Конвенции 2006 г., для многих государств явилось стимулом к изменению национального законодательства. В частности, 28 июня 2011 г. в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон от 14.06.2011 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования механизмов обеспечения избирательных прав граждан» [32].

Указанный закон, опираясь на международные избирательные стандарты Конвенции 2006 г., внес изменения в ряд законодательных актов РФ в сфере избирательного права в той части, в которой последние затрагивают права инвалидов, а также процедуру организации и проведения выборов, обеспечивающую защиту и соблюдение избирательных прав данной группы населения. Такие изменения предусматривают:

1) информирование избирателей, участников референдума, являющихся инвалидами по зрению, путем размещения на информационных стендах материалов вы-

полненных крупным шрифтом и (или) с применением рельефно-точечного шрифта Брайля;

2) изготовление специальных трафаретов для самостоятельного заполнения бюллетеня в помощь избирателям, являющимся инвалидами по зрению;

3) право воспользоваться помощью привлеченного лица, если вследствие инвалидности избиратель или кандидат не имеют возможности самостоятельно заполнить бюллетень, написать заявление о согласии баллотироваться, заполнить или заверить иные документы.

В этой связи некоторые исследователи [33] указывают на то, что такие избирательные стандарты в отношении лиц, с ограниченными возможностями, как например, право воспользоваться помощью привлеченного лица при голосовании, не гарантируют обеспечение инвалидам тайны голосования как одной из функциональных характеристик демократических выборов. По нашему мнению, именно по этой причине в статье 29 Конвенции не упоминается об обязанности государств гарантировать инвалидам тайну голосования, однако из принципа равных возможностей статьи 29, а также из содержания статьи 25 Пакта 1966 г. следует, что тайна голосования должна обеспечиваться без какой бы то ни было дискриминации.

В соответствии со статьей 34 Конвенции 2006 г. на базе Комитета по правам инвалидов был создан контрольный механизм Конвенции. Комитет по правам инвалидов также как и другие контрольные органы, упомянутые в настоящей статье, входит в структуру Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и осуществляет мониторинг соблюдения положений Конвенции 2006 г. посредством изучения докладов государств-участников, а также в силу статьи 1 Факультативного протокола от 13 декабря 2006 г. [34] уполномочен принимать и рассматривать сообщения от лиц или групп лиц, которые заявляют, что являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции 2006 г. Факультативный протокол от 13 декабря 2006 г. вступил в силу 3 мая 2008 г., его участниками являются 64 государства, не включая РФ [35].

До настоящего времени Комитет в рамках своих полномочий в соответствии с Факультативным протоколом от 13 декабря 2006 г. не устанавливал нарушений статьи 29 Конвенции. Вместе с тем в ряде заключительных замечаний, принятых по результатам рассмотрения докладов государств-участников, Комитет выразил озабоченность относительно соответствия законодательства отдельных государств обязательствам, принятым последними в силу статьи 29 Конвенции 2006 г.

Так, в пункте 48 заключительных замечаний по Испании Комитет рекомендовал национальному правительству исключить из органического закона положение, которое позволяет отказывать в праве голоса на основе персонализированных решений, принимаемых судьей [36]. По мнению Комитета, такая поправка должна гарантировать всем инвалидам без каких-либо исключений

право голоса. В одном из своих документов Комитет также выразил озабоченность в отношении надлежащего исполнения обязательств статьи 29 Конвенции, принятых Перу [37], в связи с исключением из избирательных списков двадцати тысяч лиц с ограниченными умственными возможностями [38].

Проведенный в настоящей статье анализ позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы.

Во-первых, специальные универсальные международные договоры в сфере прав человека являются источниками международных избирательных стандартов как норм международного права, устанавливающих минимальный уровень международно-правового регулирования общественных отношений в сфере организации и проведения выборов, которого государства обязуются придерживаться в своей национальной правовой системе [39, с. 41].

Во-вторых, международные избирательные стандарты, закрепленные в специальных международных договорах универсального характера, представляют собой нормы требующие уточнения своего содержания с целью установления правильности их применения государствами-участниками соответствующих договоров. В этом отношении функция уточнения и толкования содержания международных избирательных стандартов возложена на экспертные органы (Комитеты), учрежденные на основе специальных международных договоров в сфере прав человека. Указанные экспертные органы принимают соответствующие заключения, соображения или иные акты, в том числе по вопросам применения международных избирательных стандартов, выступающие в качестве вспомогательных средств для определения содержания последних.

В-третьих, как следует из анализа положений специальных универсальных международных договоров в сфере прав человека, закрепленные в них международные избирательные стандарты устанавливают не только права человека в области организации и проведения выборов, но и обязанности государств в отношении соблюдения последних на национальном уровне. Это корреспондирует статье 2 Пакта 1966 г. в соответствии с которой государства обязаны принимать меры для осуществления прав, признаваемых в Пакте, в том числе прав, предусмотренных статьей 25 Пакта. В этой связи, на наш взгляд, обоснованным представляется разделение международных избирательных стандартов как основных норм международного права в сфере организации и проведения выборов на три группы:

1) международные избирательные стандарты — права человека в сфере организации и проведения выборов;

2) международные избирательные стандарты — функциональные характеристики, критерии организации и проведения выборов;

3) международные избирательные стандарты — обязанности государств в сфере организации и проведения выборов.

Литература:

1. Конвенции о политических правах женщин (Нью-Йорк, 20 декабря 1952 г.) // Международные избирательные стандарты: Сборник документов / отв. ред. А.А. Вешняков; науч. ред. В.И. Лысенко. — М.: Весь Мир, 2004. — С. 44–46.
2. Информация об участниках Конвенции 1952 г. доступна на официальном ресурсе ООН. URL: http://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVI-1&chapter=16&lang=en (дата обращения: 21.11.2011).
3. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (18 декабря 1979 г.). Преамбула. // Международные избирательные стандарты: Сборник документов. / отв. ред. А.А. Вешняков; науч. ред. В.И. Лысенко. — М.: Весь Мир, 2004. — С. 85–91.
4. Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (6 октября 1999 г.) // Бюллетень международных договоров. — 2005. — № 4. — С. 3–8.
5. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативный протокол к ней: руководство для парламентариев. — Издательство ООН, 2004. — С. 3.
6. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. Статья 7.
7. Там же.
8. Общая рекомендация № 23 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин 1997 г. // текст доступен на официальном веб-сайте университета Миннесоты. URL: <http://hrlibrary.ngo.ru/russian/gencomm/Rgeneral23.html> (дата обращения: 02.12.2011).
9. Там же. Пункт 5.
10. См.: Report on Mexico produced by the Committee on the Elimination of Discrimination against Women under article 8 of the Optional Protocol to the Convention, and reply from the Government of Mexico. 27th of January 2005. UN. doc. CEDAW/C/2005/OP.8/MEXICO // текст доклада доступен на официальном веб-сайте ООН. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/cedaw32/CEDAW-C-2005-OP.8-MEXICO-E.pdf> (дата обращения: 21.11.2011).
11. Ibid. P. 42–46.
12. Информация об участниках Факультативного протокола от 6 октября 1999 г. к Конвенции 1979 г. доступна на официальном веб-ресурсе ООН. URL: http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-8-b&chapter=4&lang=en (дата обращения: 17.11.2011).
13. Там же.
14. Тексты соображений доступны на официальном веб-сайте Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/protocol/dec-views.htm> (дата обращения: 18.11.2011).
15. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (21 декабря 1965 г.) // Международные избирательные стандарты: Сборник документов. / отв. ред. А.А. Вешняков; науч. ред. В.И. Лысенко. — М.: Весь Мир, 2004. — С. 51–61.
16. Там же. Статья 9.
17. Информация о ратификации Конвенции 1965 г. и признании государствами компетенции Комитета по расовой дискриминации доступна на официальном веб-ресурсе ООН. URL: http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-2&chapter=4&lang=en (дата обращения: 19.11.2011).
18. См.: Decisions of the Committee on the Elimination of Racial Discrimination // тексты решений Комитета по ликвидации всех форм расовой дискриминации доступны на веб-ресурсе, посвященном прецедентному праву международных судебных и квазисудебных органов. URL: <http://www.worldcourts.com/cerd/eng/decisions.htm> (дата обращения: 19.11.2011).
19. См.: Protection against racial discrimination in the EU: the work of the UN Committee on the elimination of racial discrimination. — UN Human rights office of the High Commissioner. — P. 29 // текст доступен на официальном веб-сайте управления Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: http://www.europe.ohchr.org/Documents/Publications/CERD_Reader.pdf (дата обращения: 19.11.2011).
20. См.: Доклад комитета по ликвидации расовой дискриминации ГА ООН. Дополнение № 18 (A/62/18). Пункт 175 // текст доступен на официальном веб-сайте ООН. URL: <http://www.universalhumanrightsindex.org/documents/824/1819/document/ru/pdf/text.pdf> (дата обращения: 19.11.2011).
21. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (18 декабря 1990 г.) // Международные избирательные стандарты: Сборник документов / отв. ред. А.А. Вешняков; науч. ред. В.И. Лысенко. — М.: Весь Мир, 2004. — С. 96–104.
22. Richard B. Lillich. The human rights of aliens in contemporary international law. — Melland Schill monographs in international law. — Manchester University Press ND, 1984. — P.76.

23. Информация о ратификации Конвенции 1990 г. доступна на официальном ресурсе ООН. URL: http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-13&chapter=4&lang=en (20.11.2011).
24. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (18 декабря 1990 г.) Статья 76.
25. Там же. Статья 77.
26. Информация доступна на официальном веб-сайте управления Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cmw/index.htm> (дата обращения: 20.11.2011).
27. The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities: European and Scandinavian perspectives / edit. by O.M. Arnardóttir, G. Quinn. — International human rights studies. — Vol. 100. — Martinus Nijhoff Publishers, 2009. — P.41.
28. Подробнее о принципе «многоаспектного равенства» см.: J. Kantola, J. Squires. The New Politics of Equality in C. Hay (ed.), *New Directions in Political Science: Responding to the Challenges of an Interdependent World.* — Palgrave Macmillan, 2010. — P. 89–108. E.R. Ramos. Equality: a Multy-Dimensional Approach // текст статьи доступен на официальном сайте Йельской юридической школы. URL: http://www.law.yale.edu/documents/pdf/Ramos_Equality_A_multidimensional_approach.pdf (20.11.2011).
29. Информация о подписании, ратификации и вступлении Конвенции о правах инвалидов 2006 г. в силу доступна на официальном веб-ресурсе ООН. URL: http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-15&chapter=4&lang=en (дата обращения: 20.11.2011).
30. Там же.
31. Конвенция о правах инвалидов (Нью-Йорк, 13 декабря 2006 г.) Статья 29 // текст опубликован на официальном веб-сайте ООН. URL: <http://www.un.org/russian/disabilities/convention/disabilitiesconv.pdf> (20.11.2011).
32. Федеральный закон от 14.06.2011 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования механизмов обеспечения избирательных прав граждан» // текст закона опубликован на официальном сайте «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2011/06/17/fz143-dok.html> (дата обращения 21.11.2011).
33. См., например: Mindes J. Strategies to Enhance Voting among Disabled. // *Elections Today.* — Vol.7. — № 4. — P. 10–11.
34. Факультативный протокол от 13 декабря 2006 г. к Конвенции о правах инвалидов. Статья 1. // текст доступен на официальном веб-сайте ООН. URL: <http://www.un.org/russian/disabilities/convention/disabilitiesconv.pdf> (21.11.2011).
35. Информация о вступлении Факультативного протокола от 13 декабря 2006 г. в силу и его участниках доступна на официальном веб-ресурсе ООН. http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-15-a&chapter=4&lang=en (дата обращения 21.11.2011).
36. Заключительные замечания от 19 октября 2011 г. Комитета по правам инвалидов: Испания. Пункт 48. Un. doc. CRPD/C/ESP/CO/1 // текст доступен на официальном веб-сайте ООН. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/463/53/PDF/G1146353.pdf> (дата обращения: 23.11.2011).
37. Implementation of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities. List of issues to be taken up in connection with the consideration of the initial report of Peru (CRPD/C/PER/1), concerning articles 1 to 33 of the Convention. 10th of October 2011. Un. doc. CRPD/C/PER/Q/1. Para. 19–20. // текст доступен на официальном веб-сайте ООН. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/462/24/PDF/G1146224.pdf> (дата обращения: 23.11.2011).
38. Committee on the Rights of Persons with Disabilities. Spain attracts criticism for restricting individuals' legal capacity. — Issue 4, 2011. — P. 16 // текст доступен на веб-сайте международной службы по правам человека. URL: http://www.ishr.ch/component/docman/doc_download/1316-crpdrmq42011 (дата обращения: 23.11.2011).
39. Луць О.Н. Юридическая природа международных избирательных стандартов // *Евразийский юридический журнал.* — № 12 (43), 2011. — С. 41.

К вопросу о доверительном управлении наследуемым имуществом

Пузакова Анна Игоревна, студент
Ставропольский государственный университет

Довольно часто в состав наследства входит имущество, которое требует не просто охраны, а также управления. Например, это может быть предприятие в целом либо только доля в уставном капитале общества, а также ценные бумаги, исключительные права и тому подобное. В данной ситуации наследникам необходимо позаботиться о прибыли, которую они могут получить от данного имущества, к тому же подобного рода имущество требует особого регулирования. Именно об этой проблеме пойдёт речь в нашей статье.

Что же происходит в таких ситуациях? Давайте обратимся к Гражданскому Кодексу РФ.

Так, нотариус в соответствии со статьей 1026 ГК РФ¹ в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления этим имуществом.

А в случае, когда наследование осуществляется по завещанию, в котором назначен исполнитель завещания, то, согласно ч. 2 ст. 1173 ГК РФ, права учредителя доверительного управления принадлежат исполнителю завещания.

Но кто может быть доверительным управляющим? На этот вопрос нам так же даёт ответ ГК РФ.

В силу п.1 ст.1015 ГК РФ доверительным управляющим может быть индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия. Стоит запомнить, что когда управление осуществляется в силу закона, то управляющим может быть только гражданин, а значит ни предприниматель, ни коммерческая организация, ни учреждение не могут быть доверительным управляющими.

Существуют также определённые ограничения для управляющих — физических лиц. Исходя из п. 3 ст. 1015 ГК РФ, доверительным управляющим не может быть выгодоприобретателем по договору доверительного управления. А значит, анализируя данную статью, мы приходим к выводу, что назначить доверительным управляющим наследника нельзя.

Возможно, многие задумываются над вопросом, зачем вообще существует подобный институт права? Но согласно практики по гражданским делам, вытекающим из наследства, при передачи имущества в доверительное управление, сохраняются функциональные свойства наследуемого имущественного объекта, что позволяет использовать его в наиболее эффективном направлении, а также извлекать из него наибольшую материальную выгоду.

Мы понимаем, что наследственное имущество следует передавать в доверительное управление лишь при наличии объективной необходимости в этом. Гражданам желающим использовать данный институт гражданского права, следует помнить, что доверительный управляющий только наделяется полномочиями по осуществлению прав владения, пользования и распоряжения имуществом. Он ни в коем случае не становится его собственником. Управляющий всего лишь реализует данные полномочия, а полученную выгоду от управления имуществом он обязан передать собственнику. Хотя при этом он самостоятельно решает, как наиболее выгодно воспользоваться данным имуществом².

Доверительный управляющий имеет право на вознаграждение за выполнение обязанностей по управлению наследственным имуществом (ст. 1023 ГК РФ). Размер такого вознаграждения не может превышать 3% оценочной стоимости имущества, переданного в доверительное управление. Как мы видим законодатель говорит лишь о праве на вознаграждение, но не об обязанности наследников выплачивать такое вознаграждение. Данный вопрос должен решаться конкретно в каждой отдельно взятой ситуации при заключении договора доверительного управления.

Предлагаем более подробно рассмотреть договор доверительного управления. По данному виду договора одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя).

На доверительного управляющего обычно возлагаются следующие обязанности:

- управлять имуществом, переданным ему учредителем, в соответствии с указаниями, оговоренными в учредительном акте, и в интересах выгодоприобретателя, проявляя при этом необходимую меру заботливости.

- отчуждать имущество, если это прямо разрешено договором или законом;

1. по первому требованию бенефициара представить отчет по делам, относящимся к управлению имуществом;

2. передать все полученные доходы и выгоды, если иное не предусмотрено в договоре.

Когда доверительный управляющий осуществляет свои права и исполняет возложенные на него обязан-

¹ Гражданский кодекс РФ – КОНСУЛЬТАНТ-ПЛУС – справочно-правовая система.

² Лермонтов Ю. «Дов упр имуществом» / Ю.Лермонтов // «Аудит и налогооб.», 2011, N 3.

ности, он должен действовать добросовестно, исходя из интересов выгодоприобретателей и в соответствии с заключенным с ним договором доверительного управления. Право определять, какой способ действий при осуществлении названных прав и исполнении обязанностей является оптимальным для выгодоприобретателя, принадлежит доверительному управляющему.

Договор считается заключенным с момента передачи имущества. А договор, связанный с недвижимым имуществом подлежит обязательной государственной регистрации, а значит, считается заключенным только с момента его регистрации.

Договор доверительного управления бывает как возмездным, так и безвозмездным. Если он возмездный, то в нем должны быть определены размер и форма вознаграждения. Если доверительный управляющий — предприниматель, то договор всегда возмездный.

Перечень имущества, которое возможно передать в доверительное управление, содержится в ст. 1013 ГК РФ.

Кредитная организация вправе осуществлять доверительное управление денежными средствами и иным имуществом по договору с гражданами.¹

В ст. 5 ФЗ от 22.04.1996 N39 «О рынке ценных бумаг» указано деятельностью по управлению ценными бумагами признается деятельность по доверительному управлению ценными бумагами, денежными средствами, предназначенными для совершения сделок с ценными бумагами и (или) заключения договоров, являющихся производными финансовыми инструментами².

П. 3 ст. 1012 ГК РФ устанавливает следующие: сделки, связанные с переданным в доверительное управление имуществом, доверительным управляющим совершаются от своего имени, с обязательным указанием, что действует он в качестве управляющего.

В договоре доверительного управления имуществом должны быть указаны:

- состав имущества, передаваемого в доверительное управление;
- наименование юридического лица или имя гражданина, в интересах которых осуществляется управление имуществом;
- размер и форма вознаграждения, если выплата предусмотрена договором;
- срок действия договора. Он не может превышать пяти лет. Он может быть изложено путем указания на событие, которое неизбежно должно наступить.

Состав передаваемого в доверительное управление имущества должен быть четко и подробно описан.

Что касается договора доверительного управления наследственным имуществом, то у него существуют не-

которые особенности. Так, в договоре доверительного управления наследственным имуществом указание на наименование (имя) выгодоприобретателя может отсутствовать, ведь выгодоприобретатели, то есть наследники, по данному договору на момент заключения договора неизвестны.

В данном случае будет интересен, факт из Швейцарского гражданского права. В этой стране управление имуществом осуществляется только под присмотром суда³. А если мы обратимся к опыту Австралии, то увидим, что исполнитель обязан до распределения имущества инвестировать недвижимые активы, чтобы те приносили прибыль⁴.

Согласно п. 1 ст. 1017 ГК договор доверительного управления движимым имуществом должен быть совершен в письменной форме.

При недостаточности имущества, переданного в доверительное управление, а также имущества доверительного управляющего взыскание по долгам, возникшим в связи с доверительным управлением, не может быть обращено на имущество учредителя управления (нотариуса, душеприказчика) и на другое наследственное имущество, не переданное в доверительное управление.

Стоит, сказать что законодатель, к сожалению правоприменителей, не урегулировал ни процедуру предъявления, ни процедуру удовлетворения требований к наследникам, принявшим наследство. Например, не ясно должен ли гражданин, который исполняет завещание, осуществлять так называемое «ранжирование» предъявленных требований; и когда предъявлять такие требования.

Вероятно, рассмотрение дела по иску кредитора к поручителю о взыскании с последнего суммы долга должно быть приостановлено, пока не будет рассмотрено требование поручителя к исполнителю завещания. Заявить подобное требования нельзя до того времени, как поручитель уплатит кредитору причитающееся последнему в соответствии с договором поручительства. Как мы видим, перед нами замкнутый круг: ведь суд не имеет возможности взыскивать денежные средства с поручителя, так как ему неизвестен предел ответственности поручителя; предел же этой ответственности и не может стать известным, потому как требование, которое может быть предъявлено к исполнителю завещания, не возникло⁵.

Статьей 174.1⁶ НК РФ установлены особенности исчисления и уплаты в бюджет налога на добавленную стоимость при осуществлении операций в соответствии с договором доверительного управления имуществом.

Главой 21 НК РФ не предусмотрено представление отдельной налоговой декларации по операциям реализации

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 «О банках и банковской деятельности» — КП.

² Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» — КП.

³ Embassy of Switzerland in the U.S / Dr. Reto Arpagaus, LL.M // Prepared for the Embassy of Switzerland in Washington, D.C. August 22, 07 — p.10.

⁴ Inheritance Law in Switzerland and Australia / Norbert Schweizer, Michael Kobras // © 2010 Schweizer Kobras — 50 p — p.10.

⁵ Бевзенко Р.С., «Смерть должника и поручительство: теория и практика»./ Р.С.Бевзенко// «Банковский ритейл», 2009, №1.

⁶ Налоговый кодекс РФ — ГАРАНТ — справочно-правовая система.

товаров при осуществлении доверительного управления имуществом¹.

И доверительный управляющий, являющийся плательщиком НДС, обязан исчислить и уплатить НДС со всей выручки от реализации товаров (работ, услуг) в рамках договора доверительного управления имуществом.

Доверительный управляющий обязан учитывать и уплачивать НДС при реализации товаров, работ и услуг, облагаемых налогом на добавленную стоимость. Если реализация товаров, работ и услуг не облагается налогом на добавленную стоимость, а также реализации ценных бумаг акций и паёв то обязанность вести учёт и уплачивать НДС у доверительного управляющего отсутствует. Весь бухгалтерский учёт данной деятельности он ведёт самостоятельно². А уплачивать налог на прибыль должен учредитель.

Есть спорные вопросы: вправе ли доверительный управляющий наследников умершего акционера, действующий до получения ими свидетельства о наследстве, принимать участие и голосовать на общем собрании акционеров?

К сожалению, ФЗ от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» не регулирован вопрос о том, как осуществляются права и исполняются обязанности умершего акционера до принятия наследства наследниками. Исходя из смысла п. 1 ст. 58 ФЗ, всё будет зависеть от фактической ситуации. Принять участие и голосовать управляющий может, если умерший акционер обладал количеством акций, которые могли повлиять на решение, если уставом не установлено иное.

Как мы видим, в гражданском праве, относительно института управления наследуемого имущества, ещё остаются спорные вопросы, возможно, это вызвано тем, что данный институт ещё не достаточно популярен в нашей стране. Но хочется верить, что с течением времени законодатель исправит не точности и обговорит все спорные вопросы, хотя в новой концепции развития гражданского законодательства³, вопросы, касающиеся наследства не рассматриваются. Тем не менее, этот доверительное управление наследуемым имуществом может помочь многим людям сохранить и приумножить наследуемую ими собственность.

Правовое регулирование деятельности государственной жилищной инспекции в Российской Федерации

Якименко Оксана Юрьевна, аспирант
Пензенский государственный университет

В статье автор уточняет нормативно-правовую базу, определяющую компетенцию государственной жилищной инспекции Российской Федерации как органа по надзору и контролю за соблюдением законности в области жилищных и коммунальных отношений. Также в статье речь идет об изменениях в жилищном законодательстве, касающихся деятельности государственной жилищной инспекции в РФ.

В настоящее время в России продолжается процесс становления и развития федерального законодательства, в том числе связанного с деятельностью органов местного самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства. На данный процесс оказывают влияние длящиеся реформы в важных сферах жизнедеятельности общества и государства, а также актуальность сферы жилищно-коммунального хозяйства на современном этапе.

В 1994 году принято Постановление Правительства Российской Федерации о создании органов государственной жилищной инспекции в каждом субъекте Российской Федерации. В своей деятельности государственная

жилищная инспекция руководствуется статьей 40 Конституции Российской Федерации, постановлением Правительства РФ от 26.09.1994 № 1086 «О государственной жилищной инспекции в Российской Федерации».

Создание государственных жилищных инспекций в субъектах Российской Федерации было обусловлено установлением надзора и контроля за соблюдением законодательства в области жилищных и коммунальных отношений, созданием удобных, комфортных и благоприятных условий для жизнедеятельности населения.

Система органов жилищной инспекции в Российской Федерации, действует на двух уровнях власти — фе-

¹ Лермонтов Ю.М. Дов. управление имуществом: гр-пр характеристика договора, особенности бух учета и налоговые аспекты / Лермонтов Ю.М. // «Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии», 2011, № 3.

² Приказ Минфина России от 28.11.2001 N 97н «Об утверждении Указаний об отражении в бухгалтерском учете организаций операций, связанных с осуществлением договора доверительного управления имуществом» и Приказ Минфина России от 08.11.2010 N 143н «Положение по бухгалтерскому учету «Информация по сегментам» (ПБУ 12/2010).

³ Имеется ввиду «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).

деральном и уровне субъекта России. Она состоит из Главной государственной жилищной инспекции и государственных инспекций субъектов Российской Федерации.

Главной задачей государственной жилищной инспекции в Российской Федерации является контроль за обеспечением прав и законных интересов граждан и государства при предоставлении населению жилищных и коммунальных услуг, отвечающих требованиям федеральных стандартов качества, использованием и сохранностью жилищного фонда и общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме независимо от их принадлежности [1].

В соответствии с возложенными задачами Госжилинспекция выполняет такие функции как контроль за соблюдением правил содержания общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, за соответствием качества, объема и порядка предоставления коммунальных услуг (отопление, электро-, водо-, газоснабжение, водоотведения и другие) установленным требованиям законодательства, за проведением мероприятий по подготовке жилищного фонда к сезонной эксплуатации, за обоснованностью устанавливаемых нормативов потребления жилищно-коммунальных услуг, за соблюдением правил пользования жилыми помещениями, в том числе соблюдением порядка переоборудования и перепланировки жилых домов и (или) жилых помещений, за соблюдением порядка и правил признания жилых домов и жилых помещений непригодными для постоянного проживания, за соблюдением порядка перевода жилых домов и жилых помещений в нежилые, за наличием в жилых домах приборов регулирования, контроля и учета энергии и водоресурсов, а также другие функции в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26.09.1994 N 1086 «О государственной жилищной инспекции в Российской Федерации».

Органы жилищной инспекции являются также субъектами административных правоотношений в сфере контроля за сохранностью жилищного фонда и соблюдением правил его использования независимо от формы собственности. Государственная жилищная инспекция вправе привлекать лиц совершивших правонарушение к административной ответственности.

Правовое регулирование административной деятельности государственной жилищной инспекции осуществляется в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ.

Граждане, должностные и юридические лица могут быть привлечены к административной ответственности за нарушение правил пользования жилыми помещениями (ст.7.21 КоАП РФ), нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений (ст.7.22 КоАП РФ), нарушение нормативов обеспечения населения коммунальными услугами (ст.7.23 КоАП РФ) [2].

В соответствии с п. 16.2 статьи 12 Жилищного Кодекса РФ координацию и контроль за деятельностью ре-

гиональных органов жилищной инспекции осуществляет Правительство Российской Федерации [3].

Жилищное законодательство также осуществляет правовое регулирование деятельности государственной жилищной инспекции в РФ. В статье 20 Жилищного кодекса Российской Федерации закреплено понятие «государственный жилищный надзор», предметом которого выступает деятельность уполномоченных органов за соблюдением законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

В соответствии с указанной нормой государственный жилищный надзор осуществляется уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (региональный государственный жилищный надзор) в порядке, установленном высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (ч. 2 ст. 20 ЖК РФ).

В развитие нормы статьи 20 Жилищного кодекса Российской Федерации в пункте 161 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 06.05.2011 г. № 354 установлено, что государственный контроль за соответствием качества, объема и порядка предоставления коммунальных услуг требованиям, установленным Правилами, осуществляется уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти в соответствии со статьей 20 Жилищного кодекса Российской Федерации [4].

Вместе с тем органы местного самоуправления с целью решения вопросов местного значения в пределах своих территорий (поселений, муниципальных районов и городских округов) обязаны регулировать деятельность Государственной жилищной инспекции в субъектах РФ [5].

Решение вопроса о создании государственных жилищных инспекций в субъектах Российской Федерации должно также регулироваться нормативно-правовыми актами органов местного самоуправления во исполнение Постановления Правительства РФ № 1086 от 26.09.1994.

В субъектах Российской Федерации, где созданы и успешно функционируют Государственные жилищные инспекции, на уровне вопросов местного значения правовое регулирование Госжилинспекций осуществляется путем принятия муниципальных правовых актов в виде положений, разрабатываются целевые программы обеспечения государственного жилищного контроля (надзора) которые регламентируют государственную политику в сфере государственного контроля за обеспечением соблюдения прав и законных интересов граждан и государства при предоставлении жилищных и коммунальных услуг, а также порядок работы, особенности осуществления своих полномочий Государственной жилищной инспекции на территории отдельных субъектов Российской Федерации.

Таким образом, органы жилищной инспекции осуществляют региональный государственный контроль (надзор) на территории субъекта в установленной сфере деятельности. Для наиболее полной реализации полномочий Государственной жилищной инспекции Федеральным законом от 04.05.2011 г. №123-ФЗ и Федеральным законом от 18.07.2011 г. №242-ФЗ внесены изменения в Жилищный кодекс РФ.

В связи с внесенными изменениями в жилищное законодательство РФ были расширены полномочия органов местного самоуправления в части осуществления муниципального контроля, изменения направлены на упорядочение деятельности по управлению многоквартирными домами и осуществлению контроля за этой деятельностью со стороны органов государственной власти. Изменения в Жилищный кодекс были обусловлены обострившимися в последнее время дискуссиями в средствах массовой информации между населением и управляющими организациями по фактам злоупотреблений. Большой объем судебной практики в жилищной сфере говорит о необходимости преобразований в части правового регулирования управления многоквартирными домами, что в свою очередь актуализирует деятельность уполномоченных ор-

ганов по надзору и контролю за соблюдением жилищного законодательства. Имеют место быть случаи злоупотреблений при создании ТСЖ, нередко жильцы уже по факту узнают, что их дом передан в управление какой-либо коммерческой компании. С целью недопущения подобных ситуаций, были законодательно закреплены новые положения о контроле за созданием и работой товариществ, а также за выбором управляющих организаций.

Таким образом, изменения в жилищном законодательстве существенно расширили полномочия Государственных жилищных инспекций субъектов РФ как органов осуществляющих государственный жилищный надзор в порядке статьи 20 Жилищного кодекса РФ.

На основании изменений в законодательстве, а также учитывая сложившуюся ситуацию в жилищно-коммунальной сфере в современный период по нашему мнению, необходимо не только создание государственных жилищных инспекций в субъектах РФ, где такие органы не были созданы, необходимым является правовое регулирование и реализация полномочий органов жилищной инспекции на территории субъекта РФ, что в свою очередь обеспечит нормальное функционирование сферы жилищно-коммунального хозяйства в целом.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 26.09.1994 N 1086 (ред. от 06.02.2006) «О государственной жилищной инспекции в Российской Федерации».
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.01.2012)
3. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 06.12.2011 года).
4. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 N 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов».
5. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

ПОЛИТОЛОГИЯ

Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН

Гревцова Анна Николаевна, аспирант

Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики (г. Москва)

В начале XXI века основными ориентирами в международной политике являются задачи связанные с развитием экономики и «мягкой мощи». Глобализация представляет собой новый период в развитии международных отношений, и поэтому их участникам необходимо грамотно и мгновенно ориентироваться в стремительно меняющихся координатах глобальной эпохи. Мировые державы стремящиеся расширить собственное геостратегическое влияние и распространить его на территории других субъектов международных отношений должны учитывать два важнейших фактора доминирования в международном политическом поле — это экономический и культурный факторы.

Помимо экономических стратегий, одной из последних концепций принятых к рассмотрению странами, как модели расширения своего политического влияния, стала концепция «мягкой силы». Понятие «мягкая сила» («soft power») ввел в теорию международных отношений профессор Гарвардского университета, американский политолог Джозеф Най. «Мягкая сила» представляет собой искусство убеждения, использование нематериальных ресурсов культуры и политических идеалов в интересах оказания влияния на людей в других странах. Используя «мягкую силу» государство приобретает возможность влиять на объект, не отдавая команды. Если объект воздействия верит в благоразумность твоих целей, то можно убедить его сделать что-то без применения силы или какого-либо дополнительного стимула [1].

В XXI веке у Китая появилась внешнеполитическая доктрина, которая отвечает всем необходимым требованиям и продолжает совершенствоваться, делая ставку на невоенные методы. Данная доктрина Китая является платформой для реализации политики «мягкой силы». Она основана на ценностях, разделяемых мировым сообществом. Китай пытается заявить о себе как о сильном мировом игроке и стремится войти в систему международных отношений в качестве полноценного участника.

Внешиеполитическая стратегия КНР включает в себя три ключевые точки изменения позиции Китая в мире. Сначала он должен занять лидирующую позицию в Восточной Азии, символом которой является открытие свободной экономической зоны Китай — АСЕАН. Затем он

должен начать играть роль ведущей державы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. А вслед за этим Китай должен стать мощной державой мирового уровня. Для осуществления этой стратегии Пекину необходимо разработать модель своей «мягкой силы» на основе распространения китайских культурных ценностей в Азиатско-Тихоокеанском регионе. КНР может использовать свои экономические рычаги, чтобы распространить собственное влияние на страны Юго-Восточной Азии.

В настоящее время Китай играет роль своеобразного лидера для развивающихся стран. Большой интерес представляет собой модель достижения быстрого экономического роста Китая, особенно со стороны тех стран, которые еще не выбрали для себя оптимальный путь развития. Ценности и установки, выдвигаемые в китайской концепции «гармоничного мира», понятны и принимаются развивающимися странами, у которых так же, как и в Поднебесной существуют проблемы с демократией и правами человека.

Внешняя политика Китая направлена на реализацию двух долгосрочных целей. Первая предполагает создание и сохранение благоприятных условий для развития государства, а вторая — стремление к становлению КНР, как одного из полюсов многополярного мира.

Для осуществления первой цели Китаю необходимо избегать прямых вооруженных столкновений и продолжать развивать свою экономическую базу для привлечения инвестиций и технологий, а также для открытия новых рынков. В рамках данной стратегии важнейшими объектами для китайской дипломатии становятся приграничные страны и регионы, поскольку с ними возможны не только локальные вооруженные столкновения, но и эффективное развитие экономических связей.

Китай использует дипломатию, международную помощь, инвестиции, торговые преференции, культуру и научные обмены для влияния на развивающиеся страны. Как отмечает американский исследователь Курланчик, в последнее время китайские дипломаты еще лучше овладели языками принимающих их стран, стали более открытыми, активными, внимательными к общественности тех государств, где они живут и работают [2]. Руководящие принципы дипломатии, особый дипломатический стиль,

манера убеждения составляют «мягкую силу» китайской дипломатии.

Проникновение КНР в Азиатско-Тихоокеанский регион осуществляется посредством **двухсторонних межгосударственных связей и многосторонней дипломатии**. Данная тенденция включает как политические, экономические отношения, так и контакты в военной сфере. Так КНР установил стратегическое партнерство с отдельными государствами ЮВА, и одновременно с АСЕАН в целом. Китай заинтересован в развитии интеграции в регионе Юго-Восточной Азии. Он делает акцент на усилении своих позиций в странах АСЕАН и ослаблении антикитайских настроений.

Китай стремится усилить свое влияние в региональном сообществе Юго-Восточной Азии и контролировать его. Данный регион играет особую роль для КНР. Поскольку посредством этой площадки он сможет расширить свое политическое влияние и укрепить свои позиции в борьбе за мировое лидерство.

На протяжении столетий южноазиатские страны заимствовали многие культурные и политические достижения своего могущественного соседа, поэтому социокультурное поле для воздействия «мягкой силы» в отношении стран АСЕАН было сформировано исторически. Китай стремится создать у стран Юго-Восточного региона **чувство общности**, особый упор он делает на **азиатскую идентичность региона**.

Для укрепления своих позиций в регионе, Пекин стремится установить тесные отношения со странами форума АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества) и странами АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии) и усилить свою роль в этих организациях. Пекин стремится создать своеобразный пояс безопасности из лояльных ему государств и распространить через страны ЮВА свое «мягкое влияние» на весь остальной мир.

В своей стратегии Пекин использует национализм государств Юго-Восточной Азии, как основу для противостояния западному влиянию на регион. Пекин старается смягчить агрессивные антикитайские кампании, направленные против него, и предотвратить участие в них соседних стран.

Несмотря на тенденцию сближения КНР со странами Юго-Восточной Азии, их отношения продолжают оставаться сложными. Выступая на международной арене защитником прав развивающихся государств, Китай одновременно с этим начинает конкурировать с ними на их внутренних рынках и превращать эти страны из партнеров в объекты своей внешней политики. К тому же большую часть прямых иностранных инвестиций также получает Китай, лишая партнеров по АСЕАН дополнительных средств развития.

Для решения данного вопроса Китай предлагает странам АСЕАН свои рынки сбыта и свои инвестиции как компенсацию за потерю позиций на международной арене. В данной ситуации Пекин должен вести крайне де-

ликатную политику, поскольку страны АСЕАН видят в Китае угрозу своей независимости.

В период с 1989 по 1992 годы КНР нормализовала отношения со всеми государствами АТР и Западной Азии. В 1991 году Китай вступил в АТЭС, а в 1993 году подписал декларацию с АСЕАН об установлении стратегического партнерства и страны начали совместные дискуссии по вопросам безопасности. Также Пекин присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА.

Пекин позиционирует себя как нового стратегического партнера, находящегося за пределами АСЕАН. Он стремится доказать странам АСЕАН, что его экономическое развитие и усиление его региональных позиций открывает для них новый рынок и оказывает положительное влияние на финансовую стабильность в регионе. Наблюдается активизация регионального экономического сотрудничества в форматах «АСЕАН + Китай», «АСЕАН + три».

Китай стремится к развитию взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества. Он постепенно расширяет сферу использования юаня в приграничной зоне. Пекин поощряет инвестиции китайских предприятий в страны АСЕАН. Общим результатом экономической и политической дипломатии КНР стало снижение ставок таможенных тарифов, которое создало дополнительные стимулы для роста взаимного экспорта в рамках АСЕАН и открыло рынки ЮВА для китайских товаров.

С 2004 года проводятся ежегодные ярмарки Китай-АСЕАН, которые формируют новую модель двустороннего всеобъемлющего сотрудничества между партнерами. Организаторами ярмарок выступают Министерство коммерции КНР, торгово-экономические ведомства правительств 10 стран АСЕАН и секретариат АСЕАН. В период глобального финансового кризиса было отмечено сокращение экспорта стран АСЕАН в ЕС, США и Японию, однако сохранялся рост их экспорта в Китай. При этом важную роль сыграла ярмарка Китай-АСЕАН. А в рамках восьмой ярмарки Китай-АСЕАН в 2011 году были подписаны контракты на общую сумму в 100 млрд. юаней [3].

Продвижение китайской культуры и языка была задумано посредством распространения образовательных школ и классов. В странах Азии сегодня действует 81 Институт Конфуция и 31 языковой курс китайского языка, на долю стран АСЕАН приходится 29 Институтов Конфуция и 15 языковых курсов [4]. Для многих жителей этих стран китайский язык позволяет продвигаться по карьерной лестнице, поскольку он становится главным языком бизнеса и деловых связей в регионе. Многие конференции и выставки, проводимые совместно КНР и странами членами АСЕАН, финансируются из бюджета КНР. Целью данных мероприятий является не только решение важных вопросов и заключение выгодных контрактов, но и превращение китайского языка в необходимость. Китай добивается, чтобы высокопоставленные чиновники и владельцы компаний общались не на английском, а на китайском языке.

Пекин медленно, но верно идет по пути признания себя лидером среди членов государств АСЕАН. Он стремится стать примером для подражания. В ходе реализации экономической реформы Китай перешел к стратегии сравнительных преимуществ. Его модель модернизации и развития более приспособлена к решению проблем развивающихся стран, чем модели навязанные Западом и практикуемые в развивающемся мире. Только за последнее десятилетие Китай создал более тридцати проектов в АСЕАН. Для сравнения, Вашингтон создал всего семь проектов за последние тридцать лет. КНР укрепляет свои связи со странами региона, создавая международные торговые и туристические зоны, посредством институционализации своего влияния в совместных проектах. В марте 2010 года представителями Китая, Лаоса и Тайланда было выдвинуто предложение о формировании «Международной туристической зоны» и «Кольца пограничной торговли» в приграничных районах между Китаем, Лаосом и Тайландом [5].

1 января 2010 года состоялось открытие зоны свободной торговли (ЗСТ) «Китай – АСЕАН», на создание которой потребовалось 8 лет. Это третья по экономиче-

ской мощи зона свободной торговли в мире после ЕС и зоны свободной торговли Северной Америки. АСЕАН является площадкой для воздействия Поднебесной на международные процессы, происходящие в Юго-Восточной Азии, а также позволяет членам Ассоциации уменьшить свою зависимость от Японии и США. Благожелательный имидж Китая как дружественного государства, позволяет ему пользоваться доверием стран АСЕАН и укреплять свои позиции в регионе. Увеличение финансового кредитования, создание всесторонней системы экономических сетей и осуществление культурных проектов формируют ядро мягкой силы Китая в Юго-Восточной Азии.

КНР пытается создать мирную и процветающую периферию вдоль своих границ, которая бы смогла обеспечить благоприятные условия для его развития. Сегодня в китайском арсенале активно используется миролюбивая внешняя политика, экономическая помощь, моральные ценности и привлекательность духовной и материальной культуры традиционного и современного Китая. Пекин стремится стать не только образцом экономического роста, но и предлагает альтернативные пути развития международных отношений.

Литература:

1. Hard Decisions on Soft Power /Opportunities and Difficulties for Chinese Soft Power by Joseph Nye, Wang Jisi Agriculture, Vol. 31 (2) – Summer 2009 Issue. – Режим доступа: URL: <http://hir.harvard.edu/index.php?page=article&id=1905&p=3>
2. Пахомов Н. Притягательная сила Поднебесной. [Политском.RU]. – Режим доступа: URL: <http://www.politcom.ru/print.php?id=4987>
3. В рамках 8-й ярмарки Китай-АСЕАН заключены контракты на общую сумму в 100 млрд юаней. [Газета «Женьминь жибао» он-лайн]. – Режим доступа: URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7623824.html>
4. Confucius Institute in Asia. [www.chinese.cn] – Режим доступа: URL: http://english.chinese.cn/confuciusinstitute/article/2011-09/26/content_342456.htm
5. В пограничных районах между Китаем, Лаосом и Таиландом будут созданы международные туристические и торговые зоны. [Газета «Женьминь жибао» он-лайн]. – Режим доступа: URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6931066.html>

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Элементы игротерапии в работе с детьми раннего возраста и их родителями (из опыта работы в Центре игровой поддержки)

Барсукова Оксана Васильевна, педагог-психолог
Детский сад комбинированного вида №690 (г. Москва)

Огромная роль в развитии и воспитании ребенка принадлежит игре — важнейшему виду детской деятельности. Игра выступает как предпосылка и условие благоприятного социального и психического развития детей как дошкольного, так и дошкольного возраста. Игра — это также способ приобщения ребенка к миру культуры, мягкая форма обучения жизненно важным умениям, способ ознакомления с широким спектром видов человеческой деятельности, способ корректирования поведения ребенка, деликатное диагностирование уровня развития разнообразных способностей ребенка, способ психолого-педагогической помощи ребенку в решении реальных жизненных проблем и наиболее простой способ формирования дружеских отношений между детьми. В зарубежной и отечественной литературе перечисленные функции относятся преимущественно к игре детей дошкольного возраста, в то время как период раннего детства в данном контексте часто оставался неохваченным.

В последние годы в системе дошкольного образования особое внимание уделяется именно педагогике раннего детства. Отмечается тенденция к восстановлению системы «ясельного» образования детей раннего возраста, успешно работавшей до 80-х годов прошлого столетия [6]. Значительным достижением последнего времени стала активная разработка и внедрение в практику таких вариативных форм дошкольного образования, как группы кратковременного пребывания, лекотеки, консультативные пункты, центры игровой поддержки ребенка, службы ранней помощи.

Центр игровой поддержки ребенка осуществляет психолого-педагогическую деятельность, направленную на всестороннее развитие детей, на основе современных методов организации игровой деятельности, а также проводит консультативную и просветительскую работу с родителями направленную на создание развивающей среды в условиях семейного воспитания. С другой стороны, Центр дает специалистам уникальную возможность изучить психологию современных родителей, узнать потребности семьи, выявить актуальные проблемы и особенности развития детско-родительских отношений.

В процессе работы нами был выделен ряд проблем, которые требуют от педагога-психолога структурного

подразделения не только ознакомления и обучения родителей приемам игр с современными видами игровых средств, но и умения организовывать недирективную игру в диаде «ребенок — родитель» с элементами игротерапии. Элементы терапии игрой в нашем Центре используются преимущественно в играх с детьми от двух лет. Наиболее частыми причинами включения техник игротерапии в развивающий процесс являются следующие:

- неправильные воспитательные приемы, и в целом стиль воспитания ребенка;
- резкие перемены в жизни семьи (переезд, развод, рождение второго ребенка);
- отсутствие единого подхода родителей в вопросах воспитания;
- отсутствие необходимых условий для игры и самостоятельной деятельности, доступной возрасту ребенка;
- неправильное построение режима дня ребенка, трудности в овладении бытовыми навыками и навыками самообслуживания;
- трудности в протекании адаптации к условиям структурного подразделения;
- эмоциональные проблемы малышей (тревожность, страхи, агрессивность, застенчивость, капризность и др.);
- психологическое сопровождение ребенка в период переживания «кризиса трех лет».

В последнее время игровая терапия вызывает большой интерес и внимание специалистов, работающих с детьми. Это не случайно, ведь игра для ребенка — самый естественный способ рассказать о себе, своих чувствах, мыслях, о своем опыте. В. Экслейн рассматривает игру как процесс, в котором ребенок проигрывает свои чувства, таким образом выводя их на поверхность, вовне, получая возможность взглянуть на них со стороны или научиться управлять ими, либо отказаться от них [2 с. 12]. Зачастую беседы родителей с детьми, увещевания оказываются неэффективными и малопонятными, особенно детям раннего возраста. Игротерапия же предлагает альтернативу — процесс взаимодействия ребенка и взрослого посредством игры, в котором на глубинном ценностном уровне происходит волшебное таинство собирания и укрепления собственного Я, успешное моделирование собственного настоящего и будущего. У ребенка также появляется при-

вилегия сравнить себя с самим собой. В результате такого опыта самоисследования, опыта «я-во-взаимодействии-с-другими», опыта саморазвития и самовыражения он учится принимать и уважать не только себя, но еще и других [7 с. 7].

Из основных направлений развития игротерапии, выделенных Г.Л. Лэндретом, терапия отреагирования и недирективная игровая терапия наиболее подходят для работы с детьми раннего возраста и их родителями. Такая терапия успешно применяется в работе с детьми с повышенной агрессивностью, тревожностью, страхами, низкой самооценкой, боязнью неудач, она показана детям, пережившим психологические травмы, ставшим жертвами или свидетелями разного рода насилия, чрезвычайных происшествий, смерти или тяжелых болезней близких и значимых взрослых. Данный метод может быть использован одновременно и в качестве диагностики, и, прежде всего, как коррекционный и психотерапевтический подход, полезный практически всем детям. Важно отметить также, что недирективная терапия не тратит усилий на то, чтобы управлять ребенком или как-то изменить его, основываясь на идее, что поведение ребенка всегда направляется к наиболее полной самореализации [2 с. 16]. Это отмечал и Г.Л. Лэндрет. Он писал, что дети — лучший источник информации о самих себе. Они вполне способны направлять свой собственный рост; им предоставляется свобода быть самими собой в процессе разыгрывания чувств и переживаний. В игровой комнате дети творят собственную историю, и терапевт с уважением относится к тому направлению, которое выбирает ребенок. Терапевт, центрированный на ребенке, стремится установить такие отношения с ним, которые облегчили бы внутренний эмоциональный рост ребенка и усилили бы его веру в себя [3 с. 53].

Рабочая система терапевтических отношений с детьми лучше всего создается в игре, ведь именно игра дает средства для разрешения конфликтов и передачи чувств. В. Экслейн пишет, что игрушки вооружают ребенка подходящими средствами, поскольку они, вне всякого сомнения, являются той средой, в которой может осуществляться самовыражение ребенка. В свободной игре он может выразить то, что ему хочется сделать. Когда он играет свободно, а не по чьей-то указке, он совершает целый ряд независимых действий. Он высвобождает чувства и установки, которые настойчиво стремились вырваться на свободу [3 с. 18]. Обобщая же свою концепцию игровой терапии, В. Экслейн отмечает: «Игровой опыт терапевтичен, поскольку в игре создаются безопасные отношения между ребенком и взрослым, так, что ребенок свободен утверждать себя так, как он умеет, в точности таким, каков он в данный момент, собственным способом и в собственном темпе» [4 с. 34]. Позже этот подход и стали называть игровой терапией, центрированной на ребенке. Отношение к детям, базируется на следующих посылах о том, что такое ребенок, которые являются для терапевта теми рамками, в которых стро-

ится самопроективная установка на детей. Эти послышки состоят в следующем:

- дети — это не маленькие взрослые, и терапевт должен помнить об этом.
 - дети — люди. Они способны к глубоким эмоциональным переживаниям боли и радости.
 - дети уникальны и заслуживают уважения. Терапевт ценит уникальность каждого ребенка и уважает в каждом из них личность.
 - дети выносливы. Дети обладают огромной способностью к преодолению препятствий и неблагоприятных обстоятельств в своей жизни.
 - дети имеют врожденную тенденцию к росту и созреванию. Они обладают; внутренней интуитивной мудростью.
 - дети способны к позитивному управлению собственной деятельностью. Они способны творчески взаимодействовать с собственным миром.
 - игра — естественный язык ребенка, она является средой для его самовыражения, в которой он чувствует себя наиболее комфортно.
 - дети имеют право на молчание. Терапевт уважает желание ребенка не разговаривать.
 - дети уносят терапевтический опыт туда, где они должны жить. Терапевт не пытается определить, когда и как ребенок должен играть.
 - рост ребенка нельзя ускорить. Терапевт признает это и проявляет терпение в том, что касается развития ребенка.
- Профилактика психоэмоционального состояния ребенка проводится во время игрового развивающего сеанса в кабинете педагога-психолога, на котором присутствует мать или отец. Зачастую элементы игротерапии слиты с развивающими играми и тем самым они взаимно дополняют друг друга. Педагог-психолог должен быть нейтрально-доброжелателен, эмпатичен и сохранять статус сопровождающего, идущего *за ребенком*. Необходимо поощрять активность и инициативность малыша, а также при необходимости мягко отстранять чрезмерно активных родителей, если они привносят правила в игру ребенка или высказывают о ней критические замечания.
- На практике мы убедились, что наиболее эффективными в работе с детьми являются игры с народными деревянными игрушками, природными материалами, водой и разнообразными сыпучими материалами (песок, крупы), игры с бумагой, красками и со сказочными персонажами. Следует отметить, что многие игрушки могут использоваться для развития различных сторон психики ребенка. Так, например, игровые мягкие модули, предназначенные для развития общих движений могут использоваться и для эмоциональной разрядки ребенка. Игры с водой и сыпучими материалами не только способствуют развитию мелкой моторики рук, но и способствуют эмоциональному расслаблению, релаксации. Пальчиковые куколочки не только развивают мышцы кистей рук и активную речь, но могут быть и элементом драматизации, проигрывания переживаний.

Важность периода раннего детства невозможно переоценить. Ведь именно сейчас у ребенка происходит огромный скачок в физическом, моторном, интеллектуальном, речевом развитии. Если упустить это время, наверстать его очень трудно, а иногда и невозможно [1 с. 6]. Особенно это касается развития эмоциональной сферы ребенка. Известно, что эмоциональное состояние малышей во многом перекликается с эмоциональными проблемами матери. Без влияния извне ребенок не становится тревожным, боязливым или агрессивным. Иногда встречаются проявления так называемой депривационной симптоматики (deprivation — лишение, потеря), связанной с лишением ребенка важных условий его психологического развития. А именно — безопасной связи с матерью.

Уже более полувека в науке разрабатываются концепции, пытающиеся объяснить влияние депривационных условий воспитания на развитие ребенка. Все эти концепции приходят к тому, что в результате депривации ребенок оказывается лишенным главного фактора, необходимого для развития личности. Разные авторы по-разному называют этот фактор: «безусловное позитивное внимание» (К. Роджерс), «безусловная любовь» (Р. Кемпбелл), «привязанность» (Дж. Боулби), «сильная и устойчивая эмоциональная связь» (М. Эйнсворт) и т.д. Здесь по сути имеется в виду одно и то же — ребенок с первых дней жизни должен расти в обстановке любви, чувствовать себя ценным, нужным, любимым, вне зависимости от своего поведения, успехов и качеств. Отечественная теория депривации имеет сходство с западной в том, что также отводит центральную роль в развитии личности взаимодействию взрослого с ребенком (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин и др.). Депривация рассматривается как нарушение или несформированность у ребенка специфической человеческой потребности в общении. Речь идет о семьях с нарушенными детско-родительскими отношениями. Многие дети из таких семей страдают не только из-за отсутствия благоприятных условий для жизни, но и из-за дефицита внимания со стороны взрослых, что приводит к тому, что ребенок развивается в эмоционально и информационно бедной среде. Здесь могут присутствовать различные типы неэффективного родительского отношения, например, эмоциональное отвержение — недостаток, отсутствие эмоционального контакта родителей и ребенка, нечувствительность родителя к потребностям ребенка. Конечно, при таких сложных ситуациях родителям и семье в целом необходима квалифицированная помощь психолога или психотерапевта. А при работе с детьми полезно начинать игровой сеанс с особых упражнений, создающих положительный эмоциональный настрой и ориентирующих на преодоление трудностей. Игра для ребенка — это способ выражения чувств, познания и моделирования окружающей его действительности. Она, как и рисование, позволяет лучше понять переживания детей, их интересы, потребности, характер, темперамент. Она помогает ребенку приобрести определенные навыки в той или иной

деятельности, в том числе в общении, усвоить социальные нормы поведения, доставляет ребенку удовольствие, повышает жизненный тонус, улучшает эмоциональное и физическое состояние. К тому же игра, как уже было отмечено, обладает терапевтической функцией, поскольку в ней травмирующие жизненные обстоятельства переживаются в условном, а значит ослабленном виде и, кроме того, происходит их эмоциональное отреагирование — так называемый катарсис [5 с. 22].

Игры с безопасным взрослым (помимо родителей) позволяют лучше адаптироваться к реальной жизни. Ребенок, включаясь в игру, переступает порог застенчивости и страха, подражает в игре любимым героям и персонажам. Для этой цели можно использовать народные, ролевые подвижные игры с предметами. Играть в такие игры можно уже с первого года.

При поступлении в Центр дети иногда уже отягощены грузом проблем семейных, домашних неудач, неуверенности в себе и страхом к окружающему. Страх — одна из эмоций, которая может возникнуть уже в период новорожденности. Ребенок очень рано может бессознательно «заражаться» эмоцией страха и тревоги от других. А осознавать, что другому страшно, он способен лишь с 5 лет. Уже в полгода у детей часто возникает страх при встрече с незнакомыми людьми, при виде необычных предметов или необычной ситуации.

В 1–2 года страх незнакомых людей почти проходит, но всегда присутствует по отношению к неадекватно ведущим себя взрослым и детям (пугающих, обижающих и т.д.). Появляется боязнь врачей и медицинских манипуляций, которые могут причинить боль. У немногих детей с переменным успехом может присутствовать страх высоты (боязнь забираться на лесенку, быть поднятым высоко над головой). В этом возрасте каждый третий ребенок боится оставаться без мамы. Это указывает на повышенную эмоциональную чувствительность и привязанность к маме. Ближе к 1,5 годам появляется страх неожиданных резких звуков. Он обусловлен инстинктом самосохранения, так что не стоит заострять на нём внимание при условии, что ребенок не слишком сильно и долго беспокоится.

В 2–3 года многие страхи второго года плавно переходят на третий год (боязнь врачей, уколов и резких звуков). С возрастом привязанность к родителям растёт. В связи с этим возникает страх одиночества и потеря эмоционального контакта с мамой. Так же в этом возрасте на ребенка обрушивается слишком много запретов, а как следствие применение запугиваний («Сейчас отдам тебя милиционеру!») и наказаний с целью добиться послушания. Это не может не отразиться на эмоциональном состоянии ребенка. В этот же период дети могут начать бояться животных, так как начинают понимать, что они не такие уж и безобидные. После 3-х лет многие дети начинают бояться темноты, что совпадает по времени с развитием сферы воображения ребенка. Не отделяя вымысел от реальности, дети иногда начинают бояться персонажей сказок: Бабы Яги, Кощея и др.

Итак, как уже было отмечено, игра — это особый вид активности ребенка, позволяющий ему в безопасной ситуации накапливать свой эмоциональный и социальный опыт, получать знания и совершенствовать имеющиеся умения и навыки. Игра для детей — это способ научиться тому, чему их никто не может научить. Это способ исследования и ориентации в реальном мире, пространстве и времени, вещах, животных, структурах, людях. Включаясь в процесс игры, дети научаются жить в нашем символическом мире — мире смыслов и ценностей, в то же время исследуя, экспериментируя, обучаясь. Известно, что дети часто бывают не в состоянии осознать и рассказать о своих проблемах, а в игре с безопасным взрослым они получают возможность выразить, преодолеть и разрешить свои проблемы, травмы, накопленные эмоциональные переживания и трудности.

В связи с этим игровая поддержка ребенка, представляющая собой систему способов и средств обеспечения игровой развивающей деятельности детей, и комплекс мер, направленных на подбор игровых средств и оборудования, разработку техник и технологии их использования в условиях конкретного дошкольного учреждения, должна включать в себя и элементы психотерапии.

Игровой опыт, таким образом, терапевтичен, поскольку в игре создаются безопасные отношения между ребенком и взрослым так, что ребенок свободен утверждать себя так, как умеет, и быть в точности таким, каков он в данный момент, собственным способом и в собственном темпе [2 с. 17]. Все вышесказанное как нельзя лучше отражается в высказывании Ф. Роджерса: «Чтобы вырасти здоровыми, детям не требуется уметь читать — им требуется уметь играть».

Литература:

1. Воронина С.В., Кухаренко Р.Ю. Кенгуру: Тренинг раннего развития в паре мама — ребенок. — СПб.: Речь, 2008.
2. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Грабенко Т.М. Игры в сказкотерапии. — СПб.: Речь, 2008.
3. Лэндрет Г.Л. Игровая терапия: искусство отношений. — М.: Международная педагогическая академия, 1994.
4. Лэндрет Г.Л. Новые направления в игровой терапии. Проблемы, процесс и особые популяции. — М.: Когито-Центр, 2007.
5. Ткаченко Т.И., Терешко М.Е. Игротерапия в профилактике детских страхов: Методико-практический материал. — Витебск: УО «ВОГ ИПК и ПРР и СО», 2003.
6. Харисова Е. Центр игровой поддержки // Учительская газета, 2010.
7. Экслейн В. Игровая терапия. — М.: Апрель Пресс, 2007.

Изучение актуального состояния грантовой активности молодых исследователей Белгородской области

Верзунова Лариса Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент;
Меньшикова Евгения Николаевна, кандидат исторических наук;
Семенов Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук;
Болховитина Елена Александровна, инженер
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

The analysis of the Current Status of Young Researchers' Grant Activity in Belgorod Region

Verzunova L.V., Menshikova E.N., Semenov M.Y., Bolkhovitina E.A.
Belgorod National State Research University

В статье представлены результаты регионального исследования грантовой активности молодых ученых, дана оценка ее современного состояния, определены причины, препятствующие молодым ученым активно участвовать в грантовых конкурсах, предложены некоторые пути повышения грантовой активности в молодежной среде.

Ключевые слова: научный проект, грант, грантовая активность, заявка на грант, опрос молодых ученых

The article presents the results of a regional survey of young scientists' grant activity, it estimates its modern condition and defines obstacles to young scientists' active participation in grant competitions, it also offers some ways of increasing the grant activity among the youth.

Keywords: *scientific project, grant, grant activity, an application for a grant, a survey of young scientists*

В современных условиях общественных модернизационных процессов одной из главных проблем отечественной системы образования является эффективное использование научного потенциала российских вузов, доведение полученных в вузах результатов научно-исследовательской работы до внедрения в реальный сектор экономики. Российские вузы обладают большим научным потенциалом, который далеко не всегда находит свое воплощение в денежном эквиваленте. Ученые, привыкшие заниматься научной деятельностью, не всегда знают о возможностях выхода разработанной научно-технической продукции на рынок, финансирования научных исследований, что часто снижает качество исследований и стимулирует их проведение.

Получение средств через грантовую систему, то есть на основе целевых финансовых дотаций, представляемых ученым на проведение научных исследований на конкурсной основе, в настоящее время является доминирующим в Европе и США. С недавнего времени получение средств через грантовую систему стало одним из способов финансирования науки и в РФ. В связи с вышеобозначенной проблемой возникла необходимость определить: насколько молодые российские ученые ориентированы на получение финансирования своих научных исследований, каков уровень их грантовой активности, владеет ли данная категория ученых основами составления заявок на получения гранта. Для решения этой проблемы было проведено исследование в одном из наиболее интенсивно развивающихся регионов Российской Федерации — Белгородской области.

Актуальное состояние грантовой активности молодых ученых Белгородской области изучалась методом опроса. Цель опроса: дать оценку современного состояния грантовой активности молодых ученых Белгородской области, выявить причины, препятствующие молодым ученым активно участвовать в грантовых конкурсах и предложить пути повышения грантовой активности в молодежной среде. Для этого был разработан анонимный опросник. Опрашиваемые — молодые ученые (кандидаты и доктора наук), аспиранты, научные сотрудники, преподаватели вузов. Возраст опрашиваемых — до 35 лет (включительно). Опросник состоит из 8 вопросов смешанного типа, построенных с применением элементов развертки. Специалисты, осуществлявшие опрос, получили инструкции для его грамотного проведения. Первые вопросы опросника были направлены на выявление имеющегося у респондентов индивидуального или коллективного опыта участия в конкурсах грантов и программ в текущем году (с указанием фонда и заказчика, времени подачи заявки и запрашиваемых на финансирование сумм). Следующие вопросы были направлены на

выявление степени успешности участия в подаче конкурсных заявок; устанавливалась связь между финансовым благополучием молодого ученого и грантовой активностью, выяснялись причины высокой или низкой грантовой активности. Последний вопрос позволил собрать предложения о повышении грантовой активности ученых Белгородской области.

Опрос проводился в период с 25 по 30 ноября 2011 года. Общее число респондентов 411 человек, среди которых — 88 аспирантов, 56 преподавателей вуза без степени, 12 научных сотрудников без степени, 247 кандидатов наук, 8 докторов наук; по возрасту 20—25 лет — 24 чел., 26—30 лет — 198 чел., 31—35—189 чел.

Результаты опроса и его анализ

На первые вопросы о подаче в текущем году индивидуальных заявок на получение дополнительного финансирования положительно ответили 84 чел. (20,4 %), об участии в подаче заявок в составе широкого исследовательского коллектива утвердительно ответили 202 человека (49,1 %). Выявлена группа наиболее активных молодых ученых (порядка 25 % от общего количества опрошенных), которые в течение 2011 года приняли участие в формировании двух и более заявок. Также в результате опроса было установлено, что наиболее «популярными» среди молодых исследователей Белгородской области являются следующие российские фонды: РГНФ, РФФИ, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 г.». Наибольшее количество заявок молодыми учеными Белгородской области в 2011 году подано в перечисленные выше фонды и грантодающие организации.

Всего опрошенными была подана 301 заявка. Наибольшее число заявок было подано с участием одного молодого ученого — 11. Определена и другая группа участников — крайне пассивная — 162 чел. (39,4%), которая в течение 2011 года не принимала участие в подаче конкурентоспособных проектных предложений.

Как показали результаты опроса, из 301 поданной заявки поддержанными оказались 64 на общую сумму около 21 миллиона рублей, причем сумма одного проекта составляла от 15 000 рублей (фонд РГНФ, индивидуальный проект) и 75 000 (областной грант, коллективный проект), до 5 000 000 рублей (ФЦП, коллективный проект). Наибольшее число успешных проектов, в которых принимает участие один молодой ученый — 4. У 34 респондентов упоминается об одном успешном проекте в этом году. В данном случае просматривается прямая связь между количеством поданных и профинансированных проектов.

При ответе на вопрос об уровне финансового благополучия 4 чел. (1% респондентов) определили его как высокий, 7 чел. (1,7%) — выше среднего —, 69 чел. (16,8%) — среднее, 331 чел. (80,5%) — низкое. Связь между поданными и выигранными заявками, суммами финансирования проектов прослеживается не напрямую. Однако, никто из руководителей успешных индивидуальных проектов не отметил свое благосостояние как низкое. Но все же, чаще всего молодые ученые не обладают достаточно высоким материальным достатком для того, чтобы покрыть расходы, связанные с выполнением научных исследований.

При ответе на вопрос о причинах низкой/высокой активности молодых ученых в грантовых и инновационных конкурсах указывались:

- отсутствие времени (варианты: большая занятость на преподавательской работе, большая учебная нагрузка);
- трудоемкий процесс подачи заявки для участия в конкурсе (варианты: трудная конкурсная документация, подача заявки на иностранном языке);
- недостаток информации о проведении подобных конкурсов;
- отсутствие подходящих проектов;
- неуверенность в реальности финансирования (варианты: не все фонды честно финансируют авторов; фонды проводят конкурсы, чтобы «собрать идеи»);
- отсутствие оснащения для проведения исследований (варианты: предполагаемого финансирования будет недостаточно, чтобы приобрести необходимые приборы или расходные материалы);
- отсутствие подходящих грантодающих организаций.

Наиболее интересным, на наш взгляд, является ответ «отсутствие подходящих проектов», полученный от 21 аспиранта. С одной стороны, такой ответ можно объяснить невысоким уровнем исследовательской и проектной компетентности самого аспиранта, что мешает ему трансформировать научные идеи диссертационного исследования в коммерчески привлекательный проект. С другой стороны, подобный ответ можно объяснить позицией научных руководителей аспирантов, которые в силу традиций советского периода или в связи с низкой информированностью не ориентируют аспирантов на участие в конкурсах для получения финансирования, не формирует у них представления о способах продвижения научного проекта для получения финансирования. Описанная ситуация позволяет определить, что решающими факторами успешного продвижения научного проекта аспирантами является повышение уровня их исследовательской и проектной компетентности, которая формируется только

в соответствующей деятельности; получение опыта участия в формировании заявок на получение финансовой поддержки со стороны грантодающей организации и/или фонда, опыта выполнении финансируемых проектов в качестве исполнителя (например, в составе научного коллектива под руководством опытного исследователя). Такой ориентир в работе может стать одним из ресурсов, который позволит увеличить грантовую активность аспирантов.

В завершении опроса были высказаны следующие предложения по повышению грантовой активности: обеспечение материального стимулирования молодых исследователей, подающих заявки (предлагались даже конкретные суммы — за каждую поданную заявку 1000 руб., которые платит молодому ученому заинтересованная организация), повышение уровня информированности об объявляемых конкурсах, со стороны заинтересованной организации — усовершенствование рассылки информации о конкурсах; введение принудительной подачи заявок молодыми учеными, включение пункта «участие в грантовых конкурсах» в обязательные показатели аттестации аспиранта, ученого или кафедры. Некоторыми из опрошенных отмечалась необходимость создания в организации, в которой работают (учатся) молодые исследователи, отдела (структурного подразделения), который бы осуществлял помощь ученым при формировании проектных предложений.

Интересным, на наш взгляд, является предложение молодых ученых о проведении серии семинаров (круглых столов, информационных совещаний) по проблемам финансирования научных исследований, о проектном менеджменте, о конкурсных процедурах, об особенностях участия в конкурсах различных грантодающих организаций с приглашением наиболее опытных исследователей.

Как показало проведенное исследование, уровень современной грантовой активности молодых исследователей Белгородской области можно охарактеризовать как средний, а результативность участия в конкурсах — как низкую. Наиболее частыми причинами низкой грантовой активности были названы: слишком трудоемкий процесс подачи заявки на участие в конкурсе, недостаток информации о проведении подобных конкурсов, отсутствие подходящих проектов. Участие молодых ученых в формировании проектных предложений, в выполнении научно-исследовательских проектов будет способствовать, с одной стороны, формированию их исследовательской и проектной компетентности, с другой стороны, наращиванию научного потенциала региона.

Гребешковая кожа приоткрывает завесу своей таинственности

Власов Алексей Владимирович, соискатель
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Ключевые слова: волярные подушечки, эмбриональные (зародышевые) листки (эктодерма, энтодерма, мезодерма), тип телосложения, индивидуально-личностный подход.

Введение: являясь своеобразным продолжением первых двух статей в журнале «Молодой ученый» (№ 1,2 (36,37) 2012 г.) на этот раз я раскрою Вам секрет гребешковой кожи. Из предыдущих статей Вам уже известно о трёх типах узоров папиллярных линий, о трёх-компонентной структуре поведения. И всюду встречается эта «3»! Вот она то и мне не давала покоя. Всё указывало на то, что у человека существует что-то, что имеет такую же трёхуровневую основу.

Цель работы: найти структуру, которая имеет трёхуровневую основу, сопоставимую с тремя типами узоров папиллярных линий.

Задачи исследования:

1. раскрыть природу папиллярных узоров на указательных пальцах;
2. разработать индивидуально-личностный подход с учётом особенностей узоров;
3. составить основное правило дарения женщинам ювелирных украшений.

Организация и методы исследования: исследование проводилось с 2010–2012 гг. изучался тип узора папиллярных линий на указательных пальцах. Обобщался опыт предыдущих лет, проводились различные аналогии и сопоставления.

Результаты и их обсуждение: антропологи, занимающиеся изучением папиллярных узоров пальцев рук, сводят их образование к: 1) количеству жидкости между эпидермисом и дермой [2, с. 105]; 2) полагают, что предопределяющим является особенность развития сосудистой системы [5, 6, 7]; 3) отводят важную роль топографическим особенностям нервной системы [3].

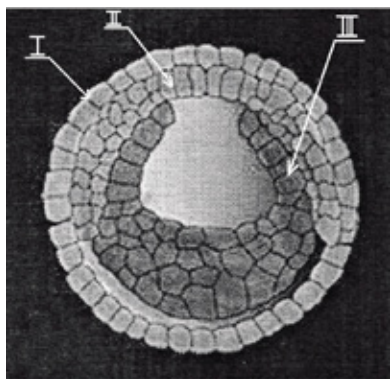

Рис. 1. Эмбриональные листки
I – эктодерма; II – мезодерма; III – энтодерма.

По моему мнению, эти доводы вовсе не являются причинами формирования на волярных подушечках (возвы-

шения на I фалангах пальцев с ладонной стороны) специфического типа узора, а лишь являются следствием того, что существует какая-то самостоятельная (состоящая тоже из трёх отделов) структура.

О существовании этой самостоятельной структуры, впервые упомянул американский исследователь Бин в 1923 году, соотнеся её с тремя зародышевыми (эмбриональными) листками (рис. 1) им была разработана трёх-полюсная классификация.

Из каждого зародышевого листка (рис. 2) формируются определённые органы и системы человека, так из:

- наружного зародышевого листка — формируется мозг и нервная система, являющийся **воплощением дифференциального принципа**;
- внутреннего зародышевого листка — формируются внутренние органы, предназначены для обмена веществ и олицетворяют собой **эластичный принцип**;
- среднего зародышевого листка — формируется позвоночный столб, являющийся **физическим воплощением моторного принципа** [1, с. 51].

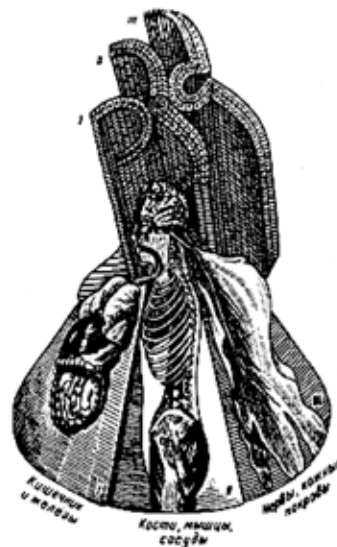

Рис. 2. Эмбриональные листки:
1) энтодерма; 2) мезодерма; 3) эктодерма.

Аналогичную идею разрабатывал и В. Шлайн (1904–1971), в своей биологической конституциональной психологии выделял в человеке три основные системы: 1) переработки энергии; 2) движения; 3) переработки информации.

И по его утверждению один из этих принципов, как правило, доминирует в деятельности человека, предопределяя особенности его типа телосложения [1, с. 51].

У. Шелдон, разрабатывал эту же идею в 1940 году и выделил три основные морфологические формы: а) эктоморфную; б) эндоморфную; в) мезоморфную и различал три психические структуры: 1) церебротония; 2) висцеротония; 3) соматотония.

Другой известный учёный К. Хутер (1957) считал, что уже в эмбрионе формируются три основных типа человека: 1) естественной упитанности; 2) преобладания двигательной тенденции; 3) доминирования чувствительности и восприимчивости. Он утверждал, что «форма тела человека есть зеркало его сущности» [1, с. 50].

Известный антрополог М.Ф. Нестурх [4] писал, что папиллярный рельеф кожи представляет «результат филогенетического развития вида и показывает ход видовой эволюции...» [2, с. 26].

Именно указательные пальцы, на мой взгляд, не только отражают развитие вида (личности), но и являются эпохальным показателем. Так, как именно смена завиткообразного узора на петлеобразный у мужчин, а у женщин — наоборот превалирование завиткообразного узора над петлеобразным — является показателем смены патриархата и наступления эпохи матриархата. И как только соотношение этих типов узоров у мужчин и женщин изменится в противоположную сторону — произойдёт вновь смена эпох. Сейчас мы живём как раз в то время, когда происходит смена этих двух эпох.

На мой взгляд, секрет гребешковой кожи заключается в том, что для каждого зародышевого листка свойствен строго специфический тип узора, так: 1) эктодерме — соответствует завиткообразный узор; 2) энтодерме — соответствует петлеобразный узор; 3) мезодерме — соответствует дугообразный узор.

Помимо этого, к каждому человеку, (будь то взрослый или ребёнок) должен быть и своеобразный индивидуально-личностный подход, так, человек имеющий:

- **завиткообразный узор** — у него проявляются волевые качества только в том случае, когда он преодолевает различные преграды, добиваясь поставленной цели («Надо!»);
- **петлеобразный узор** — у него превалируют нравственно-эстетические качества, и ему надо многое объяснять и стараться с ним договориться и только в этом случае он сможет достичь поставленной перед ним цели;
- **дугообразный узор** — у него превалирует некий организационно-соревновательный элемент и такой человек в одно и то же время нуждается как в назидательном примере, так и в повседневной работе.

Литература:

1. Вельховер Е.С., Вершинин Б.В. Тайные знаки лица: научно-популярное издание. — М.: Компания «Евразийский регион» — Изд-во РУДН, 1998. — 328 с.
2. Гусева И.С. Морфогенез и генетика гребешковой кожи. — Мн.: Беларусь, 1986. — 158 с. с ил.
3. Загорученко Е.А. Эмбриональное развитие и топографическая гистология кожи человека: Автореф. Дис. ... д-ра мед наук. — М. — 1973. — 33 с.
4. Нестурх М.Ф. Происхождение человека. М.: Наука. — 1970. — 439 с.

Зная эти особенности узоров можно гармонизировать не только любую личность, но и совместное сосуществование двух личностей (например, сохранить или создать брачный союз), а так же, разработав определённые постулаты: целомудрия, воздержания, умеренности, сохранения культурного наследия и т.п. — даже управлять обществом.

В этих узорах отражается и несовершенство человека, и тот узор, который отсутствует на этих двух пальцах (левом и правом) и будет своеобразным «комплексом» у ребёнка и это то, что Вам, уважаемые родители, предстоит исправлять.

А сейчас мы прикоснёмся к тому, какое ювелирное украшение исходя из этих трёх зародышевых листков, нужно дарить женщине. Если женщина имеет на указательных пальцах:

- **завиток-завиток** — серебряные украшения, изделия с природными камнями, ювелирные украшения из белого золота и др.;
- **петля-петля** — разнообразные ювелирные украшения и только из золота;
- **дуга-дуга и ретроградные варианты (R)** — серебряные украшения, ювелирные украшения из белого золота, разнообразная бижутерия и пр.

Выводы:

1. тип узора папиллярных линий на указательных пальцах отражает доминирующий эмбриональный листок;
2. эмбриональные листки сопоставимы с тремя типами узоров папиллярных линий и составные узоры (двойная петля) не являются компонентами самостоятельной структуры (т.к. образованы с разных участков энтодермы);
3. перепись населения надо проводить с учётом узоров папиллярных линий на указательных пальцах;
4. необходимо более детально исследовать эмбриональные листки (выделив варианты области соприкосновения с другими листками и доминирования отдельных листков) в различных вариантах (см. «МУ» №1 (36) 2012 г.);
5. усовершенствовать типологию телосложения, исследуя различные ретроградные (R) варианты;
6. заменить результаты отбора абитуриентов в некоторые кафедры ВУЗа на визуальный экспресс метод психодиагностики личности по узорам папиллярных линий указательных пальцев;
7. выявив гастрономические предпочтения каждого типа, можно составить индивидуальную программу для похудения.

5. Усоев С.С. Связь признаков дерматоглифики с кровоснабжением пальцев. — В кн.: III съезд Белорусского о-ва генетиков и селекционеров. — Минск. — 1976. — с. 222.
6. Cummins H. Epidermal ridge configurations in developmental defects, with particular reference to the ontogenetic factors which condition ridge direction. — Amer. J. Anat., 1926, v. 38, p. 89—151.
7. Samandari F. Die Mechanik der Hautleisten- und Triradiebildung auf Palma und Planta. — Anat. Ans., 1973, № 5, p. 484—496.

Формирование психологической готовности юношей к прохождению обязательной военной службы в ВС РФ с точки зрения ресурсного подхода

Кузнецова Лейла Эдуардовна, соискатель
Кубанский государственный университет

В новых социально-экономических условиях проблема психологической готовности молодежи к службе в Российской армии приобретают особую актуальность и социальную значимость. Единичность исследований данной проблемы обуславливает необходимость расширения научных исследований в области активизации адаптационных ресурсов личности и поиска путей оптимизации отношения юношей к службе в Вооруженных силах.

Духовно-патриотический кризис характерный для нашего общества привел к формированию негативного отношения молодежи к прохождению обязательной военной службы. Как у молодых ребят, так и у их родителей проявляется страх прохождения службы в «горячих точках» в Северо-Кавказском регионе, беспредела в отношениях и «дедовщины» в армии. Среди социально-психологических факторов формирования неготовности к прохождению военной службы можно назвать деформацию ценностно-нормативной и ценностно-смысловой сфер в обществе, а также индивидуально-психологические особенности личности: замкнутость, эмоциональная лабильность, пассивность, зависимость, низкий уровень социальной ответственности и нормативности.

Поэтому для изменения отношения молодежи к военной службе необходимо активизировать работу социальных институтов, а именно семьи, школ, образовательных институтов, средств массовой информации по формированию военно-патриотических установок и ориентаций личности. Повышение престижа военных профессий, оплаты труда военнослужащим, перевооружение и модернизация всех родов войск может служить для молодежи побудительными факторами, повышающими их социально-психологическую готовность к службе в Вооруженных силах, важной мотивацией при овладении воинскими профессиями.

К сожалению, в научной литературе вопросам социально-психологической готовности молодежи к службе в Вооруженных силах не уделяется должного внимания. В основном данная проблема лишь косвенно затрагивается в публикациях, посвященных рассмотрению различных

аспектов прохождения воинской службы в различных родах войск. В частности проблема психологической подготовки молодежи к прохождению обязательной военной службы затрагивается в работах В.Г. Белова, В.С. Горбунова, В.Н. Лоскутова, В.А. Полосина, М.Н. Попова, В.Е. Талынева, М.И. Томчука, И.Б. Ушакова, П.М. Шалимова и др.

Под психологической готовностью к прохождению военной службы понимается необходимый и достаточный уровень психологического развития, достигаемый юношами к 18-летнему возрасту. Основной целью формирования психологической готовности у допризывников является профилактика развития психической дезадаптации в процессе прохождения военной службы. В основе психологической готовности личности к военной службе лежит одна или несколько ведущих тенденций, которые пронизывают все уровни этой личности: и биологически определенные, и показывающие его характерологическую структуру, и морально-нравственные устои, и сферу интересов, и социальную активность, склонность к определенной профессии.

Исследования Рындиной О.Г. (2006) показали, что социально-психологическая структура готовности личности допризывника включает следующую эмпирическую систему взаимосвязанных параметров: социальные установки, устойчивость мировоззренческих позиций, ценностные ориентации, социальную активность, уровень притязаний, принятие роли военнослужащего, социальные ожидания ближайшего окружения, параметры здоровья и физического самочувствия. Адекватному отношению к военной службе способствуют детско-родительские отношения, материальная обеспеченность, активное участие отца в процессе воспитания гражданского долга, увлеченность допризывника военно-прикладными видами спорта. Субъективная сформированность социально-психологической готовности характеризуется наличием когнитивной дифференцированности представлений о себе и своих возможностях, адекватностью общей самооценки физических, социальных и духовных качеств,

положительным отношением к социальной военной среде, общим уровнем профессиональной подготовки [8].

Бондарь Н.Г. (2008) рассмотрел понятие и основные составляющие психологической готовности подрастающего поколения к службе в ВС РФ. По его мнению, психологическая готовность к прохождению юношами военной службы — это целостное образование, предполагающее достаточно высокий уровень развития интеллектуальной, нравственной, мотивационной и волевой сфер. Недостаточный уровень развития одного из компонентов этой системы ведет к искажению других. Особое внимание Бондарь Н.Г. уделил изучению познавательных способностей, нервно-психической устойчивости, агрессии, склонности к доминированию-подчинению, ситуативной и личностной тревожности [2].

В своей работе, мы делаем попытку рассмотреть психологическую готовность допризывников к прохождению обязательной воинской службы с точки зрения ресурсного подхода.

Ресурсный подход зародился в гуманистической психологии, в рамках которой важное место заняло изучение конструктивного начала личности, позволяющего преодолевать трудные жизненные ситуации.

Свойство личности приобретает качество ресурса только в контексте адаптационного процесса. То есть обозначить свойство личности как ресурс — значит соотносить его с условиями протекания и задачами адаптационного процесса. В этом смысле все индивидуально-психологические характеристики личности в той или иной мере в различных условиях могут выступать в качестве ресурсных.

В современной психологии содержание понятия «ресурсы» разрабатывается в рамках развития теории психологического стресса. Р.С. Лазарус в транзакционной когнитивной теории стресса и копинг-поведения обосновал положение о том, что способность преодолевать стресс в большинстве случаев более важна, чем природа и величина стресса и частота его воздействия. Преодоление стресса рассматривается как деятельность личности по поддержанию и сохранению баланса между требованиями среды и своими ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям; как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие попытки управлять внешними и внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерно напрягающие или превышающие ресурсы личности. Тип реагирования и направленность поведения в стрессовых условиях существенно зависит от индивидуальных особенностей личности и, в частности, от ее индивидуальных психологических ресурсов совладания со стрессом. К данному типу личностных ресурсов обычно относят уровень когнитивного развития, особенности Я-концепции и уровня самоконтроля, а также психологические особенности личности, обеспечивающие стрессоустойчивость [5].

В.А. Бодров утверждает, что ресурсы личности являются теми физическими и духовными возможностями человека, мобилизация которых обеспечивает выполнение

его программы и способов поведения для предотвращения или купирования стресса. Любая разновидность психологического стресса (личностного, межличностного, семейного, профессионального и т.п.) является в своей основе информационной, то есть, источником его развития служат внешние сообщения, информация о текущем или предполагаемом воздействии неблагоприятных событий или «внутренняя» информация в форме прошлых представлений, извлекаемых из памяти сведений о травмирующих психику событиях [1].

К. Муздыбаев определяет ресурсы как жизненные ценности, которые образуют реальный потенциал для совладания с неблагоприятными жизненными событиями. По мнению Н.Е. Водопьянова ресурсы — это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным ситуациям [3].

В ресурсной концепции стресса С. Хобфолла ресурсы определяются как то, что является значимым для человека и помогает ему адаптироваться в сложных жизненных ситуациях. Одним из оснований ресурсного подхода является принцип «консервации» ресурсов, который предполагает возможность человека получать, сохранять, восстанавливать, преумножать и перераспределять ресурсы в соответствии с собственными ценностями. Посредством такого распределения ресурсов человек имеет возможность адаптироваться к вариативному ряду условий жизненной среды. Когда происходит потеря ресурсов, другие ресурсы выполняют функцию ограничения инструментального, психологического и социального воздействия ситуации. Потеря внутренних и внешних ресурсов влечет за собой потерю субъективного благополучия и переживается как состояние психологического стресса [4].

Применение личностно-ситуационного подхода к классификации адаптационных ресурсов, позволяет разделить их на внутренние — личностные и внешние — средовые. Определение компонентов адаптационного потенциала, как внутренних ресурсов личности, предполагает выделение индивидуально-психологических свойств, способствующих прогрессивному, продуктивному протеканию процесса адаптации.

Мы предполагаем, что основной ресурсной составляющей психологической готовности юношей к прохождению обязательной воинской службы является адаптационный потенциал личности, как копинг-ресурс и копинг-стратегии совладания со стрессом, как копинг-поведение.

Согласно А.Г. Маклакову, личностный адаптационный потенциал включает в себя следующие характеристики: нервно-психическую устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; самооценку личности, которая является ядром саморегуляции и определяет степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей; ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих; уровень конфлик-

тности личности, опыт социального общения. Чем выше уровень развития этих характеристик, тем выше вероятность успешной адаптации человека и тем значительнее диапазон факторов внешней среды, к которым он может приспособиться [6].

Копинг-поведение регулируется посредством реализации копинг-стратегий на основе личностных и средовых копинг-ресурсов. Копинг-стратегии рассматриваются как актуальные ответы личности на воспринимаемую угрозу, как способ управления стрессором.

В классификации копинг-стратегий (Р. Лазарус, С. Фолькман, 1986), которая получила широкую популярность среди практиков, выделены восемь стратегий совладающего поведения: противостоящее поведение, дистанцирование, избегание, плановое решение проблемы, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, позитивная переоценка. Э. Холл считает копинг-стратегии совладания со стрессом действиями, предпринимаемыми человеком в ситуациях психологической угрозы физическому, личностному и социальному благополучию, осуществляемыми в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах функционирования личности. Он выделяет продуктивные, непродуктивные и относительно-продуктивные копинг-стратегии совладания со стрессом. Продуктивное совладающее поведение как повышающее адаптивные возможности субъекта в достаточной мере реалистичное, гибкое, активное [1].

Ресурсный подход предполагает, что владение и управление ресурсами и применяемые копинг-стратегии могут оказывать друг на друга взаимное влияние. В то время как совладающие реакции представляют собой то или иное поведение, возникающее уже после того как стрессоры вступают в действие, ресурсы совладания являются тем, что имеет личность до того, когда начинают действовать стрессоры. Именно ресурсы могут способствовать уменьшению негативных последствий от взаимодействия со стрессорами.

Таким образом, представляется возможным рассмотрение личностного адаптационного потенциала и копинг-стратегий совладания со стрессом как психологических особенностей юношей допризывного возраста, обеспечивающих их психологическую готовность к прохождению обязательной военной службы.

Проведенное нами эмпирическое исследование, проходившее на базе Центра психолого-педагогического сопровождения МБОУ ДОД ГДДТ г. Шахты Ростовской области, позволило изучить уровень психологической готовности к прохождению обязательной военной службы старшеклассников общеобразовательных школ г. Шахты. В исследование приняли участие 187 старшеклассников. Использовались следующие психодиагностические методики: опросник «Готовность к военной службе», личностный опросник FPI, методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма, многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и

С.В. Чермянин, методика «Доминирующие психические состояния» Л.В. Куликова.

Опрос будущих призывников позволил выявить, что только 21,3% юношей хотели бы пройти обязательную воинскую службу в ВС. 87,6% будущих призывников хотели бы служить в армии пол года, 12,4% — один год. Средний уровень готовности к прохождению обязательной воинской службы будущих призывников (в оценке самих испытуемых) — 37%. В процессе прохождения обязательной воинской службы будущим призывникам не хотелось бы принимать участие в боевых действиях в зонах чрезвычайных ситуаций, хотелось бы избежать дедовщины, служить недалеко от дома, иметь выходные и отпуск. Высокий уровень психологической готовности допризывников к прохождению обязательной воинской службы чаще всего связан с тем, что ребята рассматривают военную службу как свою будущую профессиональную деятельность.

Проведенное психодиагностическое обследование позволило сделать следующие выводы:

56,6% будущих призывников имеют достаточный уровень психологической готовности к прохождению обязательной воинской службы, хороший адаптационный потенциал личности: высокую нервно-психическую устойчивость, коммуникативную компетентность, моральную нормативность. 43,4% будущих призывников имеют сниженный уровень психологической готовности к прохождению обязательной воинской службы, удовлетворительный адаптационный потенциал личности: низкую нервно-психическую устойчивость, недостаток коммуникативной компетентности, умеренную моральную нормативность.

Снижение адаптационного потенциала личности будущих призывников в основном происходит за счет значительного снижения коммуникативных способностей и нервно-психической устойчивости.

Личностный профиль будущих призывников с выраженной психологической готовностью к прохождению обязательной воинской службы, характеризуется: эмоциональной устойчивостью, оптимистичностью, экстравертированностью, общительностью, открытостью, позитивным отношением к другим людям, преобладанием маскулинных черт: доминантности, активности, самостоятельности. Доминирует благоприятное психоэмоциональное состояние: активность, оптимистичное отношение к жизни, высокий жизненный тонус, уверенность в своих силах, удовлетворенность жизнью в целом.

Личностный профиль будущих призывников со сниженной психологической готовностью к прохождению обязательной воинской службы, характеризуется: эмоциональной лабильностью, импульсивностью, проявлениями пессимистичности, невротичности. Уровень общительности средний, преобладают андрогинные и феминные черты личности: чувствительность, обидчивость, зависимость, избирательная пассивность. Доминирует неблагоприятное психоэмоциональное состояние: пассивность, эмоциональная напряженность, недостаток

уверенности в себе, в оценке многих жизненных ситуаций преобладает пессимистическая позиция, удовлетворенность жизнью снижена. Выражены признаки хронической астенизации.

Будущие призывники с выраженной психологической готовностью к прохождению обязательной воинской службы, используют относительно-продуктивные и продуктивные копинг-стратегии совладания со стрессом: проблемный анализ, сохранение самообладания, оптимизм, сотрудничество, конструктивная активность, обращение; а со сниженной психологической готовностью используют относительно продуктивные и непродуктивные копинг-стратегии: игнорирование, диссимиляция, установка собственной ценности, растерянность, протест, агрессивность, эмоциональная разрядка, подавление эмоций, компенсация, отступление, отвлечение, активное избегание.

Итак, личностный адаптационный потенциал, проявляющийся в выраженной нервно-психической устойчивости, развитых коммуникативных способностях и моральной нормативности, а также ряде личностных особенностей: оптимизм, активность, доминантность, настойчивость, самостоятельность, в сочетании с использованием продуктивных копинг-стратегий: проблемный анализ, сохранение самообладания, оптимизм, сотрудничество, конструктивная активность, обращение — обеспечивают высокий уровень психологической готовности будущих призывников к прохождению обязательной воинской службы в ВС РФ.

Снижение адаптационных возможностей личности, которое в привычных условиях частично компенсировано, может проявляться при смене деятельности. Вероятность возникновения эмоциональных срывов возникает в трудных жизненных ситуациях и при значительных нагрузках. И обязательная служба в ВС может стать той стрессовой средой для молодых ребят, которая провоцирует у них различные процессы психической дезадаптации. Поэтому 43,4% будущих призывников нуждаются в тща-

тельной психологической подготовке к военной службе и дальнейшем психологическом сопровождении.

С юношами допризывного возраста необходимо проводить психологическую работу, направленную на повышение личностного адаптационного потенциала, обучение навыкам эмоционально-волевой саморегуляции и использование продуктивных копинг-стратегий совладания со стрессом.

В рамках разработанной нами программы психологического курса: «Психологическая подготовка юношей призывного возраста к военной службе в ВС РФ» был проведен цикл занятий со старшеклассниками. Курс включал в себя психодиагностическое обследование, индивидуальные психологические консультации с юношами и групповой социально-психологический тренинг на тему: «Обучение навыкам эмоционально-волевой саморегуляции в стрессовой ситуации». В тренинге использовались техники НЛП, символдрамы, психогимнастика, ролевая игра, методы саморегуляции: АТ; глубинная мышечная релаксация, дыхательная гимнастика и т.д.

Благодаря индивидуальным и групповым занятиям у юношей была сформирована психологическая готовность к прохождению обязательной военной службы. Ребята научились самодиагностике неблагоприятных психических состояний, изучили основные методы саморегуляции психоэмоционального состояния, помогающие снять усталость, эмоциональное напряжение, повысить жизненный тонус и настроение.

Итак, развитие основных составляющих личностного адаптационного потенциала, организация целенаправленного обучения навыкам саморегуляции психоэмоционального состояния способствует формированию высокой психологической готовности допризывников к прохождению обязательной воинской службы в ВС РФ и имеет чрезвычайно важное значение в плане общих профилактических мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья молодежи.

Литература:

1. Бодров В.А. Проблема преодоления стресса [Текст]: Ч. 2: Процессы и ресурсы преодоления стресса / В.А. Бодров // Психологический журнал. — 2006. — Т. 27. — № 2. — С. 113—123.
2. Бондарь Н.Г. Психологическая готовность юношей к службе в вооруженных силах Российской Федерации [Текст] / Н.Г. Бондарь // Гуманитарные науки. — 2008. — № 6.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса [Текст] / Н.Е. Водопьянова. — СПб.: Питер, 2009. — 336 с.
4. Гринберг Дж. Управление стрессом [Текст]: [пер. с англ.] / Дж. Гринберг. — 7-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 496 с.
5. Лазарус Р.С. Теория стресса и психофизиологические исследования [Текст] / Р.С. Лазарус // Эмоциональный стресс: физиологические и психологические реакции / под ред. Л. Леви, В.Н. Мясищева. — Л.: Медицина, 1970. — 405 с.
6. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях [Текст] / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22. — № 1. — С. 16—24.
7. Рындина О.Г. Социально-психологическая готовность допризывной молодежи к службе в Российской армии [Текст] / О.Г. Рындина: Дис. канд. психол. наук: 19.00.05. — Чебоксары, 1998. — 217 с.

Квантовая парадигма в системе нового психологического знания

Липецкий Николай Николаевич, студент
Восточно-Европейский институт психоанализа (г. Санкт-Петербург)

Начало XX-го века ознаменовалось рождением одной из поразительных теорий физической науки, достижения которой к настоящему времени с трудом кто-либо может с уверенностью подтвердить или поставить под сомнение. Именно квантовая механика со своими удивительными парадоксами и неоднозначностью до сих пор заставляет лучших мыслителей и ученых современности искать ответы на вопросы об истинном устройстве материи и Вселенной, о роли влияния разума и сознания наблюдателя на объективную природу и квантовые системы.

Поэтому квантовая теория наряду с другими физическими теориями занимает абсолютно особое место. Это также обусловлено теми многочисленными изменениями, которые она привнесла в восприятие и понимание окружающего нас мироздания. В данный момент большинство исследователей в собственных изысканиях почти неизбежно встречаются не только с физическими вопросами, но и с философскими, психологическими и даже метафизическими в полном смысле этого слова. Квантовая механика настолько меняет наши классические представления о реальности, что остается для нас до сих пор во многом непонятной. По этому поводу красноречиво высказался один из родоначальников квантовой физики и лауреат Нобелевской премии Нильс Бор: «Тот, кто не был потрясен при первом знакомстве с квантовой теорией, очевидно, просто ничего не понял».

Во многом современное осмысление квантовой теории служит становлению неклассического и нового типа научной рациональности, меняющего прежние идеалы объективности научного знания. Одним из признаков этих изменений можно считать установившийся и практически неустраняемый плюрализм научных мнений. В связи с этим встает вопрос о разработке новой онтологии, к которой так стремятся многие философы современности. Квантовая механика открывает новый взгляд на окружающий мир и реальность, в соответствии с которым человек во всем своем своеобразии является не просто живым материальным механизмом (как это порой принято считать с некоторых классических позиций), а сложноорганизованным, взаимосвязанным существом, природа которого простирается сквозь пространство и время. Если рассматривать человека со второй позиции, то можно говорить, что наши поступки, мысли и поведение в наибольшей степени влияют на нас самих и на ту среду, в которой мы существуем. Такое представление входит в противоречие с классическими установками, а также классической механикой и фактически показывает нам важность изменения существующей онтологии.

Многоуровневая и сложная организация Вселенной имеет свое многообразие законов, которые управляют ей.

На нашем уровне и с нашей шкалой размеров различные материальные явления описываются законами движения Ньютона, лежащими в основе классической механики и открытые, а также наиболее полно сформулированные Исааком Ньютоном в 1687 году. Но стоит перейти на атомный и субатомный уровень как в силу вступают несколько иные законы — законы квантовой механики. Для того чтобы составить общее представление о квантовой механике можно обозначить ряд самых основных аспектов квантово-механических явлений [2]:

1) Нелокальность и целостность квантовых явлений:

Нелокальность (квантовая запутанность, сцепленность, «Квантовое Вуду») — при данном явлении обнаруживается взаимозависимость квантовых состояний двух или большего числа объектов. При этом эта взаимозависимость может сохраняться, не смотря на огромные расстояния между данными объектами. Это явление наиболее известно в связи с описанным знаменитым парадоксом Эйнштейна-Подольского-Розена (ЭПР-парадокс).

2) Влияние наблюдателя и условий наблюдения на квантовые явления:

Данный аспект связан с процессом измерения квантового явления и проявляющейся при этом редукцией волновой функции. При этом происходит переход из суперпозированного состояния к вполне определенному единственному состоянию.

3) Особенности, связанные с принципом суперпозиции состояний и вероятностным способом описания явлений:

Суперпозиция — согласно этому принципу частица материи до измерения находится во всех возможных состояниях одновременно. При этом волновая функция описывает не сам процесс, а амплитуду вероятностей данного процесса. Наиболее ярко этот принцип продемонстрирован в знаменитом парадоксе «кота Шредингера».

4) Динамический характер протекания квантовых явлений:

Здесь динамизм рассматривается широко с позиций квантовых микроявлений и заключается в процессах возникновения, распада, уничтожения частиц, а также взаимного перехода друг в друга, рождения так называемых виртуальных частиц.

В настоящее время обнаруживается тенденция сближения различных научных дисциплин, и предпринимаются попытки построения междисциплинарного подхода к пониманию субъекта познания и мира в целом. Важно отметить, что медицина, биология, химия, философия, естествознание и другие науки постепенно объединяются вокруг физики, составляя, таким образом, наиболее полную

и единую картину мира. Однако стоит подчеркнуть и особую важность психологического знания среди данных дисциплин, так как все перечисленные научные области в какой-то мере связаны с психологией и имеют общие психологические корни. Данное положение можно легко объяснить тем, что практически любая наука напрямую связана с актами субъективного восприятия феноменов лежащих в ее основе, а восприятие в свою очередь основывается на наших ощущениях, что непосредственно является сферой психологического знания.

Одной из остро дискуссионных проблем квантовой механики, которая имеет особую значимость и для психологии является проблема взаимоотношения и разграничения субъекта и объекта познания, сознания и материи. С одной стороны часть исследователей придерживается точки зрения, что разделение субъекта и объекта является не справедливым, тем самым отвергая классический декартовский принцип (к таким исследователям, например, относится В. Гейзенберг). Предполагается, что квантово-механическая реальность рождается в момент ее взаимодействия с наблюдателем и измерительными приборами, а порой и вовсе постулируется, что наблюдатель творит окружающую реальность в процессе ее наблюдения и, по сути, представляется творцом природы «*fabricator mundi*». Другие же ученые настаивают на том, что никакой квантово-механической реальности не существует и ориентироваться стоит только на строго регистрируемые в эмпирическом процессе данные квантовых систем. В целом же этот вопрос до сих пор подробно обсуждается в рамках различных интерпретаций квантовой теории. Но можно отметить явный холистический взгляд на реальность преобладающий в большинстве подобных интерпретаций. Мир рассматривается как нечто единое, целостное и неделимое. Отчасти это подтверждается явлением квантовой сцепленности, которое было обнаружено и описано в упомянутом ранее ЭПР-парадоксе, и которое разрушает наши классические представления о природе пространства. Исходя из этого явления, можно говорить о том, что, так как абсолютно все, вся материя и частицы были сцеплены с момента Большого Взрыва, то они сцеплены и до сих пор. Таким образом, пространство это просто конструкция, дающая нашему разуму иллюзию обособленности объектного мира. Так Эрвин Шредингер утверждал, что сцепленность, которая является сутью всеобщей взаимосвязи не только свойство квантовой механики, но и всеобщее свойство. Такая особенность квантовой механики приводит в изумление и с трудом вписывается в наш привычный опыт.

Квантовый мозг и сознание

В настоящий момент существуют достаточно интересные теоретические междисциплинарные разработки и подходы, которые применяются для объяснения работы ЦНС и тех нейрональных процессов, которые в ней протекают с позиций квантовой механики.

С точки зрения данного подхода мозг можно обозначить как нейро-квантовый компьютер. При этом одной из особенностей нашего мозга можно считать его природное умение создавать целостные и неделимые образы отражающие содержание наших мыслительных процессов. Это является одним из признаков определяющих его квантовые особенности. Одними из первых ученых, которые попытались объяснить процесс возникновения образов и мыслей, продуцируемых нашим мозгом, с позиции квантовой теории являются Роджер Пенроуз и Стюарт Хамедрофф. Их «Теория квантового нейрокомпьютинга» («Теория Хамедрофа-Пенроуза») начиная с 1995 г. положила начало более тщательному изучению загадки нейрофизиологических процессов сознания на макроскопическом квантовом уровне.

Было выдвинуто предположение, что сознание возникает в момент, когда в мозгу достигается определенный пороговый уровень суперпозиции нейронов, после которого как и в случае с редукцией волновой функции, возникающей под влиянием наблюдения, все возможные состояния нейронов сводятся к единственному конкретному локализованному состоянию. Основное различие заключается в том, что в мозгу суперпозиция редуцируется не вследствие влияния наблюдателя, а вследствие воздействия квантовой гравитации. Этот удивительный процесс ведет к созданию целостных образов, мыслей и представлений, а также является естественной формой работы сознания субъекта. Исходя из описанного теоретического положения, становится ясно, что каждая мысль характеризуется каким-либо определенным положением нейронных сетей и нейронов. И следует учитывать, что подобные процессы затрагивают не только отдельные ментальные акты, но и весь психический аппарат в целом, например при принятии какого-либо обдуманного волевого решения, когда в работу вступает комплексная функциональная система, затрагивающая высшие психические функции и процессы. По сути, сам механизм описывает единичный выбор, который совершает сознание исходя из множественного спектра вариантов событий и потенциально возможных образов реальности, хранящихся в бессознательном индивида и в его личном опыте.

Также следует упомянуть в рамках теории «Хамедроффа-Пенроуза», что особенный акцент делается на важной роли неких микротубул (*microtubules*) [5], которые являются полыми белковыми образованиями, составляющими цитоскелет нейронов мозга (См. рис. 1).

Эти микротубулы представляют собой самоорганизующиеся квантовые системы, участвующие в генезе и организации квантовых колебаний мозга. Основные функции данных структур — это защитная, двигательная и транспортная. В нейронах они участвуют в организации и регуляции синаптических связей и высвобождении нейромедиаторов. Также микротубулы принимают участие в

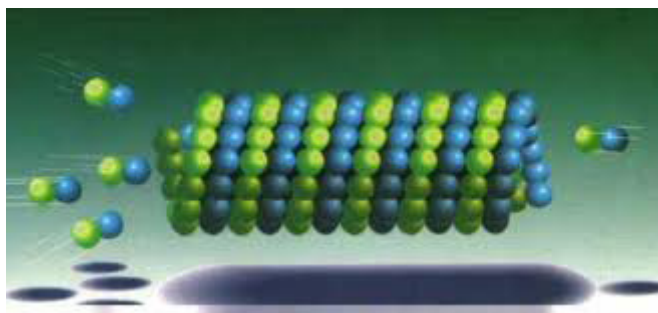

Рис. 1. Структура клеточной микротубулы

передаче и переработке информации от клетки, к клетке, вступая при этом в межклеточное взаимодействие и таким образом, организуя общие целостные клеточные ансамбли. Но наиболее интересным является то, что внутри эти белковые образования полностью полые, т.е. фактически наше объективное представление о реальности возникает почти из пустоты.

В связи с этими открытиями ученые уже сейчас выдвигают футуристические и совершенно необычные для нас прогнозы относительно интенсивного развития квантовой фармакологии. Предполагается, что в арсенале такого направления будут возможности как лечения психических заболеваний, так даже и изменения воспринимаемой субъектом реальности на совершенно альтернативную. И все это всего лишь при помощи приема одной таблетки.

Квантовое вероятностное мышление наиболее ярко проявляется в работе правого полушария головного мозга. Доктор Роджер Спири исследовал особенности левого и правого полушария. За результаты данного исследования он был удостоен Нобелевской премии в 1981 году. Правому полушарию свойственно нелокальное, нелинейное, преимущественно интуитивное, чувственное и бессознательное восприятие мира. С позиции правого полушария отсутствуют видимые связи между причинами и следствиями, из этого следует состояние неопределенности будущего в силу множества непредсказуемых случайностей. Присутствует единовременный взгляд на все варианты исхода событий и выбор осуществляется практически сразу на основе внутреннего интуитивного чувства. Описанные признаки хорошо сочетаются с парадоксами квантовой механики.

Такой орган как мозг насчитывает приблизительно около 100 млрд. нейронов, что явно указывает на наш невообразимо большой созидательно-творческий потенциал. Но было бы абсолютно неправильным привязывать сознание только к нейронной структуре мозга. Ведь это было бы сведением психофизической проблемы только к материалистическим позициям, минуя при этом дуалистическую и идеалистическую. На самом деле загадка сознания настолько сложна, что достаточно трудно дать объективно точный ответ о том, что это на самом деле: фундаментальное образование Вселенной, либо нечто аб-

солютно не постижимое, по крайней мере, на обыденном уровне понимания. Но, не смотря на это, уже предпринимались попытки создания некой обобщенной и формализовано-теоретической модели сознания, которые в целом не увенчались успехом [3, С. 134]. При этом трудно говорить, возможно ли вообще создать подобную концепцию, хотя бы потому что человек как субъект сам является носителем сознания и ведь для того, чтобы познать сознание потребуется выйти на некий трансцендентный уровень за рамки собственной сознательности. Но для начала, скорее всего, следует пересмотреть общепринятую методологию исследования реальности.

Квантовая психология

Необычные особенности квантовой механики, ее таинственная связь с участием сознания наблюдателя и его, влиянием на квантовые системы, а также ряд других до сих пор до конца не ясных парадоксов все это послужило постепенному зарождению такого направления как квантовая психология.

Данное направление считается сравнительно молодым, а сам термин «квантовая психология» впервые появился в 90-х гг. XX века. Разработкой данного вопроса занимались, и занимается целый ряд авторов: Стефен Волински, Роберт Антон Уилсон, Кристи Л. Кеннен. Среди отечественных авторов можно отметить Н.И. Дерябина, С.И. Дороница, А.И. Нефедова, М. Заречного.

Несмотря на сравнительную молодость и отсутствие академического статуса квантовая психология все больше проникает в жизнь современных людей и находит сравнительно положительные отклики. Сейчас квантовой психологией принято считать — неакадемическую отрасль психологии, изучающую субъективно индивидуальный образ ментальной репрезентации действительности и мира на различных уровнях психической организации человека. В расчет также принимаются наработанные в течение жизни особенности шаблонов поведения человека, структура его жизненного сценария, функциональные состояния нервной системы, идеи и attitudes, влияющие на интерпретацию сигналов внешнего мира мозгом. Также акцент делается на всестороннее изучение фундаментальных процессов сознания.

В США не так давно был создан институт квантовой психологии основателями которого стали Стефен Волински и Кристи Л. Кеннон.

Существует четыре основополагающих принципа, лежащих в основе квантовой психологии [1]:

1) Человек рассматривается как квант интеллектуальной системы Вселенной с взаимосвязанными процессами и алгоритмами эволюционного развития.

2) Вселенная, с включенными в ее состав интеллектуальными системами меньшего порядка, базируется на стратегическом управлении и непрерывном процессе поддержки системы на всех этапах ее жизненного цикла.

3) Человек в общем случае представляет собой упорядоченную наносистему с протекающими в ней нанопроцессами, которые включают в себя вещество и энергоинформационную составляющую.

4) Информационное общество в эволюции развития человечества на земле базируется на сингулярности сознания (мышления) человека, в основе которой заложено единство и взаимосвязь вещества и энергии во Вселенной с соответствующими процессами преобразования и трансформации.

Так как в основе квантовой психологии лежат феномены и открытия совершенные в области квантовой механики. То личность человека и окружающая его материя рассматриваются с холистических позиций как единая сложная и неделимая Вселенская система со всей совокупностью протекающих в ней процессов.

С другой стороны импульсом для развития квантовой парадигмы в психологии послужил эпистемологический подход реального конструктивизма, дающий особенный взгляд на соотношение сознания человека и окружающего его объективного мира. Согласно данному подходу индивиду доступен единственный «реальный мир», который он сам и порождает собственным сенсорным опытом в динамическом процессе познания.

Основные положения квантовой физики наталкивают на мысли, о том, что в мире существует некий нижний скрытый от нас слой реальности, который практически невозможно пощупать или увидеть невооруженным глазом, но который лежит в основе всеобщего субатомного единства. Эти представления удивительным образом стыкуются с понятием о всеобщем коллективном бессознательном. Данное положение выдвигалось еще в начале прошлого века глубоко образованным и духовным человеком и ученым Карлом Гюставом Юнгом. Фактически можно сказать, что мы существуем буквально в разных мирах одновременно.

Есть привычный и видимый нами мир объектов, есть макроскопический мир и мир клеточный, мир наших атомов и атомных ядер и т.п. С одной стороны это совершенно разные миры, имеющие свои законы и закономерности, свой собственный язык. Эти миры отличаются друг от друга, но при этом тесно взаимодействуют друг с другом. Ведь каждый человек, по сути, включает в себя колоссальное число атомов и одновременно он же и является

этими атомами. Наиболее интересным открытием физики является фундаментальное положение о всеобщем единстве. Ведь буквально на субатомном уровне наш мир и мы одно целое. В свое время Альберт Эйнштейн высказал мысль о том, что «человек — это часть целого, которое мы называем Вселенной».

Принципы квантовой механики также можно обнаружить применительно к психодиагностике личности, где представление о личности во многом сходно с представлением квантовых систем в физике. Проявление у личности какого-либо конкретного психического состояния в определенных условиях, описываемого личностным профилем может представляться как редукция волновой функции Ψ в физике. Личность не может рассматриваться как некое абсолютно статичное образование. На проявление тех или иных черт может оказывать влияние то, в каком состоянии находится индивид, и какие средовые условия оказывают на него воздействие. Соответственно меняя условия, мы будем получать относительно разные личностные профили. При этом учитывая принцип суперпозиции можно говорить о том, что до измерения в целом нельзя строго судить о каком бы то ни было состоянии, в котором прибывает индивид. Проводя психодиагностическое измерение, все потенциально возможные состояния и соответственно личностные профили индивида редуцируются и сводятся в один конечный профиль, отражающий единственно возможное актуальное состояние человека. Также подобные связи квантовой физики и психологии можно обнаружить и в других разделах психологической науки.

Исходя из представлений квантовой психологии, у человека существует квантовое сознанием, которое находится в перманентном процессе совершенствования, согласованного с эволюционными процессами человечества. Такое эволюционное движение включает в себя компонент гармонизации человека, который заключается в постоянном стремлении к взаимной согласованности ментальных процессов человека, его физических состояний с окружающей его объективной реальностью во Вселенских масштабах.

В 70-е гг. XX века академик В. Чавчанидзе писал о том, что сознания людей представляют собой своеобразный вид энергоинформационной материи, который подлежит научному описанию с позиций квантовой теории. Сознания людей находятся под управлением когерентных (взаимосвязанных) волн при этом люди объединяя свои сознания, создают более масштабные энергоинформационные сущности (душу общества или психоэмоциональные поля), которые влияют на процесс их эволюционного развития. В целом он утверждал, что любая мыслительная деятельность человека должна описываться квантово-волновыми законами [4].

Таким образом, можно выделить ряд основных задач, к решению которых следует стремиться квантовой психологии, если данная область знания будет претендовать на академический статус науки:

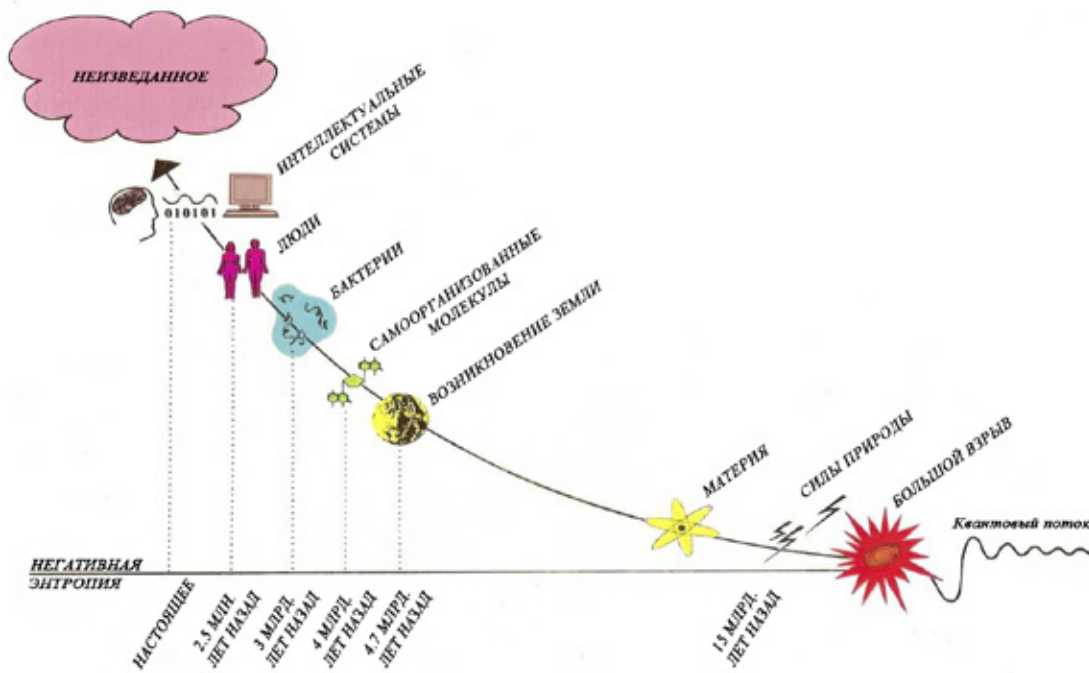

Рис. 2. Эволюция информационной трансдукции с момента Большого Взрыва

1) Научное освещение квантово-психологических принципов как интегральной системы знания, дающей ответы, на вопросы о глубинной природе мира и месте человека в нем;

2) Разработка теоретико-методологического аппарата квантовой психологии и обоснование ее научного статуса и места в системе других наук;

3) Определение общих и частных закономерностей квантовой психологии;

4) Выявление ключевых фундаментальных процессов сознания и их роли в квантово-психологическом устройстве мироздания;

5) Разработка собственных методов исследования и решения практических задач в квантовой психологии;

6) Разработка наиболее экологичных и эффективных способов психотерапевтической помощи и раскрытия внутреннего потенциала личности.

7) Разработка квантово-психологических эталонов гармоничного и продуктивного развития личности человека в системе «Субъект-Вселенная».

Следует отметить, что бурное и постепенно нарастающее развитие квантовой психологии, а также интерес к квантовой механике уже сейчас приводит к тому, что особое пристальное внимание данных теорий направлено на изучение новейших электронных технологий и применение квантовых принципов в их основе. Электронные механизмы, работающие на основе квантовых законов, применяются для изучения процессов мозга и его активности, а получаемые данные помогают в создании новых теоретических положений науки, в том числе и в психологической области. При этом квантовая терапия с исполь-

зование специализированных приборов постепенно находит свое применение и в психиатрической практике.

Квантовая психотерапия

Квантовая психотерапия — это детище квантовой психологии. Данное направление является абсолютно молодым и можно сказать, что его становление происходит в данный момент синхронно с развитием квантово-психологических взглядов.

В основе такого рода помощи лежит стремление к раскрытию подавляемого и скрытого потенциала личности в силу ограниченного субъективными рамками мышления и установившимися в течение жизни шаблонами поведения. Цель данного подхода состоит в том, чтобы помочь человеку найти его истинное предназначение в жизни, открыть новый взгляд на его субъективную реальность и ответить на вопрос «Кто Я?».

Подобное возможно если человек в полной мере начнет осознание собственного жизненного опыта, вглядываясь глубже в свою индивидуальность на пути к пониманию всеобщего единства Вселенской системы. При этом происходит выход за пределы стандартного ассоциативного ряда продуцируемого нейроструктурами мозга и это дает новый взгляд на свою личность, на свои трудности и окружающий мир. Прежняя концепция устройства жизни человека постепенно трансформируется в нечто качественно более новое. Путь квантовой психотерапии — это путь внутреннего освобождения собственной личности от устаревших и малоэффективных конструктов прежнего бытия на пути к духовному становлению и развитию.

В целом квантовую психотерапию можно охарактеризовать как высоко экологичную в силу того, что личность психотерапевта задействуется в меньшей степени. Психотерапевт скорее является проводником на пути саморазвития клиента и разрешения его личностных трудностей, и осуществляет необходимую поддержку в моменты, когда клиент проявляет чувство тревоги связанное с процессом изменения его прежнего восприятия. Основной упор в работе делается на внутренний ресурс клиента и его потенциальные личностные возможности, которые по мере терапии предоставляют клиенту большую свободу выбора в ходе овладения им способов регулирования собственной жизни через изменение своих взглядов и восприятия. В большинстве случаев терапевтический процесс является краткосрочным т.к. клиент достаточно быстро овладевает новыми путями управления своей жизнью. Конечно, такое достигается за счет ряда инновационных и относительно простых методов, которыми пользуется квантовая психотерапия. К ним относятся:

- 1) Метод символического моделирования («Чистый Язык»);
- 2) Метод сущностной трансформации;
- 3) Метод прямого восприятия;
- 4) Тетахилинг (TetaHealing);
- 5) Терапия мысленного поля (Thought Field Therapy).

Иногда в более сложных случаях используется гипнотерапия, элементы кататимно-имагинативной психотерапии, но при этом неизбежно снижается экологичность такой работы и возрастает длительность. Нередким бывает использование групповых видов квантовой психотерапии, что увеличивает эффективность и надежность результата.

Литература:

1. Дерябин Н.И. Квантовая психология или философия жизни в XXI веке // Футурологический конгресс: будущее России и мира. М.: Научный эксперт, 2010. 768 с.
2. Севальников А.Ю. Современное физическое познание: в поисках новой онтологии. М.: ИФ РАН, 2003. 332 с.
3. Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А. Метаспихология: Релятивистская психология. Квантовая психология, Психология креативности. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2010. 512 с.
4. Чавчанидзе В.В. Квантово-волновая теория мышления // Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов. Тбилиси, 1971. С. 134–135.
5. Hagan S., Hameroff S.R., Tuszyński J.A. Quantum computation in brain microtubules: Decoherence and biological feasibility // Physical Review. Vol. 65, 2002. P. 11.

Постановка проблемы гендерной асимметрии на государственной службе

Надеев Григорий Анатольевич, аспирант
Белгородский государственный университет

Современная социальная наука различает такие понятия как, пол (sex) и гендер. Первое из них использовалось для определения анатомо-физиологических особенностей человека, на основе которых люди делятся на

В отечественной практике также образовался подход под названием «Квантовая синергетическая психотерапия» зародившаяся в стенах «Международного института геронтологии». Большой упор в данном виде помощи делается на продление творческого долголетия личности и на возможность психотерапевтической работы с психосоматическими заболеваниями. Терапия основывается на установлении скрытого эмоционального конфликта пациента, который служит причиной психосоматического нарушения. Далее происходит проработка выявленных факторов риска личностного эмоционального конфликта с целью избавления от психосоматического симптома и гармонизации психики человека. Подход является междисциплинарным и использует широкий арсенал методов помощи, это позволяет находить наиболее индивидуальный и эффективный способ избавления человека от переживаемых страданий.

В заключение следует отметить, что квантово-психологические идеи с течением времени завоевывают все больше и больше умов. И на пике такой популярности, зачастую трудно избежать привносимого солипсизма и парасихологизма. Поэтому одной из важных задач, как психологов, так и других представителей наук является «отделение зерен от плевел» и разработка более согласованного теоретико-методологического аппарата квантовой психологии. Также требуется более тщательная проверка методов квантовой психотерапии и их действительной эффективности. При этом можно сказать, что квантовая физика постепенно утверждает новую онтологию и становится своеобразным мостом между духовностью и материализмом.

мужчин и женщин. Существующее в мире разнообразие социальных характеристик женщин и мужчин и принципиальное тождество биологических характеристик людей позволяют сделать вывод о том, что биологический пол не

может быть объяснением различий их социальных ролей, существующих в разных обществах.

В самом общем виде понятие гендер обозначает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть мужчиной или женщиной в обществе означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями — это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли.

Актуальность подобной проблематики в сфере государственного управления очевидна, поскольку традиционно женщины были вытеснены из сфер влияния на политические, социальные, экономические и другие процессы. В настоящее время часто затрагивается тема « женского вопроса » основой которого является равенство женщин и мужчин в их правовом статусе, а так же в принятии и реализации мер касающихся личной, семейной, общественной и политической жизни. Решение данного вопроса предстает с новой стороны и определяется как гендерная асимметрия в процессе демократизации и преобразований в Российском обществе.

Под гендерной асимметрией мы понимаем — непропорциональную представленность социальных и культурных ролей обоих полов, а также представлений о них в различных сферах жизни.

Составной частью гендерной асимметрии на государственной службе является проблема гендерной идентичности. Она заключается в несоответствии различий социального восприятия человека, биологическим особенностям личности, относящихся к половому признаку индивида. Человек того или иного пола должен биологически осознавать себя мужчиной или женщиной, а в социальном плане быть нейтрально половым.

В настоящий момент времени подобного рода исследования носят единичный характер и открывают новое направление в социологических исследованиях. Среди исследователей можно выделить таких как К. Миллет, Дж. Митчелл, А. Джаггар, С. Бордо, С. Хардинг, М. Фрай, И.Ф. Арманд, А.М. Коллонтай, Н.К. Крупская [1].

Основополагающими стали идеи классиков социологии Э.Дюркгейма (общественное разделение труда и теория половых ролей), Г. Зиммеля (формальная социология и категория женской культуры), К. Маркса, Ф. Энгельса (участие женщин в сфере духовного и материального производства), И. Гофмана, Т. Парсонса и др. Они рассматривали гендерное неравенство, как фактор, влияющий на социальное положение мужчины и женщины.

Гендерное неравенство в сфере государственного управления проявляется в отсутствии возможности принятия важных управленческих решений, в положении на рынке рабочей силы. В процессе появляются новые признаки гендерного неравенства. В настоящее время очень остро стоит вопрос о несоответствии между юридическим

равенством и представленными возможностями для его реализации со стороны государства. Эта проблема носит не только социальный характер, но и биологический, а так же является средством не эффективности использования внутренних человеческих ресурсов, которые необходимы для участия в управленческой деятельности. Реальное положение мужчин и женщин может быть различным, как вследствие пола (биологические различия), так и вследствие гендерных особенностей (социальные различия). Система мер или программа, разработанная без учета этих различий, может не соответствовать интересам полов, так как, каждый мужчина и каждая женщина не одинаковы. Заметим, что кроме связанного с полом распределения видов труда, существует еще и издревле сложившаяся иерархия, она и является причиной социального гендерного неравенства. Сферы общественной жизни, занятые мужчинами, считаются наиболее важными и престижными, а деятельность женщин рассматривается как однозначно вспомогательная.

Такие отношения рассматривает гендерная социология. — отрасль социологии, изучающая закономерности дифференциации мужских и женских социальных ролей. Предметом исследования гендерной социологии являются исторически сложившиеся неравноправные взаимоотношения мужчин и женщин [2]. Гендерная социология переживает сейчас очередной подъем, который связан с увеличением роли женщин во всех сферах общественной жизни. Тем не менее государственные служащие в Российской Федерации имеют твердое мнение о бесперспективности карьеры женщин в высших уровнях государственной власти.

Зачастую чрезвычайно важную роль в сфере государственного управления играет стереотипное восприятие. Одним из наиболее распространенных стереотипов является представление о типично женских и типично мужских качествах человека [3]. Наличие разных социальных ролей, которые воспринимаются как фундаментальные различия между мужчинами и женщинами в их психике и деятельности, формирует гендерные стереотипы.

Гендерные стереотипы — неотъемлемый элемент обыденного сознания. Стереотип, аккумулирующий некий стандартизованный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и направляет его поведение в определенное русло. Он выражает отношение, установку данной социальной группы. У разных групп и культур гендерные стереотипы совершенно противоположны. Таким образом меняющиеся стереотипы в отношении карьерного роста женщин, реализации их профессиональных возможностей открывают перспективы для оптимизации гендерной жизнедеятельности, а с другой стороны позволяет по новому рассматривать социополовые функции родителей, коллег, политиков и представителей властных структур.

В настоящее время в России прослеживается низкий уровень занятости женщин на высших должностных по-

стах государственной власти. На долю женщин — государственных служащих по всей стране приходилось тогда 68% всех государственных служащих [4]. Согласно результатам проведенного нами опроса по области в органах государственной службы. В котором приняло участие 200 человек (100 мужчин и 100 женщин) были выявлены следующие показатели: женщины чаще занимают руководящие должности с более низким уровнем ответственности, чем мужчины. Например, женщины, как правило, занимают должности главного бухгалтера (87%) или должность главного экономиста (80%) в то время как на позиции начальника отдела наблюдается: 32% женщин и 68% мужчин, главы департаментов и их заместители составили: 100% мужчин.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том что, существует множество причин, по которым доступ женщины к руководящим должностям закрыт или ограничен. По мнению Кочкиной большинство женщин, имеющих власть, руководят исключительно женщинами. Это объясняется «антиматриархатом» мужчин, в основе которого лежит нежелание находиться в подчинении у женщины и желание сохранить монополию мужчин в руководящей власти [5]. Ключевым препятствием для женщин является то, что подъем по организационной лестнице связан с появлением подчиненных.

Интересна, на наш взгляд, мотивация современных женщин по поводу их участия в политике. Участие в политике для них — жизненная потребность в справедливости,

в стремлении, изменить жизнь в интересах женщин [6]. Для многих женщин-политиков присуще чувство личной ответственности за проблемы, стремлением личным участием повлиять на ситуацию в обществе.

Подводя итоги статьи, можно констатировать факт прочно закрепленной в сфере государственной власти РФ, социально значимой тенденции развития гендерной иерархии. В которой в основном мужчины занимают руководящие посты, а женщины, более низшие и вспомогательные должности. Тем самым можно отметить, что гендерная асимметрия в сфере государственного управления, резко снижает эффективность принятия управленческих решений, так как не учитывается значимый опыт половины населения страны.

На мой взгляд, решение социальной проблемы гендерной асимметрии можно рассматривать через призму принципа равенства прописанного в Конституции РФ. В частности стандарты, закрепленные в Конституции России, и в международных актах подлежат безусловному осуществлению и являющиеся обязательными для государств. Исходя из выше изложенного, проблемная ситуация утверждения женщин на руководящих постах в органах государственного управления, заключается в назначении женщин на руководящие должности в сфере образования, культуры здравоохранения и других видов социальной деятельности при условии реализации потенциальных возможностей биологически присущих только женщинам.

Литература:

1. Крупская Н.К. Женщина как равноправный гражданин СССР: сборник статей и речей. — М., 1937; Арманд И.Ф.
2. Титаренко Л.Г. Гендерная социология. Энциклопедия социологии 2009. С. — 179.
3. Канапьянова Р.М. Женщина на государственной службе Москва, изд. РАГС 2004. С — 46.
4. Женщины и мужчины России. 2009: стат. сб. М., 2009. С. — 232—233.
5. Кочкина Е. Женщины в российских органах власти// ОНС. 2008. №1 С. — 179.
6. Канапьянова Р.М. Гендерная асимметрия на государственной службе: Траектория преодоления стереотипов. Москва, изд. РАГС 2006. С. — 34.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 3 (38) / 2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М.Н.

Иванова Ю.В.

Лактионов К.С.

Комогорцев М.Г.

Ахметова В.В.

Брезгин В.С.

Котляров А.В.

Яхина А.С.

Ответственный редактор:

Шульга О. А.

Художник:

Шишков Е. А.

Верстка:

Бурьянов П.Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6